

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **N 1 (85)**

МОСКВА 2013

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2013. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутгов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); к.м.н. Е.В. Шелкопляс (Иваново);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия), д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru, http://www.devec.ru.

Тираж 1000 экз.

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью

«Инвестиционная компания БАРРЕЛЬ»

тел. (499)515-3333, 8-800-333-2939 (звонок по России бесплатный), (495)710-2939.

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2013 г.

Содержание

Пятнадцатый! (Ю.М. Осипов)	7
<i>Ю.М. Осипов</i> Российский вызов развитию России	8
Раздел I Философия хозяйства	
<i>Н.Б. Шулевский</i> Реформистское и постреформистское иго России	23
<i>М.Л. Альпидовская</i> Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма.....	37
<i>М.Ю. Лачаева</i> Осознание и реализация «фактора древности» в «лаборатории» русской хозяйственной жизни: ученые и власть	47
<i>И.Г. Шевченко</i> Поле боя. Четвертая ипостась	54
<i>М.Р. Эляян</i> История философии хозяйства: историографический анализ вопроса «Религии Китая»	60
<i>Р.Е. Соколов</i> Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о принципах солидарности и субсидиарности на международном уровне.....	71
Раздел II Актуальный Ленин	
<i>Ю.М. Осипов</i> Актуальный Ленин: к 95-летию классической работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»	79
<i>С.Г. Кара-Мурза</i> Работа В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»: современное прочтение	97
<i>Н.Б. Шулевский</i> Империализм как форма антихристианского экономизма	109
<i>Р.Т. Зяблюк</i> Природа современной экономики	124
<i>П.А. Покрытан</i> К вопросу о признаках империализма периода глобализации (к 95-летию выхода в свет работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»).....	138
<i>И.И. Рудяк</i> Ступени многомерной глобализации в монтажном историческом времени: от Ленина — через наносферу и ноосферу — до Булгакова	143
Раздел III Экономическая теория	
<i>А.Б. Николаев</i> Мирохозяйственные аспекты формирования стоимости	159
<i>А.А. Горшков</i> Неоклассическая теория провалов рынка и ее критика	174

<i>Б.Б. Славин</i>	
Информация и кризис экономики.....	182
<i>Н.И. Балдыч</i>	
Кризис доверия к финансовым институтам в условиях несовершенной информации: пути преодоления	191
<i>П.В. Скотный</i>	
Рост человеческого капитала как основа развития государства	198
<i>К.И. Сотникова</i>	
Почему в России нет компаний подобных «Apple» или «Toyota»?	204
<i>А.Г. Домбровский</i>	
Экономический хронотоп в синергетическом измерении	212
Раздел IV	
Современное образование	
<i>В.С. Сизов, Е.Н. Сизова</i>	
Проблема оценки эффективности деятельности вузов.....	221
<i>Л.С. Воробьева</i>	
Образование как фактор развития в эпоху глобализации	229
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>В.А. Кутырёв</i>	
О чем был «Диалог мировоззрений»?	239
<i>А.В. Коровин</i>	
Датский модернизм и философская новелла Мартина А. Хансена	248
<i>Т.А. Есина</i>	
Историческая память народа как источник его культуры (размышления о книге «Мы помним...»)	258
<i>А.В. Никоноров</i>	
«Мы помним...»	265
Научная жизнь	
<i>Р.С. Гринберг</i>	
Как сделать отечественные реформы полезными	272
<i>М.В. Леонтьев</i>	
Алгоритм новой индустриализации	277
<i>С.А. Марков</i>	
Большая идея и формирование социальности	283
<i>А.А. Нагорный</i>	
По ухабам «реформирования»	287
Наши авторы	299

Contents

Fifteenth! (<i>Yu.M. Osipov</i>)	7
<i>Yu.M. Osipov</i> Russian Defiance to Russia's Development.....	8
Part I	
Philosophy of Economy	
<i>N.B. Shulevsky</i> Reformist and Post-reformist Yoke of Russia.....	23
<i>M.L. Alpidovskaya</i> Using Social and Economic Euphemisms as a Way of Modern Economism's Existence.....	37
<i>M.Y. Lachaeva</i> Imagination and Realization of «Factory of Ancient» in «Laboratory» of the Russian Economy: Scientists and Authority	47
<i>I.G. Shevchenko</i> Field of Struggle. Fourth Hypostasis.....	54
<i>M.R. Eloyan</i> History of Philosophy of Economy: Historiographic Analysis of «Chinese Religion».....	60
<i>R.Ye. Sokolov</i> Modern Canonical Philosophy of Economy in Catholicism: to the Role of Solidarity and Subsidiary Principles on an inTernational Level.....	71
Part II	
Actual Lenin	
<i>Yu.M. Osipov</i> Actual Lenin: to the 95-th Anniversary of V. Lenin's Classical Paper of «Imperialism, the Highest Stage of Capitalism».....	79
<i>S.G. Kara-Murza</i> V. Lenin's Essay «Imperialism, the Highest Stage of Capitalism»: Modern Reading	97
<i>N.B. Shulevsky</i> Imperialism as Form of an Anti-Christian Ekonomizm	109
<i>R.T. Zyablyuk</i> Nature of Modern Economy	124
<i>P.A. Pokrytan</i> On the Features of Imperialism Period of Globalization (for the 95th Anniversary of the Publication of the Work of Lenin «Imperialism, the Highest Stage of Capitalism»).....	138
<i>I.I. Rudyak</i> Way from Lenin to Bulgakov	143
Part III	
Economic Theory	
<i>A.B. Nikolaev</i> The International Economic Aspects of Value Formation	159
<i>A.A. Gorshkov</i> Neoclassical Theory of Market Failures and it's Critics.....	174

<i>B.B. Slavin</i>	
Information and Economic Crisis	182
<i>N.I. Baldych</i>	
Crisis of Confidence to Financial Institutions in Imperfect Information: Overcoming Ways	191
<i>P.V. Skotny</i>	
Growth of Human Capital as the Foundation for Development of a State	198
<i>K.I. Sotnikova</i>	
Why in Russia there are no Companies Like «Apple» or «Toyota»?.....	204
<i>A.G. Dombrovsky</i>	
There is an Economic Chronotope in Synergetic Measurement.....	212
Part IV	
Modern Education	
<i>V.S. Sizov, E.N. Sizova</i>	
Problem of an Assessment of Efficiency of Activity of Higher Education Institutions	221
<i>L.S. Vorobyova</i>	
Education as a Development Factor During a Globalization Era	229
Part V	
Reviews and Responses	
<i>V.A. Kutyrev</i>	
What was the «Dialogue of World Views»?	239
<i>A.V. Korovin</i>	
Danish Modernism and Martin Hansen's Philosophical Short Story	248
<i>T.A. Esina</i>	
People's Historical Memory as a Source of a Culture (Reflection about the Book «We Remember...»)	258
<i>A.V. Nikonorov</i>	
«We Remember...»	265
Scientific Life	
<i>R.S. Grinberg</i>	
How to Make Domestic Reforms Useful	272
<i>M.V. Leontyev</i>	
Algorithm of New Industrialization	277
<i>S.A. Markov</i>	
The Big Idea and Forming of Sociality	283
<i>A.A. Nagorny</i>	
On Pits and Bumps of Reformation	287
Our Authors	299

Пятнадцатый!

15-й год издается журнал «Философия хозяйства». Нижеследующая книжка — 85-я! И каждая из 85-ти — не только объемная, но и содержательная, мало того — уникальная! А все 85 книжек-номеров — настоящая гуманитарно-обществоведческая энциклопедия. Мысли, тексты, материалы — на любой вкус и под самый строгий запрос. Ну а авторы — от выдающихся мыслителей современности и вполне сложившихся высоких профессионалов до входящих в большую науку диссертантов, а все вместе — великий думающий и пишущий корпус! Каждый автор — сам от себя, а все авторы вместе — беспредельное сомыслие: новое, творческое, продуктивное. Как не порадоваться 15-летнему юбилею и, смеем надеяться, к концу 2013 г. и 89-тишутчному достижению?!

Журнал вполне самостоятельный, свободный и жизнеспособный. Однако вовсе не сам по себе: помимо редакции, редсовета, авторов, читателей и почитателей у него есть и попечители, имена которых часто остаются, не без желания самих фигурантов благородного дела, в тени. Так вот, попечители у журнала есть, и только благодаря им журнал не только есть, но есть как журнал — самостоятельный, свободный, жизнеспособный.

Основная забота журнала — философия хозяйства. Она тоже сегодня есть и тоже, как и журнал, самостоятельна, свободна и жизнеспособна. Ничего удивительного: под Богом и при Софии! Далеко не всем образованным гражданам это нравится: есть «разудалая критика», есть и «плинтусное пасквильянство», правда, в одиночестве, с обочины, из тени. Однако философско-хозяйственный караван идет — к вершинам, причем не так даже знания, как мысли. Знание хорошо, а мысль все-таки лучше, конечно же, послезнаниевая — новая, большая, откровенческая. Пусть «пыхатели» наслаждаются своим «пыхтением», не имеющим, впрочем, никакого отношения к собственно философии хозяйства, а философия хозяйства, не имеющая никакого отношения к этому «пыхательству», пусть... нет, не процветает вовсе, а попросту... цветет — знанием, мыслью, открытиями!

С новым творческим годом всех причастных к журналу и к философии хозяйства!

Главный редактор

*Послесловие к научной международной конференции 5—7 декабря 2012 г.
«Постреформизм на службе России: вырыв к развитию»*

Ю.М. ОСИПОВ

**Российский вызов развитию России
(вместо конференционной резолюции)**

Аннотация. Развитие российского хозяйства и социума — важнейшая задача страны, решение которой можно найти на путях мобилизационной консолидации созидательных сил в русле постреформенного обновленческого бытия.

Ключевые слова: Россия, развитие, постреформизм, неодирижизм, неолиберализм, политика, экономика, государство, идеология.

Abstract. Development of the Russian economy and society is the most important task for the country which can be solved in the process of mobilization consolidation of constructive forces in line with post-reformist life.

Keywords: Russia, development, post-gradualism, neo-dirigisme, neo-liberalisme, policy, economy, state.

Констатация

Все еще проходящие в Российской Федерации социально-хозяйственные, они же и политико-экономические, реформы — поначалу вполне революционные, затем собственно реформные, имеют результатом формирование сугубо присвоительно-распределительной, но никак не производительной-«развитиевой», системы финансово-экономического (капиталистического) хозяйства, встроенной в глобальную, контролируемую, направляемую и ориентируемую из-за пределов России цивилизационную (экономическую, политическую, хозяйственную) *систему-мир*, или же *мир-систему*, причем встроенную в качестве зависимой и подотчетной, во многом и колониального свойства, подсистемы, что то же самое — *суб-цивилизации, суб-государства, суб-хозяйства, суб-экономики*. Такое *суб-образование* способно воспринимать не более чем *суб-модернизацию* и осуществлять некоторое *суб-развитие* — в пределах своей зависимости от глобального контекста и на основе предположенной этим контекстом специализации (энерго-сырьевой, полуфабрикатной, вспомогательной), что то же самое — в русле, на основе и в границах *глобальной субординации* (по месту, роли и состоянию).

Отсюда нежелательность, невозможность и нереализуемость собственного, самостоятельного, перспективного, опосредованного будущим и на будущее нацеленного, вполне новаторского и творческого *развития*, выходящего за пределы текущих инноваций (ныне более всего заимствуемых извне) и выражающегося в виде непрерывного процесса качественного (генеративного, совершенствовательного, возвышательного) преобразования национального хозяйства и всего странового социума.

В итоге наличие в пореформенной стране *тупика неразвития*, еще и неустанно подбадриваемого энтропийной тягой к *антиразвитию*.

Сверхзадача

Вырыв, а не переход или даже прорыв, к развитию, понимаемому не столько как появление в стране чего-то нового, даже и передового, сколько как обретение особого — нацеленного как раз на развитие — *состояния социума и хозяйства*. Развитие, если иметь в виду не просто развитие, а *само-развитие* — не как развитие плоды, которые можно завезти и извне (что ныне в России по преимуществу и делается), а как почва с семенами, способная произвести развитие дерево, родящее уже самые что ни на есть собственные развитие плоды. Потенция к развитию тут важнее самого по себе развития (как реального обновления); предреальность значимее реальности; возможность фундаментальнее действительности. В стране нет сегодня адекватной основы, лучше бы сказать — *субстанции* — *субстанции развития* — ни духовной, ни моральной, ни трудовой, ни интеллектуальной, ни творческой, ни технической, ни экономической, ни управленческой. Тенденция антиразвития сильнее тенденции развития, отчего более всего не развитие, а... *неразвитие*. Отсюда именно *вырыв* к развитию, а не что-нибудь иное, ибо стране надо не более и не менее как *вырваться* из трясины — трясины неразвития, обильно орошаемой *антиразвитием*. Сначала сброс вериг антиразвития, потом прорыв пелены неразвития, а затем уже только рывок к развитию. Это действительно *сверх-задача*, ибо в тисках обыкновенности она попросту невыполнима. Тут на повестку дня выходит *чрезвычайность*, способная родить... *чудо*, если прямо-таки не *сверх-чудо*!

Сверхметод

Метод это путь — путь решения задачи. И ежели надо решать *сверх-задачу*, то и метод должен быть *сверх-методом*. Вполне и чрезвычайно, не менее экстраординарным, чем бодро осуществленная и до сих упорно проводимая в нынешней Российской Федерации частно-присвоительная реформа, она же и самая настоящая, растянувшаяся уже на два десятилетия, *антисоциалистическая революция*. Чрезвычайным в плане устремленности, настойчивости, изобретательности,

изошренности, действенности, плодородности. *Неодирижизм* в единении с *неолиберализмом*, когда неолиберализм снизу, а неодирижизм сверху, посреди же — *субстанция развития* со своей *реальной зоной реального развития*, или же развивающаяся Россия в пространстве устаревающей на глазах и самостоятельно не развивающейся пореформенной России. Одна опричь другой! Мобилизационный сдвиг, обеспеченный консолидацией созидательных сил, их соединением в «огненный» очаг развития и расчисткой для этого очага потребного жизненного пространства.

Политический тренд: постреформизм

Укрощение разрушительных, вредоносных и опаснейших для страны, хозяйства и социума частно-присвоительных реформ — вполне уже и безумных, не дающих практически никакого в конструктивно-продуктивном плане позитивного эффекта, в чем-то уже реформ ради реформ, инерционных реформ, слепых и глухих, а потому и тупых, морально непереносимых, вполне и злодейских. Хватит! Страна по горло сыта противоестественными, тянущими в inferнальный низ и не влекущими в сакральный верх реформами, преследующими и убивающими нормальную, плодотворную и перспективно обусловленную жизнь, и остро нуждается в принципиальном развороте от уже унылого и гнетущего *реформизма* к ободряюще-созидательному *постреформизму*, способному, погасив злокачественный реформизм, возжечь огонь доброкачественного жизнотворения.

Постреформизм в данном случае — не прекращение вообще преобразований, а всего лишь радикальное изменение их глобального судьбоносного курса — в чем-то и *антиреформное*, но не прямолинейно контрреформное, а более всего позитивно коррекционное, что предполагает, помимо обретения здоровой бытийственной нормы, еще и выход на достойное великой страны и ее созидательных поколений историческое творчество — идейное, социальное, культурное, научное, технологическое — прочно и надолго овладевающее интеллектуально-организационной энергией элит и трудо-полезным сочувствием народных масс, а главное — *всеобщим, достойным человека и общества, будущим!*

Развитие как... сверхразвитие

В нынешнюю эпоху — эпоху неоиндустриализма, нано- и меганануки, высоких, тонких и незримых технологий — развитие вовсе не сводится к безудержному росту материально-технической производительной базы, безграничному возрастанию потребительного богатства и столь же безмерному преумножению предметно-полезного разнообразия текущего жизнеотправления, а, наоборот, восходит к качественному обновлению самого человеческого бытия в целях его перспек-

тивного совершенствования и перевода в *иное*, никогда еще не бывшее, природно-неприродное состояние — фантазийное, сказочное, мифоподобное!

Не умаляя важности решения насущных и даже не очень-то насущных, но все же необходимых для полноценного существования человека и общества производственно-потребительных задач, приходится констатировать, что главное в современном развитии — не развитие как таковое, к которому привыкло человечество и с которым свыклась академическая мысль, не развитие условий бытия человека и общества, а развитие... уже самого по себе бытия, включая даже не бытие человека и общества, что понятно, а и самого человека с его обществом, иными словами — развитие не вширь, а вглубь — человека и общества, а ежели и чего-то вширь, то не так ради самой шири, как ради чаемой глубины.

На повестке *новая парадигма развития*, провоцируемая и подкрепляемая наплывающей на человека *новой парадигмой бытия*, включая самого человека и само общество. На очереди не слишком еще известное и понятное, но уже остро ощущаемое *парадигмальное обновление всего и вся*. Впереди явно эсхатологическое будущее, приближаемое столь же эсхатологическим развитием, как раз тем самым, которое можно при желании посчитать как за *развитие в развитии*, так и за *развитие развития*, но с той важнейшей оговоркой, что это уже развитие... как бы в обратную сторону, во внутрь себя, ввернутое в себя развитие, *интра-развитие*, ну а по новейшей умственной традиции — *нео-* или даже *пост-развитие*, может, и *мета-развитие*, как знать?, но в любом случае — *сверх-развитие*!

Парадигма сверхразвития как контрпарадигма

Глобальный Запад все уже за всех решил: человека — в *чиповея*, а общество — в *чиповейник*! Однако остальной мир, а во многом тоже и западный, *этого* не хочет, а хочет чего-то совсем другого: не *пост-человека* вовсе, а *иного человека*, или *ино-человека*, как, соответственно, не *пост-общества*, а *иного общества*, или *ино-общества*. Спасение тут не в технике, а в идеях, не в обанкротившемся либерал-гуманизме, а в новой, уже и сверх-над-человеческой, идеологии, освещаемой не вымороченной от собственного всезнайства гуманитарной наукой со все еще подогреваемым ею пустопорожним и античеловеческим атеизмом, а в укорененной среди высшего относительно брэнного земного человека *ино-мирья Софши*, только и могущей сообщить нечто конструктивно-спасительное бытующему на земле все-еще-человеку, не поддавшемуся на ренессансно-просвещенческую провокацию насчет собственного *над-природного* и *вне-сакрального* величия и избегшему, в отличие от еврочеловека, модерно-постмодернового пересотвори-

тельно-демиургического беснования. Не отрицание человека в ходе его глобального передельческого развития, а утверждение человека в ходе хорошо осознанного им сверхразвития — с софийным обновлением человеческого сознания и всей человеческой природы, — как раз без «чипов» и без «вейства»!

София

Знание — сила, а ежели оно от Софии — софийное знание — то двойная сила — одновременно конструктивная и спасительная! Софийный человек, он же и *под-Софийный* — *человек меры*, разумеется, софийной. Заповеди тут следующие: признание иномирья и высших смыслов; уважение другого, как самого себя; человек в мире-социуме и мир-социум в человеке — взаимодополняемость и взаимответственность; свободный личный выбор при всеобщей солидарности, вполне и умеренной. Этнос, народ, нация — необходимая, неизбежная и потребная реальность. Отечество, Родина, Пенаты — непререкаемая и неукоснительная ценность, пусть во многом и ирреальная. Благотворная культура, благоносная цивилизация, ответственное государство, всеобщий и всеобъемлющий людской компромисс.

Техника

Техника рядом с человеком, но не в человеке, среди социума, но не в ущерб ему. Покорение техники человеком, а не человека техникой. Техника как управляемый человеком фактор, а не управляющий человеком актор. Оснащенный техникой, но не поглощенный ею человек. Не технический человекообраз, а *над-технический человек*!

Элита как сверхэлита

Сегодня в России доминирует «либерально-российская», она же и «постмодерново-симуляционная», она же и «профанно-антироссийская», *антиэлита*, несущая в социум и внедряющая в человека *тотальный абсурд* — едкий и разлагающий. Противостоящая этой антиэлите антиабсурдная элита в России есть, но она по преимуществу в обороне и в лае. Слово за *новой элитой*, способной объемно одолеть антиэлиты с ее нарочитым абсурдом в ходе мощного контрнаступления. Отсюда на повестке дня не просто элита, а *сверх-элита*, выполняющая кажущуюся неисполнимой *сверх-задачу*: от арьергардной контрабсурдной обороны к авангардному на абсурд натиску! София — в помощь!

Идеология как сверхидеология

Конструктивно-спасительная идеология ныне сверхпотребна! Национальная, созидательная, устремленная в будущее, еще и человеческая, общественная, историческая, мало того — нравственная, трудовая, зовущая к творчеству, в общем — совершенно на сегодня невозможная: текущая практика не просто противоположна такой идео-

логии, но ей принципиально и вполне угрожающе враждебна. Но делать нечего: без идеологии — *новой идеологии!* — разворота к сакрально-природо-человеческой норме не совершить, как не осуществить и разворота к развитию, не говоря о сверхразвитии. Вот где тупик, так тупик! В слове, в идеях, в общественном сознании. Однако почва национальная насовсем не иссохла, кое-что плодотворное в ней еще есть — от традиции, от повседневности, от обыденности, а потому *идеологический разворот* еще возможен, но... вкупе с соответствующими делами, которых еще нет или почти нет, но которые все-таки возможны, ибо необходимы.

И опять *сверх-*, но теперь вот *сверх-идеология*, ибо к малой идеологии вынужденного народного жизнеотправления нужно добавить большую идеологию *сверх-исторических свершений*. И опять сверхзадача, ибо ни наука — эта разрушительница всяких идеологий; ни нОВОМИРОВСКАЯ философия, оправдавшая бесноватый антропоцентризм с коррозионным атеизмом и вызволившая на волю страстных демонов денег, наживы и потребительства, как и развязного сциентизма с беспощадным техницизмом; ни закосневшие в правильных догматах и не владеющие гибкой современностью религии, не считая, разумеется, прозорливого в тяжелой правде своей Иоаннова «Откровения», тут не помогут.

Оттого и *София* — эта сверхмудрость, она же и предмудрость, она же и мудрость мудрости: вопрошай, человек, внимай и думай, ищи и обретай, если сможешь... София не против, хотя и не... за, ибо ответственно все тут, очень ответственно!

Россия

Что за слово такое — РОССИЯ?! Почему столь значимо — причем таинственно, магически, трансцендентно? А что оно означает — страну, мир, цивилизацию, народонаселение, историю? А может, и самое что ни на есть... *ничто*, которое, вроде бы ничего не означая, означает-таки какое-то... *нечто*, как раз то самое, что висит себе в ноосфере и... влечет к себе, да что влечет — притягивает, втягивает, поглощает! *Россия, Россия... Россия!* Колдовство какое-то! И все идейное — гео-антропо-социоидейное — почему-то и как-то в этом слове отовсюду сходится и из него непонятным образом на весь мир расходится. Не беги, безумец, от «России», а, остановившись и замерев хотя бы на мгновение, всматривайся и вслушивайся в это слово, думай о нем и вместе с ним и... всё вдруг и откроется — все смыслы, все идеи, все значения, ибо Россия это как раз и есть наша родимая София — загадочная, далекая и близкая, закрыто-открытая, уловимо-неуловимая... Идеология России... в России, можно даже сказать — сама Россия и

есть идеология, только читать ее надо уметь, да не одним лишь умом, а и сердцем... через посредство, конечно же... Софии!

Правительство

Оно в тягучей и липучей растерянности: не может, не хочется, даже и противно, а... *надо!* Строить в стране надо, инвестировать, производить, изобретать, внедрять, инновировать, научно-технологическую сферу держать, образование совершенствовать не по-болонски, идеологию нравственно-созидательную запускать, личный позитивный пример показывать, с народом откровенно говорить, перспективы неустанно разглядывать, на достойное будущее замахиваться... о-о... много чего надо, в том числе и доходы не в пользу одних богатых и ненужного немассового потребления распределять, и с бедностью бороться, и с коррупцией, и кое-кого в тюрьмы сажать — прямо-таки на пожизненное, и кое-чего решительно национализировать... в общем — много чего надо, много при этом работая — умно, созидательно и по-честному. Фантастика! Чует ли эту своевременно-несвоевременную фантастику российское правительство? Чует, наверное, но... очень и очень не хочется ему к ней подвигаться, оттого и... *растерянность* — уже прямо-таки *субстанциальная*. Растерянность управленческая в России, да и перед самой Россией, которая для нынешнего правительства *terra incognita*, причем опаснейшая. Не правительство тащит Россию к развитию, а Россия гнобит правительство из-за неразвития. Очень неприятная для «правителей» кризисно-катастрофная ситуация! И что же? Ежели не *эти* сделают жизненно потребное для России, так *другие* сделают, не другие, так... *иные*, которые уже на подходе. Есть оно — скрытое историческое напряжение, от масс людей и немассовых элит вполне и независимое, а за напряжением таким непременно следует... *разряжение*, — уж какое у реальной истории выходит!

Президент как... невозможный сверхпрезидент

Знает ведь всё, но... не решается! Знает, что без саморазвития России никуда, но то ли все еще верит в пресловутую и вполне и живую «глобально-либеральную рыночность», которая-де будучи никакой не рыночностью и, тем более, никакой не либеральной, дарует вдруг России потребное ей развитие; то ли всерьез надеется на «иностранный капитал», только-де и думающий о неоиндустриальном процветании России; то ли совсем не верит в возникшую на его глазах и не без его участия пореформенную Россию, ни на что, кроме грабительского самопожирания, не способную; то ли не может поверить в историческую Россию, как раз вполне способную внезапно *перестроиться* — прямо на марше, собраться с силами и умами, да и выдать рывок вперед — к новому национальному саморазвитию; то ли никак не может осознать,

что развительной Россией надо *управлять*, да не как-нибудь, а *властительно*, а перед тем совершить *дисциплинарную революцию сверху*, которая уже давно назрела, всю о себе вопиет, энергично подбадриваемая всенародным постреформенным ожиданием-протестом. Знает, но... медлит... с действием, хотя кое о чем потребном уже заговорил. Вот она — острейшая историческая коллизия: от только что свершившегося реформизма с его тупиком неразвития к постреформизму, но уже с открывающейся с ним возможностью развития.

Порожденная недавним реформизмом *административная антисистема* застряла в своем собственном системно-антисистемном кризисе, ни одному россиянину и всей России ненужная, а потому на очереди не что иное, как направленное на деятельский позитив административное перестроение, разумеется, по инициативе сверху, то самое перестроение с очищением, которое способно дать эффективное управление страной — вполне и державное, но уже не с обычным президентом во главе, а с необычным — *сверх-президентом*, реализующим *сверх-управление* и оперативно решающим стратегическую *сверх-задачу*.

Искрящийся текущий момент

Еще слышатся из народных глубин зовы к переменам, как и слышатся призывы патриотической элиты к всестороннему развитию страны. Россияне... нет, не верят, конечно, а всего лишь... надеются — без всякой при этом реальной надежды! — на поворот от раздаточно-присвоительного экономического деспотизма к *деспотизму развития* (иного уже, видно, не дано!). Затянувшаяся на годы «минута молчания» с замершей «фигурой умолчания»! Впереди, кажется, одно лишь повторение пройденного, а хотелось бы необычной новизны — *реального политического развития*! И все сфокусировано, как испокон века принято на Руси, на первом в государстве лице, которое ныне не государь вовсе, не властитель и не правитель, а не более чем дивный образ... э-э... *национального лидера* — пока более в возможности, чем в реальности, отчего и повисла в российской атмосфере дилемма: *или* — *или!* — а дилемма вообще-то есть выбор из двух вариантов, когда оба... хуже, а вырваться из тенет неразвития непременно надо!

Итак: *сверх-намерение*, *сверх-воля*, *сверх-усилие*, *сверх-деяние*! Нет, ныне уже не государь, не правитель, не вождь, но... *веришитель* — вместе с верящим в Отечество народом и поверившей в возвышение Отечества элитой.

Вызвать веру и укрепить уверенность: словом и делом! Это-то сегодня и самое трудное!

Государство

Оно вроде бы есть — большое, многочисленное, протяженное, но его

как бы и нет, ибо молчит оно — о главном! и бездействует — тоже в главном! Чиновники есть, их очень много, но они не правят, ибо ими правит... нет, не конституция вовсе, а... коррупция. А ведь в России без государства ничего судьбоносного никогда вообще не происходило и, увы, до сих пор не происходит: ни масштабной стройки, ни замысловатой перестройки, ни неизбежного догоняния Запада с мобилизационной модернизацией, ни умеренного реформирования, ни взрывной революции. Государство в России — более чем государство, это главнейший на российской земле охранитель и делатель — то в роли хладнокровного консерватора, то вдруг в роли темпераментного новатора, мало того — это первый, главный и единственный во всероссийском масштабе *европеец*, хотя при этом и совершенно российский, во все и не европейский. Вот и сейчас в России развернута устроенная властями евро-, она же и глобо-, реформа-революция, и как всегда российско-антироссийская, но зато с совершенно неудовлетворительным с позиции нации и государства результатом — с резкими социальными неравенствами и смертоносными проблемами, без всякой потенции к саморазвитию и самосовершенствованию. На очереди вновь *государственная революция*, она же и *антиреволюция*, на этот раз уже *пророссийская*, а ежели не так, то жди невозможных потрясений, от которых на Руси-России сладко почему-то никому не кажется!

Предпринимательство

По большому, чуть ли не по гамбургскому, счету своего полнокровного и полноценного *предпринимательства* на Руси-России никогда не было, вернее, что-то такое было, но ограниченное, вспомогательное, неразвитое, нетворческое, по преимуществу заимствованное: торговое, «добытчевское» или первопроходское, но никак не научно-технико-индустриальное, в общем — не европейское. Никакой *предпринимательской революции* в России не свершилось, как это возмело место в той же Европе. Отсюда активные экономически россияне — не предпринимательство в полном смысле слова, а всего лишь «бизнесменство», ежели и какое-то подобие предпринимательства, то в европейской мере совсем нереализованное: торговое, промысловое, сырьевое, легкомышленное, в общем — не слишком индустриальное, не техническое, не новаторское, хотя на рубеже XIX — XX вв. таковое вроде бы и появилось, но, увы, ненадолго.

Нынешний российский «рыночник» — никакой не предприниматель, тем более не производительный новатор, а всего лишь монетарно-торгово-посреднический делец. Это некий *недо*-предприниматель, а лучше бы сказать — *пере*-приниматель (в аспекте снятия денежных доходов). Такого «предпринимателя» совсем не интересует саморазвитие великой страны, ибо он не европеец и не американец, — он лишь

вырвавшийся на простор денежно-присвоительного накопления бывший советский «службеец» или же бывший антисоветский «криминалец». Разумеется, ростки всамделишного предпринимательства (инициативного, новаторского, плодоносного) в России всегда были и даже есть сегодня, но лишь ростки, так и не смогшие, тем более, не могущие сегодня, разрастись во всероссийское предпринимательское древо — почва и воздух, видно, не те!

Отсюда острейшая потребность в государственной поддержке не присвоительно-распределительного бизнеса, как сегодня, а *инновационно-производительного предпринимательства*, что должно быть завтра, но при этом и острая нужда в *государственном предпринимательстве*, эффективно сочетающемся с соответствующим частно-корпоративным предпринимательством: государственно-корпоративный *неолиберализм* вкупе с корпоративно-государственным *неолиберализмом*, — вот, собственно, и все!

Экономика и хозяйство

В сегодняшней России есть вполне развитая экономика с ее деньгами, финансами и капиталами, но нет вполне и всесторонне развивающегося хозяйства с его неоиндустриальным и высокотехнологичным трудо-творчеством. В Европе экономика служила и служит, худобедно, производительному хозяйству, хотя нынешний самонадеянный финансизм уже немало ему препятствует (современный мировой кризис — кризис прежде всего паразитарного финансизма). В России же экономика с ее эгоистическим финансизмом и кромешной коррупцией работает против не только развитиевого хозяйства, но и вообще против всякого хозяйства, не давая возможности обеспечить нормальное жизнеотправление человека, общества, нации, государства.

В России нет и почти никогда не было ни свободного хозяйства, ни эффективной ради хозяйства свободной экономики. Россия — *другой мир*, не европейский, и европейским так и не ставший, да уже никогда и не станет — невозможно, ненужно и опасно! И не в «институциях» тут дело, не в «производственных отношениях», а в *человеке*, который в России вовсе не европеец. Отсюда своеобразие российского развития — оно *другое, в другом и по-другому*. Хотим мы того или не хотим, но российское развитие не может не быть *государственно-общественным* — побудительно-дружным, мобилизационно-соборным, вдохновенно-бескорыстным. *Дирижистское общеразвитие*, долженствующее стать и *национальным саморазвитием!* Отсюда и постреформизм — как сброс всяких заимствованных извне и дурных по исполнению и результатам реформ, насаждающих глобо-колониальную экономику и приводящих к стагнации, деградации и развалу народного хозяйства. Не заграничные реформы в России потребны, а *радикальные внутренен-*

ние перемены — в политике, экономике, хозяйстве, обществе, государстве, человеке, бытии. Что Западу хорошо, то России — смерть! Не к западной джаз-бандовой кокофонии надо российским дирижерам прислушиваться, а к стройному звучанию имперского национального оркестра, демонстрирующего пример именно российского способа бытия — с управителем в центре и общим ладом в окружающем его пространстве!

Неодирижизм и неолиберализм

Неодирижизм — это управление, но по преимуществу через контекст, идеологию и культуру, общественное сознание, как и через поощрение субъектных интенций, что не исключает ни прямых действий, ни регламентаций, ни запретов, ни понуждения. *Нео* означает, во-первых, новое (не бывшее ранее); во-вторых, с новыми задачами и средствами; в третьих, неременное сопряженное с трудо-творческой свободой (тоже не бывшей ранее). Все дальние и ближние уроки российской истории — в *неодирижизме*, реально осуществимый, однако, лишь вкупе с *неолиберализмом*, в котором *нео* как раз и означает сопряженность с неодирижизмом. Не дирижизм здесь служит либерализму, как на Западе, а либерализм обязан послужить дирижизму. Таково главное условие овладения российской нацией *субстанцией развития*, а затем и самим национальным *саморазвитием*!

Россия и саморазвитие

Нынешняя пореформенная Россия не жаждет никакого *саморазвития*, мало того, она бросила оное в жертву частно-присвоительному обогащению, а вместе с этим и в жертву неразвитию. Это проделала вполне реальная и вполне физическая по бытованию Россия. Но есть и другая Россия — *метафизическая*, а с *этой* Россией все обстоит не сколько, а может, уже и заметно, иначе: в искареженной аморальным реформизмом стране зарождается и несмотря ни на что поднимает голову, причем вопреки победной на сей момент гадостно-адовой России, *новый российский человек*, — нет, не евроамериканский предприниматель, порожденный в свое время агрессивно-новаторским Ренессансом и либерально-обновленческой Реформацией, включая и экономико-научно-технологическую революцию, как и не советско-социалистический службист, наспех выкованный неукротимым большевизмом, а свободный в помыслах и жаждущий необычного жизне-творческого действия россиянин — *новый россиянин* (вовсе не пресловутый «новый русский», а как раз этому более чем гнусному гибриду «советикуса» с «европеоидом» прямая противоположность). И именно этот *новый россиянин*, еще не очень бытийственно и функционально выраженный, но зато уже метафизически чувствуемый, как раз и стоит за постреформизм и новое развитие, вполне отдавая себе отчет в тягу-

чей невозможности *сверхрешения сверхнеобходимой сверхзадачи*. Но иного выхода у него и у России нет, и потому чаемый вырыв к развитию должен непременно случиться!

Новая Россия

Ее нет, но она уже есть! *Новая Россия* мало-помалу сосредоточивается, неуклюже приподнимается и к кое-чему возвышенному и необычному неброско и тяжело готовится!

И
ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Реформистское и постреформистское иго России

Большинство вещей и дел ускользает от понимания благодаря неверию.

Гераклит

Аннотация. Статья выявляет скрытый демонизм «реформ» и «постреформизма» как инфернальных клонов призраков обезбоженного мира; эти антиреалии исследуются как средства разрушения христианского общества и культуры. Сегодня антихристианство действует в формах постреформизма, охватывая своей инферальной сетью школу и детей, пропитывая их бытие безумием. Борьба за школу и детей — основной рубеж современной брани христианства и антихристианства в России накануне Главного События.

Ключевые слова: реформа, постреформизм, безумие, школа, Россия, дети.

Abstract. Article reveals the hidden demonism of «reforms» and «post-reformism», as infernally clones of ghosts of the disfigured world; these anti-realities are investigated as a tools of destruction of Christian society and culture. Today the anti-Christianity works in post-reformism forms, covering by its infernally network school and children, impregnating their life by madness. Fight for school and children — the main boundary of modern fight of Christianity and anti-Christianity in Russia on the eve of the Main Event.

Keywords: reform, post-reformism, Russia, children, madness.

Само Слово во плоти давно предупредило человека, что «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 19). И крушение планов людских, наглое торжество смерти доказывают эту аксиому Слова; и хотя человек знает, что есть Он — Главный, Всезнающий и Всепонимающий, но твердит «безумец в сердце своем “нет Бога”» (Пс.13, 1). Почитая свой ум высшей ценностью, люди уже не могут этим же умом признать, что есть Судия над их судом и умом. И вращаются они в кругах безумия, прикованные к нему цепями своих суждений. Вот набор элементов безумия мудрости мира сего: «*Все познаваемо и столь же непознаваемо*»; «*Все относительно: и знание, и незнание*»; «*Все безразличны для смерти: знание и незнание*»; «*Для знания у человека — мало жизни и средств, а для незнания — мало совести и смирения*»; «*Познание — и грех, и благо*»; «*Познание — свобода*»

и познание — рабство»; «Познание оживляет смерть, и оно же омертвляет жизнь». И все суждения¹ выражают не только мнимые знания людей, но и о-суждения их потуг постичь «это» вне «Того». И поскольку безумие рассеяно среди людей, то всю цельную красоту своего безумия они не видят, считая, что они умны, а все вокруг безумствуют. Предел осознания безумия — антиномии Канта, который, уверовав в свое неверие, заверял, что разум в равной мере может как доказать, так и опровергнуть любые тезисы; даже тезисы о том, что разум — это безумие, а безумие — это разум.

Но Евангелия судят ум не за то, что это ум человека, а за то, что в отрыве от Софии Святой и Премудрой этот ум становится большим, болезненным и безумием. Ибо ум есть божественное целое, имеющее два крыла — Софию и Логос. Не забыт и демонов ум, плодящий призраки, которыми они соблазняет людей, не сознающих лукавства своего ума. Логос — это техника ума, умеющего творить, изобретать, работать с материей, энергией («Что есть и как это сделать?»). София — это смысловая суть ума, знающего целевые причины мудрости («Для чего и ради чего делать?»). А ум демонов симулирует Логос и Софию, подменяя причины играми, чудесами («Играй; уйдет и жизнь, уйдут печали!»).

Западный мир использует потенциал Логоса и демонов, но их сил уже недостаточно для продолжения разума и жизни, которые без смысловой помощи Софии не могут и не желают оставаться ни умом, ни жизнью.

Это перерождение человеческого ratio в безумие охватывает буквально всю сферу жизни людей, все их понятия, методы, термины и деяния. Особенно глубоко оно поразило «реформы», которые из частных полезных орудий общества превратились в вакханалию безумия. Нечто вроде огонька, ставшего пожаром. Реформенное безумие царит в мире сем.

Сегодня любую проблему можно всерьез разбирать лишь с учетом inferнального четырехзначия «пост...»; Все события, мысли, верования, культуры, методы, институты, сама история и человек неожиданно быстро прибыли на станцию с романтически-угрожающим названием «Конец». А за этой станцией маячит другая станция с еще более черноманящим названием «Конец концов»! А будет ли продолжаться само это «Дальше»? В тупик зашли серебро- и прогрессолюбивые евриканы; задний ход они забыли, а впереди только суицид, тление остатков своей изгаженной святости, своего огеенно замученного Логоса,

¹ И Логос, и логика, прежде всего, судят людские представления, мнящие себя истинными логосятами.

презираемой Софии. Отсюда и безумие, занятое непрерывной реформой «всего и вся» без понимания inferнального и мстительного абсурда этого коварного слова.

Но и «постреформизм» — термин крайне неопределенный, как и его прародитель — постмодернизм², допуская любые бифуркации, импликации, инновации, дегустации, фрустрации, прострации, негации³, безумные деяния, недеяния, переодевания, линчевания, бичевания и претерпевания. Яснее и прозрачнее термин «вырыв», пришедший к нам из сокровенной мудрости русского языка и призывающий своими, своими (!) силами выбираться из засасывающей трясины безумствующего в последней агонии либерализма.

А вот лингвистический инвалид «постреформизм» сам не знает, чего ему хочется. То ли он мечтает бессонными ночами о революционных захватах власти и собственности? То ли в московских кабаках ищет автореформы, которые сделают нас всех счастливыми за 500 дней? То ли он желает новой конституции и севрюжины второй свежее-

² Поистине, «постреформизм» — это загадка, завернутая в тайну и окутанная туманом. «Пойми то — не зная что; пойдти туда — не зная куда; сделай то — не зная что; принеси то — не зная что; отдай тому — не зная кому; получи сполна — не зная за что; вытерпи все — получи ничто». Сломать Кашееву иглу ядовитую может лишь софийный сопромат. Сами постмодернисты признают себя гадаринскими свиньями, в которых вселились бесы для своего последнего полета в бездну.

³ Есть в русском языке огромнейшая диаспора латиногламуриющих слов, представляющих собой нашествие паразитизма, подтачивающего корневые смыслы ума. Например: абсолютизация, активация, актуализация, верификация, глобализация, декларация, деформация, диффамация, инаугурация, конфискация, кооперация, коллективизация, криминализация, мелиорация, менструация, национализация, прокламация, ситуация, мобилизация, деградация, цивилизация, стабилизация, пролиферация, объективация, субъективация, номинация, монетаризация, феминизация, дебилизация, модернизация, информация, реставрация, кремация, облигация, коммерциализация, дислокация, милитаризация, интерпретация, колонизация, гуманизация, секуляризация, коммуникация, психотронизация, суггестивизация, идеотронизация, когнитивизация, трансформация, калькуляция, инфернализация, канализация, унификация, фальсификация, флуктуация, эмиграция и др. И каждое русское слово пытается изнасиловать какая-либо «-аци-я».

Все это — слова-бродяги, слова-симулякры, слова-пустоты, слова-гробовщики, слова безобразные, чуждые смыслам русского языка, лишенные ядра, корней и формы, слова-саваны, покрывающие реальность мертвящей галантереей. Эти слова — опавшие листья с кроны живого языка, обреченные на гниение и распад, ибо они — муляжи слов-оригиналов. Эти муляжи незаметно поражают человека своим безмыслием, искажая понимание мира, навязывая частное в качестве общего, а цели подменяя средствами.

сти с хреном обаянным? То ли он реформирует сами реформы, высвобождая из них суицид и хаос? То ли ждет некоего Пришествия неведомо кого? Или же речь идет об исчерпании идеологией реформизма, своего энтропийного демонизма? Это, кстати, соответствует диалектике Гегеля, требующего в итоге подвергать отрицанию отрицателей, реформировать реформаторов! Да и сам термин «реформа» имеет неприлично подмоченную лингвистическую репутацию, требуя двигаться от «формы» к «ре...», к бес-формию бесовскому. Ведь первым реформатором мироздания был дьявол, а первая реформа завершилась грехом. Эту черную мету «реформ» не следует забывать в своих бдениях, надеждах, делах и молитвах никому. Ибо сегодня реформы сами ломают рога и копыта свои.

Поэтому у России генетическое неприятие всех реформ, ибо история и жизнь России — это непрерывная череда истязавших ее реформ, которые не принесли блага ни народу, ни реформаторам, а только заморскому зверю, устраивающему Россию для своего потребления.

Осмысление и понимание любого события, особенно в России, возможны лишь в контексте борьбы христианского и антихристианского проектов устройства человечества; этот контекст определяет истоки, динамику и судьбы событий, вещей, людей, наук и властей. Можно не замечать, отрицать этот контекст, но он-то уж непременно заметит все, даст каждому код и поместит в свою сеть. И нет у человека другого — более точного — контекста для понимания нашего Отечества. А в этом контексте четырехзначие «пост» означает пароль для легионеров преисподней, пропуск «туды» для «продвинутых».

И современное состояние России наиболее точно можно описать как этап и форму борьбы этих двух проектов. Антихристианский проект сделал сегодня основным орудием своей агрессии новые *финансовые*⁴, *интеллектуальные, социогуманитарные, когнитивные и управленческие технологии*, а Россия вследствие своего религиозного одичания не заметила их демонизма. Россия утратила навыки антихристианского противостояния и попала в капкан бесо-полезных губительных реформ, расчленяющих ее земли на мелкие враждующие государства. Этот проект никогда не снимался с повестки дня inferнального глобализма. А электронная неоинквизиция в предвкушении своей победы уже запасается шампанским.

Россия оказалась в финансовой, информационной ловушке, обрекающей ее на гламурное процветание и самораспад. Новый колони-

⁴ Золотой телец охотится за нашим народом во время мира и войны. Его власть более деспотична, чем диктатура, более нагла, чем демократия и более эгоистична, чем бюрократия, более мертва, чем сама смерть.

альный капкан блокирует все попытки не только развития, но даже самосохранения, обрекая русский мир на исчезновение. Современная РФ сконструирована по принципу — «все против русских»; все деньги наших богачей, госфонды почему-то хранятся на Западе. Если мы хотим что-то сделать для России на 100 р., то мы вынуждены оказывать услуги Западу на 100 тыс. р., иначе не видать нам даже своих 100 р., на которых и веревки китайской не купишь. Наши деньги, наше богатство, наша власть служит нам лишь на 10%. Страна, ее население, работает на невидимого Сетезверя, а свой ум и свое сознание использует лишь для самообмана — не видеть и не понимать врага. Мы сражаемся (пока духовно!) за сохранение России, а нам предлагают в качестве средства постреформизм? Да от этого поганого слова бегут даже крысы и клопы! Ведь необходимым условием и средством сохранения страны является ее империяльное устройство. Россия может быть лишь империей, или же не быть вовсе. Империя есть всеобщий принцип любой организации, любой вещи и бытия, ибо везде нужен центр, вокруг которого структурируется их содержание и функции. Все якобы демократические страны на деле являются империями, только их имперскость скрыта в их финансовых позвоночниках. А чистая демократия вне империи — это агрессивная, аморфная и бессильная толпа, лишенная костяка. Жизнь и смыслы хранит только империя — явная или неявная, но действующая как интегративная сила множества.

Вывраться из колониального капкана, взорвать его можно традиционным топором Раскольникова; по количеству топоров на руку человека Россия уже стала лидером, да и всякий капкан мечтает быть раскапканенным. Капкан может сам взорваться от перезагрузки, о чем не думают болотные гениоты и бухающие фанаты.

Но безвыходных положений нет, ибо через какой-то вход мы все-таки вошли в безысходность! И вход этот называется «демократические реформы»; значит, и выход возможен лишь через слом этой защелки inferнального капкана. Нужно отбросить изначальное безумие реформаторства и использовать традиционную национализацию и государственное регулирование для создания новых оснований и средств империяльного устройства России. И выход-то рядом, ибо истина, как известно, глаголет устами малых мира сего...

Противоборство христианского и антихристианского проектов не исчерпывает содержания всего контекста бытия. В этом же контексте идет миротворный переход от *эпохи экономизма* к *эпохе хозяйства*. И если центром экономики стал «золотой телец», то центрами хозяйства могут быть только *Его Величество Школа* и ее *Абсолютный Субъект* — *Учитель*.

Но для этого нужно постичь не только «физику» школы, но и ее метафизику, ее трансцендентные основания, ее софийное предназначение и провиденциальный смысл. Нужно постичь уникальный сакральный, миротворный и софийный проект-замысел, воплощенный в школе. Нужно уяснить и твердо понять, что не школа — зависимая часть общества, а само общество, все его институты и культура, все его учреждения и деяния суть части, органы и функции целостной сакральной школы, в которой человека учат ходить путями жизни вечной и отучают грешить, а в итоге — и умирать. Школа — единственный институт, который воспроизводит идеальную субстанцию человека, посредством которой он хранит сознание, ум, душу и язык, обучает их софийному искусству творения новых реалий из самих себя, или — на языке религии — из *ничто* (в русском языке — из *ничего*, в котором все же есть нечто дикое, звериное, жестокое и не обученное для нахождения в бытии). В этом плане школа во многом совпадает с Церковью: союз их кровный неделимый, и только в роковые дни они спасают смыслы человека, когда все взрослые играют, идут вразнос и в кабаки. Церковь и школа не сливаются в один институт, но они и не разделяются, а образуют единую силу, которая знает и умеет созидать человеческий мир. Сакральный мирострой наиболее полно выражается в малом мирострое Школы, в которой из *ничто*-века растет, создается *чело*-век (чело века, форма вечности).

Первыми школами были институты Посвящения у древнейших народов, которые признавали людьми только тех, кто знает и умеет хозяйствовать. И эти школы готовили не просто учеников, а делали из дикой протоматерии зверей людей разумных, хозяйственников. Быть человеком — значит, пройти Посвящение, стать носителем сакральной идеи, которая удерживает существо в статусной форме человека. Су-рово! Многие, очень многие толпари мегаполисов не выдержат ЕХЭ⁵ на звание человека. Поэтому в древних обществах за пределами каст были еще и чандалы (геи, зоофилы, педофилы, каннибалы, некрофилы, алкоголики, лгуны, пиарщики, наркоманы, насильники, собакоеды, поедатели трупов, бомжи)⁶ — человекоподобные существа, которые не умели хозяйствовать.

⁵ ЕХЭ — единый хозяйственный экзамен.

⁶ Чандалы были неприкасаемыми существами вне каст; им не разрешалось жить в городах и селах, они могли жить лишь в специальных гетто. Чандалы могли носить только одежду с мертвых, которых они сжигали, есть только из разбитой посуды, украшать себя только пирсингами. Задача чандалов состояла в том, чтобы перевозить и сжигать трупы, убирать отходы, служить палачами. Передвигаясь, они должны были оповещать о себе трещотками. Чандалы не терялись, выделяя и в своей среде более и менее чандалистых, устанавливали

Особенно полно и впечатляюще роль школы как основного орудия самовоспитания индивида и общества осуществил Пифагор, для которого школа была институтом самой мудрости. Дети изучали в сочетании со спортивно-военной подготовкой все известные в то время науки, искусства, философию, право-мораль, врачевание и гигиену, искусство властвования над собой, в семье и в полисе. Завершалось обучение священными мистериями, в которых происходило Посвящение в человека. История не знает случая, чтобы хотя бы один воспитанник Пифагора совершил умом, словом, поступком недостойное деяние. Впечатляет основной закон Пифагора, требовавший обучать детей прежде всего способам самозащиты от взрослых, ибо в ином случае воспитание превратится в передачу взрослыми своих пороков детям и ростом общей массы зла. Дети изучают лучше всего то, что взрослые скрывают от них. Нет, дети с помощью учителей должны наедине общаться с высокой культурой, науками, религией, нравами, мужеством и справедливостью, чтобы стать достойными мудрости (софии). И высшая демократия античности в стиле США сожгла его школу вместе с учениками и учителями. Такой страх вызвал софийный опыт, реально решающий все проблемы тогдашнего времени. Взрослые не выдержали чистоты и совершенства своих детей, а предпочли содомию демократическую. Люди вообще желают не избавления от пороков, а их распространения. А если кто серьезно берется за пороки, то возмездие настигнет их беспощадно и неотвратимо.

Пифагор неопровержимо представил школу как действенную форму философии хозяйства и софиософии. Школа не должна быть органом государства, а наоборот: все общество должно стать Большой Школой, которая и есть центр общества, его интегральный воспитатель и организатор, софийно-хозяйственное ядро его осмысленной жизни. Школа как в зародыше максимально полно содержит все элементы, отношения, функции, ценности философии хозяйства; школа — любимое детище Софии-мудрости и ее метафизики. Со взрослыми ничего серьезного для будущего не сделать, разве что реформы и войны затевать, пороки умножать. Школа же органично не приемлет насилия, лжи, ибо они превращают ее в учебный филиал тюрьмы.

Христианство давным-давно поняло и оценило роль школы как основного института общества, выработав даже своеобразную философию школы — *схоластику*, которую и поныне мало кто из «вумников» и властителей понимает. Хотя эта идеология в истине называется фи-

иерархию чандалости. Интересно, что вначале пленных всех рас зачисляли в группу чандалов, но затем, по мере выявления ими человечности своей, они переводились в низшие касты людей.

лософией хозяйства. С.Н. Булгаков создал проект превращения школы в орган сплочения нации, ибо одно воцерковление не решает проблем общества. «Мои-то пожелания идут дальше: мне мечтается духовное завоевание русской школы, ее внутренняя, так сказать, “клерикализация”, чтобы была, наконец, засыпана эта пропасть между церковью и светским просвещением» [1, 612]. Сегодня эта пропасть стала бездной безродной детской души. Спасение детей должно стать идеологией православия и России.

Изначально христианство распространялось как школы, в которых изучали Библию; затем школы превращались в хозяйственные, самоуправляющиеся общины, внешними делами которых ведала Церковь. Иезуиты гениально угадали, что христианство победит лишь путем создания наилучшего образования, которое через иерархию школ поведет христиан в Царство Божье. И они создали лучшие и до сих пор школы, университеты, в которых обучается вся элита Запада. Парадокс: элита Запада и США получает лучшее христианское образование для борьбы с христианством, для служения князю мира сего, для подготовки к встрече Антиглавного.

Христос увещевал, что если не станете душой как дети малые, во век вам блага не достичь. Спаситель видел в детях первых граждан Царства Божьего, он сурово и безжалостно призывал уничтожать без суда педофилов, оскверняющих саму божественность жизни. Прогрессивная Европа жалеет бедных педофилов, которые без осквернения детей жить не могут. А Христос, Величайший Человеколюбец, требовал камни от жерновов им на шею, и бросить в пучину морскую. Наверное, Пифагора с детьми сожгли древние педофилы во главе с Платоном, требующим в «идеальном государстве» сделать детей общими, чтобы легче было их опидофилировать.

«Новый Завет» — книга и терапевтическая: взрослым нужно больше работать, меньше говорить, жрать и спать, а детей забирать от них в школы, чтобы они могли стать гражданами Царства Божьего, сводя до минимума общение со взрослыми. Только так дети станут умными, умелыми, смелыми, нравственными и софийными гражданами страны.

Гоголю за его идею о том, что именно школа есть основной духовный институт, которому должны служить общество, государство и Церковь, устроили большой «херем». Толстой после длительных поисков справедливого устройства общества пришел к школе; и он создал новую школу, в которой хозяйствование и учеба составляли единый ансамбль. Учиться надо так, чтобы жить по совести и непременно воскреснуть!

И Ленин считал основным орудием созидания нового общества, состоящего из знающих, умелых и честных людей, только ШКОЛУ, а не

партию, которая должна была раствориться в школе. Ленин видел в школе единственный институт, который покончит с войной, государственным, классовым и клановым терроризмом. На I съезде по народному образованию в 1918 г. он сказал: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая одна лишь сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год»⁷ [2, 608]. Но за эту речь он на второй день после своего доклада получил отравленные пули. А мировую войну с фашизмом и с его еврикскими поддонками выиграла именно эта школа. Но после смерти Сталина партия стала клубом для «рабов по природе», «образованщины» и «полунауки», которые затем и свершили свой inferнальный переворот в России.

В советскую эпоху А.С. Макаренко создал из неграмотных детей-бродяг уникальную школу, которая стала негласной институциональной матрицей философии хозяйства; школа и ее филиалы и поныне ведут войну с нежитью. А.И. Мещеряков, Э.В. Ильенков, В.В. Давыдов создали школу, которая вернула к жизни множество слепоглухонемых от рождения детей: и создана школа была на началах философии хозяйства. Посредством обучения хозяйствованию тьма в детишках становилась смысловым светом, который позволил некоторым из ее выпускников закончить МГУ и даже защитить диссертации по психологии. Практически было доказано, что именно хозяйствование зажигает в детях, лишенных всех органов чувств (кроме тактильных), смысловой огонь знания и понимания.

Конечно, речь идет не о сегодняшней школе, ставшей античеловеческим орудием деморализации детей, орудием обогащения и невежества, хотя софийная натура школы сопротивляется князю мрака. Увы, школа стала *сегодня особым* — привилегированным — *отделением Ада, в котором готовятся специалисты и обслуживающий персонал пороков, зла и растрепания человека. С каждым годом у выпускников*

⁷ А.В. Луначарский, комментируя эти слова Ленина, писал: «Пусть никто не подумает, что это был ляпсус со стороны Владимира Ильича, что это было увлечение, что это случайно “сказанулось” в специальной среде, которой окружен был на съезде Владимир Ильич. Все, кто знал покойного вожда, знают и то, что таких случайностей у него не бывало» [2, 608]. С этой идеей Ленина связан целый криминал. Текст его выступления по стенограмме опубликовала «Правда». Но в собрании сочинений Ленина цензоры лукавого изъяли эти слова. Как же? Как же? Школа — главный институт общества! А партия что будет делать? Но в серии книг для директоров школ эту речь поместили именно из газеты «Правда», а не из собрания сочинений Ленина. Вот как истина сама по себе пробивается к людям даже вопреки усилиям ее врагов!

школ все меньше знаний и культуры, и все больше искусственных навыков, которые необходимы не для жизни, а для работы в inferнальных и криминальных мирах смерти. Молчаливая статистика детских правонарушений лучше всего говорит о том, кто именно выходит из современной школы, кто именно и для чего именно готовит в ней детей.

Сегодня в мире рушатся все институты, организации, государства; нет у них уже никакой перспективы и никаких оснований. И только школа остается последним островком жизни: школа, как и философия хозяйства, находится вне зоны действия апокалипсиса. Евангелия, софисофия, софиология, философия хозяйства едины в одном: вся жизнь человеческая должна стать учебой и образ-ованием, обретением образа человеческого, включая изучение того, как следует болеть, умирать, чтобы воскреснуть. Фактически жизнь и так есть непрерывная учеба, начиная с момента рождения и завершаясь последним правильным вздохом этой жизни, чтобы правильно сделать первый вдох жизни грядущей. Даже высшие научные, философские, художественные профи тоже оформляются в школы, видя в них форму спасения своих результатов⁸. Да и в войнах побеждают школьные учителя, обучившие солдат патриотической мудрости хозяйствования. Госплан СССР был попыткой институционального воплощения философии хозяйства в масштабах общества.

С эпохи капитала чисто хозяйственные институты в основном сохранились в монастырях, в локальных регионах мира, в которых для экономики нет товарно-денежной почвы.

Школа становится основным и ведущим институтом философии хозяйства и в силу объективной логики развития самой власти. В сакральном плане власть есть ангельский чин, а потому изначальная власть, знающая сакральные пружины хозяйствования, сосредоточивалась в институтах старейшин, корпорациях жрецов, советах священников, союзах волхвов.

С возникновением классов основным институтом власти стало государство, правящее посредством насилия, чиновников и налогов. Высшей и законченной формой государства навеки останется Рим. А совершенное может или разлагаться, или добровольно преобразиться в

⁸ Интересно, что новейшие высшие учебные заведения и университеты России (и за рубежом) неожиданно вновь стали именовать себя... школами, хотя в смысловом плане школа явно не соответствует статусу этих учебных структур. Например, ВШБ (официальный факультет МГУ); НИУ ВШЭ, МШЭ (видимо, срабатывает глубинный софийный инстинкт и мотив, требующий создания школы как аналога Великой школы творения, в которой все ее создания учатся жить по законам высшей правды Господа и его Софии Премудрой).

сакральную власть. Рим стал вначале частью христианской Церкви; но, затем, свершив переворот, сделал Церковь частью своего уже мертвого организма-паразита. Возникло Чудо-юдо, пожирающее людей, разрушающее вообще мир живого; государству всегда не хватает денег и солдат, а потому оно и поддерживает экономику, которая часть людей ставит на службу деньгам, а другую часть на службу насилию, а все вместе крутят колеса апокалипсиса. Стремясь стать глобальным институтом, государство сегодня разваливается по частям и в целом. Власть требует новой организационной формы.

Согласно объективной логике развития, власть в форме государства должна была преобразиться и стать Церковью, которая должна была готовить приход сакральной власти, названной метафорически Царством Божьим, а реально это должно быть Царство Мудрости, софиократии, Школы Вечности.

Школа — общий и единый институт Софии, Церкви, государства и общества, единый мир, в котором реализуются мистерия и полнота человеческой жизни: школа учит хозяйствовать (самообслуживанию), обретать знания и умения, творить; она должна учить воевать и умирать за святость; школа есть жизнь, которая неизбежно завершается воскресением, преображением, победой над смертью. Мир, истина, правда, Бог, София, Спасение и человек должны стать и станут единой школой. Буди сие! Буди!

Философия хозяйства несет в себе новую и естественную форму мировой власти; это власть не человека над человеком, не человека над природой, а власть мудрости. Институтом же властвующей мудрости может быть только школа, соединяющая философию хозяйства и власть, знание целей и цели знания, человека и его сакральный оригинал. В учении глобального эволюционизма Н.Н. Моисеев выдвинул идею, что движущей силой мирового развития должна стать «Система-Учитель», т. е. та же школа.

Надежд на то, что ход мировых событий принудит алчную антихристианскую элиту принять именно «школьный» сценарий устройства мира, нет. Скорее всего, мировая элита будет трансформировать государство и Церковь в неоинквизицию для изведения человечества туда, откуда его вывел Господь. Только в который раз мировые элиты, творя не ведая что, получают обратные результаты. Жизнь — это школа, в которой изучаются законы не только вещей, но и законы, условия, средства перехода через бездны к бытию вечному. И такая школа — идеал философии хозяйства.

«Царство — детям»⁹, — учил Гераклит, предваряя Христа: «Кто не примет царства Божия, как дитя, тот не войдет в него. — И, обняв детей, возложил руки на них и благословил их» (Мрк. 10, 15—16). И это благословение Господне лежит и на философии хозяйства, которая видит назначение человека в устройении жизни по закону детей. Дети в Элевсинских мистериях сразу допускались к посвящению, ибо им не нужен был обряд очищения. «Мертвый возвращается в ту землю, где боги были детьми» — это сакральное чудное слово древних славян услышала философия хозяйства.

И правда философии хозяйства вершится помимо экономики посредством институтов МЧС, масштабы работы которых незаметно глобализуются. Рост техногенных и биосферных катастроф вынуждает людей на время забыть об экономике прибыли, чтобы заняться хозяйством ради спасения жизни. Земля постепенно становится зоной хозяйствования, спасающего жизнь от последствий экономики и гробовники. И если мы не желаем покончить с человеком, мы должны покончить с автономией экономизма, возвратив его в хозяйственный строй жизни.

Наука, философия, искусства, да и сами религии, душа человека сегодня потеряли понимание мира, событий, своих деяний, самих себя, вообще потеряли сами истоки понимания, и, о ужас, забыли о том, что потеряли самое главное, что утратили жизнетворное общение с Богом. Россия может восстановить свою православную тайнософию, лишь обратившись к смысловым сокровищам Софии Премудрой, в которой бьется вечно живое сердце Спасителя и... самой России. Сегодня любые позитивные изменения общества и человека возможны лишь на основе углубления в софийные тайны христианства, служащего источником, энергией всех реформ, которые в нем начинаются, им движутся и в нем завершаются. Без этой софийной матрицы власть имеют лишь безумие и хаос бездн.

И начинать ософиевание¹⁰ России нужно с цельного понимания, именно понимания (!) православия. Философия возникла для того,

⁹ Думается, реальный смысл метафоры мудреца ясен: нужно не детей из школ перемещать во власть, а наоборот.

¹⁰ Софийная идеология нужна современной России и в плане создания новых типов оружия для защиты Отечества. Под прикрытием ОСВ Запад незаметно перешел к разработке принципиально новых демонических видов оружия, далеко превосходящих уже устаревшее ядерное оружие. Виртуальность, информатика, компьютеры — это лишь подготовительные этапы будущего оружия. Противостоять этому злу можно лишь на основе технологий, которые содержат в себе софиологические идеи. Работы и открытий — непочатый край.

чтобы утвердить единство божественного и мирского начал в самом разуме¹¹.

Связующим звеном религии и общества служит школа, которая стала сегодня ареной войны христианства и антихристианства; антихрист стремится захватить школу, чтобы воспитывать беспроblemных антихристиан, которым помогут Интернет и его чудеса. Пока антихристианство увлекает только чернь да часть интеллигенции, а вот главных правителей, элиту оно еще не обработало в нужном ему духе. Да и дети остаются вне сферы его постоянного надзора. Да, Гарри Поттер постарался неплохо, но его почти уже забыли. Даже миллион англогарики не заменит антихристианской школы. Вот когда антихристианство охватит элиту и школу, вот тогда будут чудеса серьезные, иллюзии полноценные, а «человек погибели» произнесет свое первое, оно же и последнее, слово.

Вырваться из этого антихристианского и постреформистского капкана трудно, но можно. Мыслить, думать, размышлять, впитывать софийные смыслы, софийную пассионарность, вооружать ими школу, — вот то преобразование, которое признает философия хозяйства вместо разрушительных реформ, конечно, наряду с восстановлением национального, государственного и финансового суверенитетов России.

А сам по себе постреформизм — это словесное одеяние антихристианства (постмодернизм сам говорит о бесовской начинке своей философии). А посему не постреформизм служит или может служить России, а Россию принуждают через постреформизм служить антихристианству, стать его институциональным средством.

Софиология (софиософия) и философия хозяйства — это не научные или аксиологические дискурсы, не откровения, не эмпирические обобщения, не системы аксиом, не идеология блага, а проявления муд-

¹¹ Даже рационалист Гегель видел в религии ту первореальность, которой должны соответствовать все законы и реформы. Народ, плохо понимающий Бога, будет иметь плохое государство, плохое правительство, плохие законы. «Безумием новейшего времени следует считать стремление изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии, воображать, что наряду со старой религией и ее святынями может жить во внутреннем мире и гармонии с ней противоположное ей государственное устройство и что посредством внешних гарантий, например, посредством так называемых палат и данной им власти устанавливать государственный бюджет законам будет сообщена устойчивость. Желание отделить права и законы от религии можно рассматривать только как крайний шаг, свидетельствующий о бессилии проникнуть до глубины религиозного духа и поднять его до его собственной истины» [3, 339].

рости как цельного знания, которое открылось русской философии и которым она стремилась исцелить распадающийся мир.

Лучшее описание мудрости дал Аристотель, который полагал, что эта богиня хотя и не водится с людьми, но и человеку достаются иногда файлы с ее священного ноутбука. По Аристотелю, мудрость (софия) есть тип *цельного ума*, который содержит в себе: 1) *знание причин*; 2) *знание-рассуждение*, ищущее причины; 3) *знание-размышление*, ищущее связи между видимыми следствиями и невидимыми причинами; 4) *знание-обучение*, ищущее методы, логику и пути мысли к человеку; 5) *знание-понимание*, ищущее перводвижитель сущего, мысли бога в уме людей и в мире вещей; 6) *знание-демиурга*, создающего реалии из самого себя. И мудрость как *единство знания, ума, логики, понимания, творчества, власти, института (школы, лица)* пока нашла свое адекватное выражение именно в философии *хозяинства, в софиологии. Даже слегка затронутое софийными смыслами знание губит «золотого тельца», ибо такое знание автоматически выключают его жизнь, состоящую из зла и пороков.*

У России выбора нет: или софиократия, софийная империи, создающая хозяйственный мир жизни и радости, или же евросодомия, создающая электронную и финансовую неоинквизицию, питающую болью и страданиями людей. Сегодня сбываются самые невозможные проекты и терпят крушение реально и математически просчитанные, уже наполовину сбывшиеся планы. Достаточно, чтобы софийный проект стал идеей хотя бы одного мечтателя милостью Божьей. Только софийная империя выведет людей из спячки, из сонного бытия-не-в-себе, превратит их в единый народный организм с общей смысловой и душевной кровью. Софикратия защищает вечные оригиналы людей, а постмодернизм создает антропологию постлюдей (киборгов, клоны раскудрявые, дивидов, люденев, E-hoto и др.).

Единственной вечной империей является школа, несущая в себе знамя мудрости и софикратии духа, который дышит и строит там, где хочет. Школа — это софийная священная матрица, в которой есть только мудрость и ее ученики. Нужно радикально преобразить в своем сознании роль и значение школы, постичь ее как малую церковь, из которой вырастает Церковь мира. Древние философы и ученые жертвовали всем, чтобы учиться в настоящих школах, в которых познаются семена Логоса, Софии и смыслы их неизвестные. А Неизвестное всегда ждет именно русских, питая к ним какую-то непонятную страстную привязанность, хотя не дает им никаких благ, кроме *из-ум-ления, озарения*, выхода в сферу *«того света»*, который делает понятным, а потому и приемлющим для них этот мир, не признающий их, пытающийся избавиться от них любым путем, видя в них свидетеля какого-

то омерзительнейшего и оскорбляющего Господа деяния, совершаемого запа(дл)ом. Слава Богу, что Россия — не Запад! Ибо исцеляет мир от греховного знания-безумия только София Премудрая, принеся в Россию софийное видение Господа, жизни, бытия и экзистенции. Россия движется за пределы мира, обозначенного змием древним: «Век живи, век учись, а дураком умрешь!». Она ищет землю, где дураки сразу прозревают то, чего не дает никакая ученость — софийную мудрость хозяйства.

Власть должна использовать потенциал сопротивления, созидания и преобразования, заключенный в Школе, которая является не только институтом, но и софийным зародышем, хранящим в себе вечную генетику России — победу. Неопровержима мудрость древнего жреца: «Вечность — царство ребенка» [4, 46]. Победит тот, кто создаст лучшую школу, сумеет использовать ее софийный потенциал. Победа за тем, кто признает в ребенке существо вечности, а не помеху взрослым, которые сами являются помехой вечности, а потому и отвергаются ею. А у детей еще есть шанс стать иными — взрослыми для вечности.

Литература

1. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1993.
2. В.И. Ленин о воспитании и образовании. М., 1973.
3. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. Т. 3. М., 1956.
4. Материалисты Древней Греции. М., 1955.

М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ

Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма

Вместо гигантов, сгибавших подковы и ломавших целковые, явились люди женоподобные, у которых на уме были только милые непристойности. Для этих непристойностей существовал особый язык.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Аннотация. Одним из условий нормального функционирования современной социально-экономической системы, которое не часто увидишь среди факторов экономического роста и повышения уровня жизни и благосостояния населения, является доверие к слову. По этой

причине вполне закономерно, что для сохранения «беззаветной», такой модной в наше время, толерантности населения перманентно изобретаются и вводятся в широкий оборот через пропагандистские СМИ все новые эвфемизмы.

Ключевые слова: эвфемизм, эвфемизация, капитализм, рыночная экономика, глобализация, средний класс, постмодернизм.

Abstract. The trust to a word is one of some conditions of the normal functioning of the modern social and economic system, which you will not often see among some factors of economic growth and increase of a standard of living and well-being of the population. Actually for this reason and it is quite natural for preservation «selfless» so fashionable presently tolerances of the population it is permanent all new euphemisms are invented and entered into a wide turn through propaganda mass-media.

Keyword: euphemism, euphemisation, capitalism, market economy, globalization, middle class, a postmodernism.

В эпоху расцвета научно-технической революции, казалось бы, свершаются коренные качественные изменения социально-экономической системы, причем в сторону положительных сдвигов. Однако на протяжении всего «новейшего» периода реформирования России, ее общества и экономики, широко употребительной стала *эвфемизация* как феномен непрямого, прикрытого, «вежливого» и смягчающего обозначения понятий, объектов, свойств или происходящих событий.

Нередко, услышав или увидев сообщения в российских или западных средствах массовой информации о некоторых произошедших, казалось бы, малозначимых экономических явлениях, излишне доверчивая аудитория не склонна осознавать, насколько неприглядна сконструированная реальность, замаскированная словесной декорацией. Так, если появилось сообщение о том, что Банк Японии на прошлой неделе поднял процентную ставку, следует предполагать, что он совершенно отказался от своей политики нулевых процентных ставок. Или, читая в одной из газет заголовок «Евро приподнялся в ожидании роста процентных ставок», следует понимать, что «надежда» заключается в том, что данные о росте инфляции делают повышение ставок более вероятным. Или, скажем, повышение цен на нефть обычно рассматривается как препятствие для экономического роста и угроза инфляции. Тем не менее, согласно интервью одного не столь известного экономиста на британском радио, это — хорошая новость для рынков. Более высокие нефтяные цены замедлят рост экономики, так что ФРС сможет отказаться от повышения процентных ставок. А глава незави-

симого федерального агентства должен молиться каждую ночь, чтобы ОПЕК позволял ценам непрерывно расти¹².

Совершенно недавно в профессиональной лексике экономистов, финансистов, политических деятелей и журналистов появился новый термин — «количественные смягчения» (quantitative easing). В конце прошлого века он встречался исключительно в узкоспециализированных работах по макроэкономике. Однако практикам был абсолютно незнаком. И, начиная буквально с 2007—2008 гг., в Федеральной резервной системе США, Конгрессе США, Белом доме и т. д. по всему миру все стали употреблять это незамысловатое словосочетание для того, чтобы затуманить истинный смысл явления¹³. Следует воздать должное власти в лице бюрократии разных уровней, проявляющей «неподдельную озабоченность» положением населения и радеющей о нем. Поскольку истинное значение понятия «количественное смягчение» означает не что иное, как включение на полную мощность печатного денежного станка, т. е. безудержную эмиссию доллара.

Одним из условий нормального функционирования современной социально-экономической системы, которое не часто увидишь среди факторов экономического роста и повышения уровня жизни и благосостояния населения, является доверие к слову. «Даже в условиях рыночной экономики доверие является той смазкой, благодаря которой общество выполняет свои функции», — подтверждает нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц [3, 343]. Однако господствующий сегодня жесткий индивидуализм в сочетании с явно доминирующим материализмом привел к подрыву доверия, а последовавший системный кризис окончательно обнажил недостатки основной социально-экономической модели. «Слишком много получают» в ней «преимущества за счет других. Чувство доверия было утрачено» [3, 327].

Собственно по этой причине и вполне закономерно для сохранения «беззаветной», такой модной в наше время толерантности населения перманентно изобретаются и вводятся в широкий оборот через пропагандистские СМИ все новые эвфемизмы.

Подобные маскировочные штампы, предназначенные для порождения мифов и соответственно для сотворения глубоко мифологизированного общественного сознания, не позволяют «носителям русского языка» усваивать в какой-либо маломальской форме малорадостный

¹² По материалам [1, 72].

¹³ Известный американский олигарх Дональд Трамп, не стесняясь, делает следующее заявление о многоэтапной программе «количественных смягчений»: «Это будет выгодно таким людям, как я» [2].

опыт собственного существования в перестроечно-реформаторский¹⁴ период, затянувшийся до наших дней. Поскольку «когда мы поймем, что экономическая игра ведется нечестно, положение может стать взрывоопасным» [4, 123].

На протяжении всего реформаторского периода широко употребительной стала социально-экономическая эвфемизация. А экономические категории практически всегда становятся заложниками своего времени. Не стали исключениями подобной закономерной эвфемизации следующие понятия: капитализм, империализация, неокOLONиализм, средний класс, рабочая сила, безработный, etc. Уместно также констатировать, что и сама *экономика* как наука потеряла первоначальный смысл, предмет и классическую форму. Наука, призванная обулаивать реальное пространство вокруг человека, превратилась в аристотелевскую *хрематистику* — *экономизм*. По своей сути она не является наукой, а представляет собой правила азартной игры, по которым у участника-игрока в итоге всей его коммерческой (никак не хозяйственной) деятельности должно скопиться определенное количество условных игровых фишек, называемых деньгами.

Действительно, сегодня с развитием капитализма и обострением основных противоречий социально-экономической системы современная наука уступает место такой субстанции, которая заменяет научное познание социально-экономических явлений описанием их внешней видимости, ставя своей целью их приукрашивание и замазывание возникающих при этом противоречий. В свое время К. Маркс называл такую науку вульгарной¹⁵.

Во времена «холодной войны» второй половины XX в. были начаты поиски неопасной альтернативы термину «капитализм». В США предприняли попытку применять словосочетание «свободное предпринимательство» — оно не укоренилось. Свобода, подразумевавшая принятие решений предпринимателями, не являлась убедительной. Одновременно в Европе появилось словосочетание «социал-демократия» — эклектическое смешение капитализма и социализма, одобренное жалостью и состраданием. Тем не менее в США слово «социализм» вызывало в прошлом неприятие (да и сегодня это неприятие осталось). Появившееся в последующий период словосочетание

¹⁴ Эвфемизмом данного определения является всем набивший оскомину термин — «переходный период».

¹⁵ «Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [5, 71].

«новый курс» излишне отождествляли с Франклином Делано Рузвельтом и его сторонниками. В итоге в научном мире прижилось выражение «рыночная система», так как оно не имело негативной истории. Впрочем, у него вообще не было истории. Вряд ли можно было отыскать термин, более лишенный всякого смысла — и выбор был сделан. И привычное понятие *капитализм* было заменено на эвфемизм *рыночная экономика* с тем, чтобы исключить ассоциацию с эксплуатацией. Известный американский экономист Дж. Гэлбрейт в одной из своих работ отмечает, что «...словосочетание “рыночная система” смысла не имеет, оно ложно, невыразительно и шатко. Оно возникло из желания защититься от ассоциаций, связанных с непривлекательным прошлым капиталистической власти и наследием Маркса, Энгельса и их верных и красноречивых последователей» [6, 25].

Однако использование ложных имен и понятий заведомо вырывает рассуждения из лоно рациональности, превращает их в инструмент манипуляции сознанием. Подобный прием¹⁶ был осуществлен с категорией *империализм*¹⁷, точнее — *империализация*. Укоренившееся в научных, политических и общественных кругах словосочетание «*глобализация мировой экономики*» к процессу всемирной экономической, политической и культурной интеграции подлинного отношения не имеет. В определениях процесса глобализации¹⁸, даваемых во всевозможных словарях, утверждается, что она представляет собой процесс втягивания мирового хозяйства, совсем недавно понимаемого как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, в мировой рынок и тесное переплетение их экономик на основе транснационализации и регионализации. На этой базе происходит формирование единой мировой сетевой рыночной экономики — геоэкономики и ее инфраструктуры, разрушение национального суверенитета государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков. Процесс глобализации есть следствие эволюции государственно оформленных *рыночных систем*.

Не вникая в глубину данного определения, некоторые представители российской политической, экономической и культурной элиты, и не только, склонны путать понятие *глобализма* с другим понятием — *интернационализм*. При этом идут дальше в своих заблуждениях, отождествляя интернационализм с *космополитизмом*, требующим уничто-

¹⁶ Если не сказать — *махинация*.

¹⁷ Не является исключением и понятие *неоколониализма*.

¹⁸ По материалам Википедии [7].

жения государственных границ. Национальная независимость и самостоятельность, государственный суверенитет, национальная безопасность объявляются заинтересованными кругами устаревшими понятиями. Вновь возникает идея «мирового государства», руководящая роль в котором отводится ведущей мировой державе.

Недалеко ушли современные теоретики и практики в своих научных изысканиях от английского экономиста Томаса Мальтуса, жившего и творившего в конце XVIII — начале XIX столетий. Они также считают, что свойственная *рыночной экономике* (читай — *капитализму*) нищета широких масс населения мира обусловлена тем, что люди размножаются быстрее, чем может увеличиваться количество средств к жизни, приносимых природой. А необходимое соответствие между численностью населения и количеством природных ресурсов устанавливается голодом, эпидемиями, войнами, а также кризисами... «Единственным способом разрешения... (нищеты населения)... является принуждение бедного населения к сокращению его численности» [8, 6].

Если же заглянуть в глубь истории проблемы, на 95 лет назад, то те характеристики, которые более всего подходят к описанию современного процесса глобализации мировой экономики, были изложены в систематическом и развернутом виде в работе В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» [9]¹⁹.

Дав анализ экономики капиталистических стран конца XIX — начала XX вв. и выделив экономическую сущность *империализма*, автор популярного очерка указал на пять его основных признаков, а именно: 1) концентрация производства и капитала доходит до такой высокой степени развития, что возникает предпосылка к созданию монополий; 2) слияние банковского капитала с промышленным капиталом приводит к образованию финансового капитала, финансовой олигархии; 3) вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение; 4) процесс монополизации доходит до образования могущественных международных монополий, между которыми происходит экономический раздел мира; 5) закончен территориальный раздел мира между крупнейшими капиталистическими державами и ведется борьба за его передел.

Далее в работе при характеристике империализма как новой, высшей стадии капитализма определяется его историческое место. Импе-

¹⁹ Брошюра была написана для царской цензуры в 1916 г. в Цюрихе и впервые опубликована в России в 1917 г. под названием «Империализм, как новейший этап капитализма».

риализм представляет собой капитализм — монополистический, паразитический и умирающий.

С последним определением империализма трудно не согласиться, несмотря на еще бытующие мифы и небывлицы о капитализме, который, как оказывается, может быть и с «человеческим лицом». Современные «бояны» капиталистических былин решительно забывают о существовании нищей и убогой периферии, воспевая благодатную и роскошную жизнь метрополии...

Теперь же, с наступлением эры глобализации, этому «всеобщему благоденствию», сопряженному с ограблением «третьего мира» и безудержным кредитованием, приходит конец. А с ним умирают иллюзии миллиардов жителей планеты Земля о том, что существующий миропорядок способен решить проблемы человечества. Все громче и настойчивее звучат голоса представителей западных экономических и философских школ о том, что мир стоит на пороге глобальных перемен, капитализм практически мертв.

Эвфемизация современной социально-экономической терминологии не обошла вниманием такие экономические категории, как *класс* и *рабочая сила*.

В отечественной экономической науке суждение о классе как экономической категории заключалось в ленинском определении его как большой группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Понятие *класс* употреблялось и в домарксистской науке об обществе экономистами — А. Смитом, Д. Рикардо и историками — Ф. Гизо, О. Тьерри. В разработанной ими распределительной теории в обществе выделялись три класса: 1) собственники земли, получающие ренту; 2) владельцы капитала, получающие прибыль; 3) рабочие, располагающие только своим трудом и получающие заработную плату.

В современной экономической науке социально-экономическая категория *класс* употребляется в качестве своего эвфемизма, заимствованного из социологии, — *страта* (слой, пласт). Страта, в свою очередь, — понятие, являющееся основополагающим в определении социальных различий и неравенства, социальной дифференциации в современной социально-экономической системе (см.: [10, 391]). Причина такой «мимикрии» заключается в игнорировании современными представителями научной элиты отношений собственности как главного признака *классового* деления общества. Вместо основных признаков противостоящих друг другу классов ими выделяются производные и

вторичные характеристики²⁰. При этом смежные слои мало чем отличаются друг от друга. На эмпирическом уровне современная экономическая наука тем не менее фиксирует социальное неравенство, подходу к этой проблеме исключительно только описательно. Однако при переходе к исследованию и изучению причин данного явления применяются исключительно методы социологической науки, поскольку место человека (групп людей) в «исторически определенной системе общественного производства» объясняется через индивидуальное поведение.

Одновременно с отказом в социально-экономической терминологии от употребления понятия «класс» входит в употребление новая категория «*средний класс*». Причина данного деяния заключается в насущной заинтересованности правящего класса Запада в определенной «попкорности» основной массы населения Европы, создающей общественный продукт, в их согласии с существующим строем. Средний класс становится социолого-политологическим понятием, используемым для обозначения промежуточных социальных слоев, располагающихся между элитой, господствующей в обществе, с одной стороны, и пролетариатом (рабочим классом) вкупе с маргинальными социальными группами, — с другой. Являясь основной социальной группой, средний класс развитых стран выполняет ряд очень важных социальных функций, базовой среди которых выступает функция социального стабилизатора [11]. «Этот мифический “средний класс” — одна из выдумок буржуазной пропаганды, призванной всеми мерами снизить напряженность в социальных, межклассовых отношениях труда и капитала» [12].

Представителям среднего класса внушается чувство псевдостабильного бытия, ложное чувство приобщенности к собственности на средства производства, участия в прибылях, в частности, через неограниченную куплю-продажу акций, создание открытых акционерных обществ. Первоначально многие ошибочно воспринимали предоставленные «блага» как расширение своей экономической свободы. Однако обладание несколькими акциями не освобождает работника от необходимости продажи своей рабочей силы. Принадлежность к основным классам, прежде всего, определяется — является ли пользователем, распорядителем или владельцем одновременно, т. е. собственником средств производства (эффективных источников производ-

²⁰ В рассмотрении социальной стратификации преобладают три направления: ведущим критерием дифференциации слоев выдвигается социально-экономический престиж; или самооценка людей относительно их общественной позиции; или профессия, доход, образование etc.

ственного накопления) данный субъект, или он временно допускается к ним ради текущего заработка для себя и извлечения прибыли для хозяина на ранее строго оговоренных условиях.

Сама концепция среднего класса является вульгарной трансформацией давно существующей на Западе вышеупомянутой теории социальной стратификации. Смещение главного признака с «отношения к средствам производства» на «приличный доход» легко объяснимо. Это осуществляется в интересах правящей элиты. Возможность потреблять вполне по-буржуазному превратила отдельных представителей *рабочего класса* высшей квалификации, «офисный планктон», государственных служащих и т. д. в заурядных гедонистов и сибаритов²¹.

Эти люди обычно гонят от себя мысль об упомянутых выше фундаментальных гарантиях (собственность на средства производства) перспективной обеспеченности существования при капитализме, тех гарантиях, которых у них, по существу, нет. Одновременно современная экономическая мысль «обнаруживает» новую экономическую категорию — *интеллектуальный капитал* и идеологически вооружает ею представителей *рабочего класса*, выполняющих социально-экономические функции, требующие высокой квалификации и знаний [5, 210—219].

Однако К. Маркс, указывая на существенное различие между основными рабочими на фабрике, которые заняты при машинах, и рабочими подсобными, определял, что наряду с главными категориями выступает количественно незначительный²² персонал, занятый контролем за всеми машинами и постоянной их починкой, например, инженеры, механики, столяры и т. д. Это — высший, частью научно-образованный, частью ремесленного характера «слой рабочих»²³, стоящий вне круга фабричных рабочих, просто присоединенный к нему. И подобное разделение труда является чисто техническим и не более того.

Современное определение интеллектуального капитала как капитала²⁴, воплощенного в знаниях, умениях, опыте, квалификации людей, никак не противоречит а, напротив, соответствует Марксовым признакам потребительной стоимости товара *рабочая сила* — способности-

²¹ Понятие «средний класс» является эвфемизмом гедонистам и сибаритам, т. е. тем, кто стремится к удовольствиям и наслаждению.

²² «Незначительный» в середине XIX в.

²³ К указанному слою рабочих В.И. Ленин применял термин «инженерный пролетариат».

²⁴ Отдача интеллектуального капитала имеет место в виде качества и производительности труда работников.

возможности создавать более продвинутые потребительные стоимости. Впоследствии эти признаки стали выделяться и даже «открываться» как *интеллектуальный капитал*. Существующие же мнения о способности эффективного применения персонального интеллектуального капитала в условиях глобального системного экономического кризиса, стагнации производства, гиперинфляции и безработицы обращаются в иллюзии и заблуждения. Поскольку в процессе реализации персонального интеллектуального капитала одновременно осуществляется и рабочая сила, иначе определяемая как способность к труду. В случае невозможности ее (их) продажи ее (их) владельцу нет никакой пользы. «Он (владелец) делает тогда вместе с Сисмонди следующее открытие: “Способность к труду... есть ничто, раз она не может быть продана”» [5, 217]. В аналогичной ситуации оказались сегодня миллионы представителей так называемого среднего класса не только России, но и развитых стран Европы, ощутивших на себе последствия снижения реальной заработной платы и урезания финансирования всевозможных социальных программ. И осознание того, что они являются владельцами капитала, пусть даже и интеллектуального, не дает им надежды на какие-либо перспективы, кроме одной — «продавать свою собственную шкуру», которую, по словам все того же К. Маркса, будут дубить.

Рассмотренные в данной статье «эпизоды» мифотворческой игры лексики языка, в итоге переходящей в тотальную экономическую войну с обществом, выявляют всю фальшь и лицемерие современной социально-экономической системы и обслуживающего ее идеологического аппарата «постмодерна».

Литература

1. The Economist. 2000. Aug. 19—25.
2. Frank R. Does Quantitative Easing Mainly Help the Rich? // CNBC. 2012. 14 Sept.
3. *Стиглиц Дж.* Крутое пике. М., 2011.
4. *Райх Р.Б.* Послешок. Экономика будущего. М., 2010.
5. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М., 2011.
6. *Гелбрейт Д.К.* Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М., 2009.
7. http://ru.wikipedia.org/wiki/%C3%EB%EE%E1%E0%EB%E8%E7%E0%F6%E8%FF#cite_note-1.
8. *Clark G.* The Problem of the Poor in the Nineteenth Century Europe // University of California, Davis, ECN 110B. 2002. Spring. Ch. 7.

9. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. М., 1969.
10. Краткий словарь по социологии / Под ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М., 1988.
11. *Хазин М.* Среднему классу грозит полное исчезновение // <http://www.forex.ac.com/library/stati-po-ekonomike/srednemu-klassu-grozit-polnoe-unichtozhenie>.
12. *Косолапов Р.И.* Современное прочтение Ф. Энгельса // http://www.skmrf.ru/library/library_files/princip.htm.

М.Ю. ЛАЧАЕВА

**Осознание и реализация «фактора древности»
в «лаборатории» русской хозяйственной жизни: ученые
и власть**

Аннотация. В статье исследуются мировоззренческие основы преобразовательных усилий русских ученых в развитии народного хозяйства.

Ключевые слова: русские ученые, наука, народное хозяйство, великорусский тип хозяйственного деятеля, история, Россия, В.П. Безобразов, В.О. Ключевский, В.И. Герье, С.Н. Булгаков.

Abstract. The article studies the outlook of Russian scientists in their efforts for transforming of national economy.

Keywords: Russian scientists, science, economy, Great Russian type of economic figure, history, Russia, V.P. Bezobrazov, V.O. Kluchevsky, V.I. Gerje, S.N. Bulgakov.

Богатейшая отечественная научная традиция рассмотрения глубинных процессов национальной исторической жизни великорусского хозяйственного деятеля и его философии хозяйства не дает права на научную расточительность. Выходящий уже в течение второго десятилетия альманах «Философия хозяйства», высоко ценя «напряжение мысли» в чужих трудах, показывает образец бережного отношения к наследию.

В контексте его изучения в настоящей статье предлагается сопоставление подходов к анализу коренного русла экономического развития, связанного с глубинной жизнью страны отечественных экономистов и историков второй половины XIX в. Такое сопоставление сделано на примере старших современников Сергея Николаевича Булгакова

(1871—1944) — экономиста Владимира Павловича Безобразова (1828—1889) и историка Василия Осиповича Ключевского (1841—1911). Поскольку они представляют разные поколения русских ученых: Безобразов умер, когда Булгакову было 18 лет, Ключевский был старше Булгакова на 30 лет, — мы имеем возможность проследить фарватер научной мысли нескольких поколений, изучавших великорусский тип хозяйственного деятеля и «лабораторию» великорусской хозяйственной жизни.

Владимир Павлович Безобразов — экономист, ученый и практик, общественный деятель, публицист и педагог, тайный советник (1874), сенатор (1885), академик Императорской Академии наук (1867), почетный член Международного статистического комитета (1885) — происходил из старинного дворянского рода, известного с XVI в. С конца 1840-х гг. он служил по Министерству финансов. Опыт научной и практической работы привел Безобразова к пониманию важности соединения в научном подходе к действительности нравственных и экономических вопросов. Он старался определить состояние, традиции, тенденции тех явлений и состояний в нравственной, умственной, административной жизни, которые оказывали воздействие на хозяйственный быт русского народа. Поэтому ставя успехи развития страны в прямую связь с уровнем народного благосостояния, Безобразов анализировал социальные, исторические и историко-географические параметры хозяйствования.

Выделяя хозяйственные факторы, определявшие состояние народного хозяйства и его перспективы, Безобразов разделял 1) «экономические единицы территории», возникшие исторически, и 2) «административные единицы», складывавшиеся по решению власти «отчасти произвольно и искусственно».

Первым среди русских экономистов он обратил внимание на подвижность экономических границ, которые при определенных обстоятельствах могли «сжиматься» и «расширяться», установил, что экономические границы заметно расширялись для удешевления расходов за труд и горючий материал (нефть), которые в 1870—1880-х гг. были тем дешевле, чем дальше находились от промышленных центров.

Историко-экономический анализ, проведенный В.П. Безобразовым в исследовании «Народное хозяйство России. Московская центральная промышленная область» (две части которого вышли в Петербурге соответственно в 1882 и 1885 гг.), убедил экономиста в том, что пределы выделенных по экономическим параметрам наиболее развитых экономических, прежде всего промышленных областей России, почти совпали с границами Русского государства, сложившимися к концу XVI в.

Удел князя Андрея Боголюбского, положивший основу единоначалия в Ростово-Суздальской земле (по Безобразову — ядро Московской государственности), совпадал с территорией наиболее активно растущей отечественной, прежде всего текстильной, промышленности (Владимирская губерния, восточная часть Московской губернии, южная часть Рязанской губернии). Здесь, по Безобразову, мы «находим самое яркое выражение племенного народного типа». «Самая характеристичная часть исторического племенного типа — это чистейший великороссийский тип с великоросским говором» [1, 56].

Таким образом, для Безобразова «фактор древности» стал важнейшей смысловой частью его экономического анализа, который был нацелен на улучшение современного положения народного хозяйства и позитивное воздействие на будущее состояние российской государственности и ее социально-экономических основ. Одним из первых среди отечественных экономистов Безобразов обратил внимание на роль этнического фактора в развитии экономики страны.

Одновременно с экономистами великорусский тип хозяйства и особенности хозяйственного поведения великоросса изучали и историки, прежде всего В.О. Ключевский. Историческая диагностика, «история внутреннего развития русской жизни», занимала его научное сознание, искавшего «их в русском складе жизни на большой глубине». Государственные и общественные учреждения, а также само общество рассматривались как выражение внутренней жизни народа [2, 416].

Не приписывая скоропостижной смерти старым государственным учреждениям в горниле преобразований и не преувеличивая творческих сил преобразователей и поколений, на чей век выпали перемены, Ключевский обращал внимание на необходимость анализа переходного общественного состояния, когда уже произошло обновление (экономическое, социальное, политическое), но привычные представления еще не успели измениться.

Переходные эпохи, привнося новое и разрушая старое, тем не менее являются лишь вехами на пути истории страны. Свое место в ней принадлежит и пореформенному периоду, и революционным потрясениям, и жизни в условиях социализма, в который верили как «в благородную идею справедливости», рассматривали как общественное устройство, которое выше капитализма [3, 9], и уже отметивший свое совершеннолетие постсоветский период, не дорожащий «чувством общего с трудовыми людьми». При характерных узнаваемых чертах каждого исторического периода их объединяет место действия, ядро государственного организма, которое при всех режимах оставалось

неизменным, что собственно и делает Россию Россией вплоть до настоящего времени.

Не утратило актуальности наблюдение В.О. Ключевского о том, что при обширности территории России, ее этнической пестроте и широкой миграции в истории неизбежно действовал фактор «скреп» (политических, военных, административных, идеологических, социально-экономических, культурных, конфессиональных и др.), которые только и могли удержать в единстве постоянно растущий конгломерат.

В политике роль «скрепы» историк отводил высокоцентрализованной власти, в военной сфере — сильной армии, способной к выполнению своих функций. В административном плане такой «скрепой» он считал рано развившуюся сильную бюрократию, в идеологии — господство авторитарного мышления, в том числе и среди интеллигенции, а также политизацию религии; в экономике — стойкость крепостного права и его последствий. Вопрос о соотношении внеэкономического и экономического принуждения и их роли в развитии народного хозяйства России выходил в научном сознании на первый план.

Преподавание политической экономии и финансового права в Александровском лицее в 1868—1878 гг., а также великим князьям, в частности Константину Константиновичу, а также постоянные занятия научной работой, результатом которой стало появление около 130 научных трудов и публицистических статей, не могли пройти и не прошли бесследно для Безобразова. Его экономические взгляды претерпели эволюцию от романтического идеализма к «государственному смыслу», который он понимал как необходимость единства государства. «Государственный смысл» имел для Безобразова значение концепта. Он был психологической категорией чувства меры, первым условием, необходимым для реализации способности к практическому расчету, который состоял в умении сосредоточиться на ближайших и важнейших целях жизни и жертвовать в момент действия «более отдаленными, хотя и, может быть, более возвышенными целями».

Свои обширные знания Безобразов старался реализовывать на практике, вел подвижническую «полевую» деятельность. Он провел большую часть жизни в разъездах, изучая развитие производительных сил страны под углом зрения «существования промышленного движения». Так, всего за два года (1879—1881) Безобразов объехал десять центральных губерний России. Он обследовал, анкетировал и описал Центральный промышленный район, назвав его «Московской промышленной областью», или «лабораторией русской жизни». Изучил Нижегородскую ярмарку, ее экономическую роль и влияние на нравы, а также характер хозяйственной деятельности. Кроме того, Безобразов проанализировал первый опыт пореформенной приватизации казен-

ных горных заводов на Урале. Его интересовала текстильная промышленность Лодзи (Царство Польское) как экономического конкурента промышленников Москвы и Иванова и особенности набиравшего силу экономического соревнования. Он содействовал устройству земельных банков, считая, что без кредита и его главных орудий — банков — промышленность и торговля «немыслимы».

Либерализм Безобразова проявился в его поиске путей к согласию — категорической неприемлемости революции. Так, идеи Великой французской революции он называл общественным недугом, делающим страну беззащитной, не способной к войне. О поиске согласия и достижении сверхвременных смыслов и за счет этого преодоления «феноменального, временного, производного» размышлял позднее С.Н. Булгаков [4, 7]. Коллега В.О. Ключевского по Московскому университету историк Владимир Иванович Герье (1837—1919), автор сочинений, в том числе и о Великой французской революции, сохранил для нас драгоценное свидетельство о выступлении С.Н. Булгакова во Второй Государственной думе, заседавшей в условиях первой российской революции с 20 февраля по 2 июня 1907 г.

Речь орловского депутата Государственной думы прозвучала «благородно» и отличалась от речей других депутатов одним: «Он говорил <...> просто, как русский человек, любящий свою родину и присутствующий при ужасной экспертизе современного ее состояния» [5, 189]. По мнению Герье, Булгаков обратил внимание современников на два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, «мы живем в этом ужасе, но мы его не замечаем. Мы дичаем, становимся варварами». И, во-вторых, надо искать выход не в том, «что победит та или другая сторона, а затем растопчет противную сторону, а в том, что произойдет какое-то высшее примирение, на какой-то высшей, чем теперешняя борьба, моральной и правовой почве» [5, 189—190]. Политический идеализм Булгакова был не многим понятен, но Герье услышал главное — отношение, которого требовал Булгаков к запросам. В депутатском запросе Булгаков видел «руку помощи», которую «народное представительство протягивает власти для того, чтобы власть могла войти в соприкосновение с народом, могла заслужить доверие народа, необходимое для отечества» [5, 190].

Герье упрекнул Булгакова в том, что тот «не сделал в своей речи практического вывода, столь нужного в тогдашний момент. Он не предложил формулы, которая соответствовала бы его политической мысли и в тоже время, ясно ее выразив, дала бы возможность другим к ней присоединиться» [5, 191].

Однако представление Булгакова об историческом процессе, который одновременно творится на уровне земной жизни, где действует

человек со своей свободной волей, и на метафизическом уровне, являющемся определяющим для событий земной жизни, позволил ему высказать идею, актуальную в 1907 г. и не менее злободневную для нашего времени. По свидетельству Герье, «депутат Булгаков усматривал ужас положения именно в том, что власть вызывает не только недоверие, но прямо чувство ненависти, — а это ненормальное положение в здоровом государстве. Власть должна поднять свой престиж, и в России должна создаться власть—носительница права, которая обладала бы моральным авторитетом. Но помочь власти поднять свой престиж лежит на обязанности народного представительства» [5, 190].

Для преобразования социально-экономической действительности ученые шли на контакты с властью, и формы общения были достаточно разнообразными. От прямого участия во власти: так, министрами финансов были известные ученые — экономист И.Х. Бунге и математик И.А. Вышнеградский. Местом встречи чиновников и ученых стали Императорские общества, в частности, Русское географическое и Научно-техническое, членство в которых власть рассматривала как хорошую школу для будущих «просвещенных бюрократов». Однако иллюзии о возможности конструктивного влияния на активизацию компенсаторных механизмов развития страны с помощью научных обществ со временем у ученых проходили, как это случилось с Д.И. Менделеевым, после чего к ним приходила мысль о неизбежности их участия во властных структурах.

Однако прямое сотрудничество с властными институтами не для всех было возможно и приемлемо. Не случайно в России получили развитие и другие формы воздействия ученых на общественное мнение, такие как публичные выступления или лекции. В них излагалось их видение существующих проблем экономического и политического характера, а также пути их решения. Одной из форм демонстрации реального дела и взаимодействия в России широких общественных сил, в том числе власти, ученых, предпринимателей были народнохозяйственные выставки. Их история в России началась в 1824 г. с появления указа императора Александра I об организации первой Всероссийской мануфактурной выставки, которая была открыта уже после его смерти в 1829 г.

В течение XIX в. мануфактурные, затем художественно-промышленные выставки превращаются в реально действующий фактор социально-экономического развития страны и становятся составляющей внутренней экономической политики правительства. В организации выставок участвуют центральная и местная власть, многочисленные общества, в том числе и научные, отечественные производители, представлявшие все социальные слои населения. Ко времени от-

крытия каждой новой выставки готовилась статистическая, справочно-информационная литература отраслевого и общего характера, показывающая параметры развития страны и ее отраслей и его общее направление со времени предыдущей выставки. Развитие выставочного хозяйственного движения регламентировалось выставочным законодательством.

Народнохозяйственные выставки и их экспозиции свидетельствовали не только о достижениях, в том числе научных, но также и о не реализованных возможностях России. В экспозициях были представлены экспонаты, характеризующие истоки приоритетных в будущем направлений хозяйствования, которые, к сожалению, чаще находили условия для своей реализации за рубежом. Нередко ввиду невозможности широкого внедрения изобретений в своей стране техническая и производственная работа русских изобретателей (или освоение их идей) осуществлялись в других странах, где в недалеком будущем создавались вторичные системы, которые, возвращаясь в России, играли по отношению к ней уже роль... «первичных».

Преодолеть разрыв между порогом научной и производственной технической восприимчивости не удавалось в XIX в. Остается актуальной эта задача и в наши дни [6, 5].

Таким образом, поколения замечательных русских ученых показали важнейшие направления, по которым предстояло работать как современникам, так и потомкам.

Литература

1. *Лачаева М.Ю.* Безобразов Владимир Павлович // Российский либерализм середины XVIII—начала XX века. Энциклопедия. М., 2010.
2. *Лачаева М.Ю.* Ключевский Василий Осипович // Российский либерализм середины XVIII—начала XX века. Энциклопедия. М., 2010.
3. *Лакшин В.Я.* Солженицын и колесо истории. М., 2008.
4. *Булгаков С.Н.* Русская трагедия // Булгаков С.Н. Тихие думы. Этика, культура, софиология. СПб., 2008.
5. *Герье В.И.* Вторая Государственная дума <фрагмент> // С.Н. Булгаков. Pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. 1. СПб., 2003.
6. *Лачаева М.Ю.* Приглашается вся Россия... Всероссийские промышленные выставки (XIX — начало XX в.): Петербург, Москва, провинция. М., 1997.

И.Г. ШЕВЧЕНКО

**Поле боя.
Четвертая ипостась**

Аннотация. Человек как система души, сознания и зверя, отрицающих и подавляющих друг друга, человек как поле боя, от исхода которого зависит будущее поколений, XX в. институализировал хаос, в XXI в. настало время собирать разбросанные камни.

Ключевые слова: потребности человека, противоречивая сущность человека и его истории, новая модель общества, время выбора.

Abstract. Man as system of spirit, consciousness and animal, refuting and suppressing each others, the man as a field of struggle for generations' future, XX-th century created chaos institutes, XXI-th century — time for picking scatted stones.

Keywords: man needs, controversial of human nature and human history, new society model, choice time.

Медленная агония российской промышленности, рост напряженности, реанимирующей образ Мировой войны, поднимают вопрос: «Что происходит?». А поскольку этот вопрос осознан и воспроизводим, на него в России и отвечают: «Гордыня явно победила в человеке, и он, набравшись храбрости, противопоставил себя Богу, попав при этом вольно или невольно в сети к истинному противнику Бога — дьяволу, бесу, сатане, которого человек, правда, попытался проигнорировать, посчитав за неумное и давно устаревшее недоразумение» [1, 335].

А, может, мы зря паникуем? Просто испугались inferнальной бездны Интернета, щедро поливающего негативом человеческое сознание: улыбаются друг другу президенты, растет ВВП, «россиянцы» вполне освоили тонкости выбора колбасы и искусство стояния в пробках. Невиданное ранее в России удовлетворение человеческих потребностей, уродливое, с головокружительными социальными перекосами, но объективно существующее, погружающее нацию в сладостную нирвану.

Вот тут-то и стоит внимательно разобраться — а на самом ли деле потребности удовлетворяются? Поскольку последних превеликое множество, посмотрим самые важные, без которых человек жить не может.

Первая — воздух. Все мы пока дышим, но качество сего продукта оставляет желать лучшего и на родных просторах, и в мировых центрах индустриальной мощи. Сомневающиеся могут вспомнить дымы Отечества лета 2010 г.

Вторая по важности потребность — питьевая вода. Лотки с этим продуктом в супермаркетах, распродажа фильтров очистки на любой вкус и кошелек явно свидетельствуют, что и с этой потребностью явно намечаются серьезные проблемы. А как им не быть, если в озеро Байкал, вмещающее 20% мировых запасов питьевой воды, уже направлены трубы канализационных стоков? Байкал слишком далек и экзотичен? Ну что ж, поближе — сброс в октябре 2012 г. в верхнем течении Москва-реки канализационных стоков, а там вода для самого чистого, Рублевского водозабора столицы.

Третья потребность — пищевые продукты, только ведь много ли их осталось без разрыхлителей, красителей, усилителей вкуса, консервантов и добавок ГМО? Дело дошло до того, что трупы на кладбищах перестали разлагаться, не приемлет земля обратно сброшенные химией человеческие тела.

Четвертая потребность — безопасность, но о какой безопасности может идти речь в мире, рвущемся к новой глобальной войне?

Упорное игнорирование неудовлетворенности коренных потребностей говорит о глобальном манипулировании общественным сознанием. «Ага, — скажут любители конспирологии, — вот она, Мировая закулиса, уничтожающая мир ради сиюминутной прибыли!». Но ведь закулиса состоит из людей, и при всех своих деньгах скрыться от глобальной катастрофы никуда не сможет: Марс еще не освоен, да и до Луны далековато, а деньги всего лишь информация, безликая цифра.

Прав, ох, как прав Ю.М. Осипов, констатируя, что люди стали (и, быть может, уже давно) марионетками темных сил нечеловеческой природы. Приверженцы марксизма возразят, что дело-де не в неких метафизических субстанциях, а в обезличенной и бесчеловечной природе капитала. Но капитал является обезличенным лишь в абстрактных и далеко не всегда полезных умопостроениях, а в жизни он всегда имеет своего хозяина, и чем выше ранг владельца капитала, тем спокойнее к нему он относится — сомневающимся рекомендую изучить деятельность Баффета и Сороса, не последних в мире капитала людей. Все сколь-либо компетентные в денежных вопросах люди знают, что жадность и абсолютизация денег неизбежно ведут к существенной потере капитала, поэтому и появилась профессия финансового психолога, помогающего капиталистам бороться с собственной жадностью.

Понимание ситуации может быть лишь затруднено использованием устаревшей и разрушительной доктрины марксизма. Введение в анализ метафизической компоненты позволило Ю.М. Осипову увидеть в человеке зверя и управляющего им беса и на этой основе объяснить апокалиптический характер общественных процессов. Но коль скоро мы анализируем действительность с точки зрения религиозного миро-

воззрения, кроме зверя у человека есть и дарованная свыше душа, и признаваемое и идеалистами и материалистами сознание.

Таким образом, человек представляет собой внутренне противоречивую систему трех элементов: зверя, сознания и души. Зверь позволяет человеку пребывать в материальном мире, душа — не утратить живительной взаимосвязи с миром идеальным, сознание соединяет идеальное и материальное. Так на пересечении косной материи, тонкого метафизического мира и сформированной сознанием ноосферы возникла четвертая ипостась — Человек.

Борьба и отрицание составляющих человека элементов объясняют противоречивый и во многом разрушительный ход человеческой истории, предопределяя взлеты и падения общественно-политических формаций: мгновенное по историческим меркам крушение коммунизма и мучительное, медленное умирание капиталистического общества были обусловлены опорой лишь на два элемента человеческой сущности — зверя и сознание. Капитализм использовал у зверя стремление потреблять и осознание текущей выгоды момента, коммунизм использовал страх зверя и осознание долгосрочной выгоды построения общества всеобщего процветания.

Отрицание души и непосредственно связанного с ней сакрала неминуемо приводило к инфернализации и крушению обществ: явное отрицание души марксистской атеистической концепцией привело к массовому моральному разложению и позорной самоликвидации Советского Союза, латентное отрицание души в капиталистическом обществе (проявляющее себя и в дискредитации традиционных конфессий) ведет к умиранию западной цивилизации в бесконечной череде экономических кризисов и военных конфликтов.

Деградация традиционных форм общественной организации неизбежно ставит вопрос о новой парадигме общественного развития. Поскольку речь идет о существовании человека как биологического вида, возможны два пути движения общества. Первый путь — «борьба человека с миром этим ради вырыва в мир иной» [1, 495].

Но если принять за данность наличие негативной нематериальной формы разумной жизни, которая, по определению, занимает низшее положение в структуре нематериальных разумных сил, то вырыв человеческого сознания в мир иной будет сопровождаться его порабощением нематериальными силами Зла, и на инерционном пути развития общество трансформируется в бесчеловечество, предсказанное Даниилом Андреевым, с наступлением описанных Иоанном Златоустом последних времен.

Но поскольку милость Бога бесконечна, у людей имеется шанс второго пути: сохранения человека как единой сущности и построения

жизнеспособной модели общественного развития, которая, сберегая человека, будет учитывать наличие в его сущности трех элементов.

Первый элемент — Зверь. Я с недоумением смотрел на межгалактические станции фантастических фильмов, их циклопические размеры предполагали немислимые затраты, по сравнению с которыми современные космические программы выглядят копеечным проектом. Рациональнее для освоения планет использовать уже существующие там формы жизни: речь идет не о создании монстрообразных железяк, с трудом воспроизводящих локально земные условия, а о трансплантации сознания в биологический носитель, уже адаптированный к местным физико-химическим особенностям.

На Земле к подобной роли идеально подходила человекообразная обезьяна. Произошла ли трансплантация иномирного сознания в обезьяну или нет, можно только гадать, что не отменяет уважительного отношения сознания человека к своему биологическому носителю.

Постепенная (хотя и во многом вынужденная) экологизация хозяйства развитых стран подтверждает возможность построения «зеленой» хозяйственной системы, в которой приоритетными будут вовсе не деньги, а чистый воздух, чистая вода, здоровая еда и оптимальные для человека климатические условия.

Но сбережение зверя как носителя вовсе не предполагает доминирование зверской сущности. А значит, необходимо прямое и действенное, а главное постоянное ограничение зверских качеств. Человек есть результат борьбы со зверем, и если борьба прекращается, прекращается и само человеческое бытие. Внешне человеческая форма сохраняется, но внутри уже торжествует зверь, спокойно и жестко разглядывающий окружающее как потенциальную добычу. Человек — это звучит гордо! Прав, ох, как прав горький писатель. Легко, очень легко утрачить это гордое звание.

Второй элемент — Душа. Тут уж без религии, сакрала никуда. Особенно здесь, в аду, в России, на переднем крае... Не будет лишним вспомнить опыт Российской империи, еще не расколотой безжалостным большевизмом на беспомощные обломки. В то светлое время русским человека делал не штамп в паспорте, а русский язык и православная вера. А сейчас можно быть «русским» и не верить в Бога. Что тут удивляться удивительному превращению Руси в «Россиянию». Мало осталось русских людей на бескрайних просторах уходящей в небытие империи, и пока еще много «россиянцев», духовно опустыненных и потому беспомощных, грозно и печально их будущее. Люди это чувствуют и бегут.

Бегут в алкогольный дурман, в наркотический омут, в услужливо расставленные сети Интернета, бегут за границу, бегут в иную веру. А

тут уже прямая опасность обращения бывших русских, ныне «россиянцев», в свою противоположность. Показательна история Сапрыкиной, принявшей ислам, ставшей Аминой Курбановой, террористом-смертником... Когда я смотрю на фотографию этой женщины в хиджабе, я не вижу в ней ни одной молекулы русского человека!

Трудна вера, а без нее нельзя русскому человеку, без нее потеря всего — истории великих предков, родной земли, и собственного имени.

Третий элемент со-знание. Противоречивый уже в имени своем. Знание в сознании из разных источников: от сакрала и от бездны... Навязчиво посредничая между зверем и душой, сознание ищет собственной выгоды, строит и не без успеха свой, сознаниевый, мир постмодерновой пустоты, безумной гонки в лучистое ничто. Уже не душа главенствует в современном человеке, а его (впрочем, его ли?) сознание. Гордится сознание своим мимолетным главенством, смотрит с презрением на природу и сакрал.

Но гордиться надо не положением в сложившейся внутричеловеческой иерархии, а достигнутыми результатами, а они, прямо скажем, никудашные: подготовленное Постмодерном вытеснение человека предает все, чему обязано своим процветанием сознание — и своего хозяина, и живую природу, и сакрал. Впереди бездна, а, может быть, и не впереди, а уже здесь, рядом?

Впрочем, это если речь идет о человеческом сознании, а если сознание это вовсе нечеловеческое, а человек в этой драме лишь некий вынужденный и временный инструмент, то все становится на свои места: мавр сделал свое дело и может уходить. Но если мавру уходить вовсе не хочется?

Вот и получается: нуждаются человеческое сознание и расчет в явном и действенном управлении со стороны души человеческой, укрепленной Верой, и без построения общественной жизни на религиозных императивах человеку не выжить.

Удастся душе обуздать зверя и сознание — устоит человек, проиграет душа — будущее человека печально, киборги и эфирики из области фантазии вполне могут переключаться в реальность, вытеснив человека.

Еще не решен исход этой схватки, и у каждого человека она будет происходить по-своему: у кого-то победит душа, у кого зверь, у кого сознание, а у кого и вовсе бес, незаметно выползший из преданий старины в современный мир, и вполне комфортно в нем себя чувствующий. Внешне люди почти не изменились, но происходит великое разделение на людей души, для которых важен Бог и гармония, людей сознания, для которых важна собственная гордыня и эгоизм, людей

зверя, для которых важно насытить любой ценой свои материальные потребности, и людей беса, ненавидящих себя и мир, черпающих свои силы в бессмысленном и беспощадном разрушении.

Общечеловек умер, классы и страты побледнели и ушли в тень, исход дела определяет битва между людьми души, людьми сознания, людьми зверя и людьми беса. Еще все не решено и с Человеком, и с миром, и с Россией.

Поскольку главенство души является необходимым условием для выживания человека, то по закону фрактального подобия для выживания человечества необходимо, чтобы общество управлялось людьми с высоким уровнем духовного развития, для которых важным было бы служение обществу, а личные интересы не имели бы никакого значения.

Для людей сознания важны гордыня и эгоизм — им место в либеральной рыночной экономике, где ничего бесплатно не бывает.

Люди зверя с их абсолютным доминированием материальных потребностей нуждаются в духовном развитии и повышении образовательного уровня, чтобы потом они могли сделать сознательный выбор между служением обществу и минимальным набором потребительских благ либо в пользу участия в слепой игре рыночных сил в надежде разбогатеть и с немалыми шансами закончить жизнь в нищете.

К сожалению, в обществе растет число «людей», для которых более подходящим было бы название люди-бесы, так как их поведение очень сложно назвать человеческим: 7 ноября 2012 г. юрист фармацевтической компании «Ригла» Дмитрий Виноградов убил шестерых коллег. Незадолго до трагедии он заявил в Интернете о ненависти к человечеству.

В прессе после этого ужасного случая появилась памятка «Как уцелеть под пулями»... Каннибалов, серийных убийц, педофилов, работорговцев судят по законам человеческого общества, хотя де-факто они уже людьми не являются. Единственный путь для них — это полная изоляция от общества, но сознаниевый мир его не приемлет. В обществе множатся модели античеловеческого поведения, их носители становятся героями хроник, о них снимают фильмы, пишут книги, открывают музеи: бандиты Бонни и Клайд, людоед Майвес, убийца детей Брейвик — каждый день этот список пополняется новыми персоналиями.

Если в XIX в. появилось понимание надвигающейся человеческой катастрофы, в XX-м — институты, эту катастрофу активно питающие и продвигающие, то в XXI в. началась персонификация гибели мира — люди апокалипсиса, в нем уже живущие и к нему стремящиеся.

Мир в нерешительности остановился у черты — между ненатужной гибелью и принципиальным изменением основ человеческого бытия (также см.: [2]).

Литература

1. *Осинов Ю.М.* Обретение. М., 2011.
2. *Шулевский Н.Б.* Философия и возмездие. М., 2012.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: историографический анализ вопроса «Религии Китая»

Аннотация. В статье отрицается взгляд на древнейшую религию Китая как на религию анимизма и фетишизма; а также опровергается устоявшееся представление о конфуцианстве как исключительно об этической философии. Показано различие конфуцианской и научной концепций знаний. Показано значение труда Иакинфа (Н.Я. Бичурина) «Изображение первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов» в становлении конфуцианской философии хозяйства.

Ключевые слова: анимизм, фетишизм, этика, метафизика, агентизм, Янь и Инь, небо и земля, конфуцианство, полигистор, традиция.

Abstract. In this article the view on the most ancient Chinese religion as a religion of animism and fetishism is denied; also it is disproved the settled idea of Confucianism as an exclusively ethical philosophy. The distinction of Confucian and scientific concepts of knowledge is shown, it is also shown the importance of Iakinf's (N.Y. Bichurin's) work «Representation of the first beginning or about an origin of physical and moral laws» in the formation of Confucian philosophy of economy.

Keywords: animism, fetishism, ethics, metaphysics, agentism, Yin and Yang, the heavens and the earth, Confucianism, polygistor, tradition.

Многие исследователи Китая отмечают нетворческий характер китайского народа. Большинство из них связывают эту особенность китайцев с их религией, в которой отсутствуют мифология и метафизика, которые, собственно, и отвечают за развитие в народе поэтико-творческого воображения. Так, Хрисанф считает, что из всех религий

Древнего мира китайская самая примитивная и несложная. «Практически все религии древнего мира начинали с биполярной структуры мира, развивая эти представления до более высоких религиозных представлений, но только одна — китайская, одна из первых выработавшая ее, остановилась на ней намертво» [1, 99]. Речь идет о натуралистической концепции об Ян и Инь, которая с VI в. до н. э. была принята всеми философскими системами Китая. По мнению Хрисанфа, в ней, собственно, и представлена вся китайская метафизика, все, что выработала ее мысль. Мир предстает как кристалл, механически собранный из двух начал — Ян и Инь, неба и земли, мужского и женского начал, отца и матери, так называемой «родительской пары» всего существующего, которые выступают двумя силами природы, больше и выше которых ничего нет. С этой теорией сочетается представление о духах и демонах в качестве отдельных сил и явлений природы, которые принимают участие в управлении вселенной и судьбами людей.

В. Грубе отмечает, что в китайском языке даже нет специального термина для обозначения религии и Бога; как правило, Бог и духи назывались одним словом «шэнь», и даже индийские боги, так называемые *dewas*, также обозначались как «шэнь». Более того, канонические книги Китая нельзя сравнивать со священными писаниями других народов, которые являются откровениями Божества. Китайская священная литература носит исключительно светский характер; в ней собраны древнейшие тексты из истории и жизни китайского народа, которые, правда, «почитаются так же, как у других народов религиозные первоисточники, приписывающие себе божественное происхождение» [2, 85]. В канонических же книгах Китая обожествляется прошлое, в котором китайская цивилизация достигла своего наивысшего состояния; возвеличивается древность как образец для подражания.

Конфуций, которому приписывают составление этих священных книг Китая, как раз таки и был собирателем, восстановителем учений предков, а не создателем новой религии и новых идей. Да и сам он всегда называл себя только учителем, а не творцом религии, где уже само его имя, с которым он стал известен европейскому миру, означает *уважаемый учитель Kong*. В европейской традиции, где действует «запрет на плагиат» — запрет на повторение старых идей, где все ориентировано на выработку принципиально нового, Конфуций никогда бы не стал ученым. В Китае он — «князь мудрости», мудрость которого, в китайском смысле, как раз таки и состояла в том, чтобы ничего не менять, а повторять традицию.

Известно, что этот принцип стал основополагающим в системе китайского образования, конфуцианского по своей сути, которое ориентировано не на развитие творческого потенциала учащихся, а на разви-

тие памяти. Так, Ж. Род пишет: «Надо также принять во внимание, что на эту своего рода интеллектуальную анемию китайцев оказывает влияние устаревшая система китайского образования, втиснутого в тиски древних традиций и самого узкого классицизма. Основной принцип этой системы гласит, что все знания уже собраны в древних книгах. Достаточно выучить их наизусть, чтобы быть хорошим ученым. Отсюда — исключительная роль памяти и бедность творческих сил интеллекта, преобладание подражательной способности, порой приобретающей у китайцев паразитическую силу развития» [3, 203].

Речь идет о конфуцианской концепции знания — знания как повторения — подобной той, которую выработал буддизм, только с той разницей, что в буддизме — это повторение пути, пройденного Буддой, а здесь, если речь идет о Конфуции, — повторение собранных им учений предков; а если речь идет о китайской системе классического образования — повторение классических трудов самого Конфуция, а также Мынь-цзы, отступление от правильного толкования которых считалось ересью и всячески пресекалось. Таким именно образом закрывался путь на формирование самостоятельного мышления учащихся. Конфуцианская система образования ориентирована не на понимание, а на заучивание, не на мышление, а на память, не на развитие, а на повторение, на постоянное возвращение к первоисточникам, в которых китайская мысль достигла своих вершин и в которых искали ответы на вопросы сегодняшнего дня.

Поэтому, в противоположность гераклитовскому — «многознание уму не научает» — принципу западного образования, ориентированному на понимание, Китай выдвинул конфуцианский принцип многознания, ориентированный на заучивание огромного наследия прошлого, которое как раз таки уму научает. Отсюда — чем объемнее сочинение, тем оно более поучительно и значительно. Ж. Род поведал показательную в этом отношении историю о министре образования Китая Чень-Ше-Тоне, который в начале XX в. проводил реформы, направленные на обновление китайской системы образования за счет дисциплин, преподаваемых в западных университетах. Решался вопрос о включении высшей математики в учебные планы университетского образования, в которых традиционно преобладало преподавание нравственности. Чень-Ше-Тон, держа в руке учебник по высшей математике, взвесив его и пересчитав небольшое, по сравнению с учебниками по нравственности, количество страниц, заявил, что для его усвоения понадобится не более трех-четырёх месяцев. Под усвоением надо понимать заучивание. Действительно, по сравнению с многотомными книгами по истории и традициям Китая, учебник по высшей математике произвел на министра легкомысленное впечатление. «Во всем

этом лежит такое глубокое непонимание наших научных методов, такое безнадежное незнакомство с сущностью западной цивилизации, как результата вековых усилий не останавливающейся в своем развитии мысли, что здесь-то и следует искать самых серьезных препятствий к действительному обновлению Китая» [3, 104].

Здесь есть смысл сравнить западную систему образования и китайскую, которая является классическим образцом традиционной или школьной системы образования вообще. Западная Европа тоже прошла через умиление и поклонение авторитету древности в эпоху Возрождения, но в отличие от Китая, который застыл в этом поклонении намертво, она устремилась вперед. Именно благодаря эпохе Реформации Западная Европа не стала оглядываться на прошлое, не пошла по пути освещения древности, а встала на путь развития науки, путь, который был в условиях Китая закрыт конфуцианской системой образования. Западноевропейская наука как раз таки и начала с критики схоластической школьной философии, которая мало чем отличалась от конфуцианской: также толковала Священное писание и боролась с ересью, больше рассчитывая на память, нежели на понимание. Именно Р. Декарту, в большей степени, европейское школьное образование обязано реформой своего образования и поворотом его в сторону науки.

В Китае такого реформатора образования, который поставил бы его на уровень науки, не было, как не было и эпохи Реформации, без которой, несмотря на все достижения эпохи Возрождения, средние века продолжались бы до сих пор. Поэтому К. Фишер сравнивает Р. Декарта с М. Лютером и говорит о них как и великих реформаторах, которые осуществили аналогичные реформы, хотя и в разных сферах деятельности. Подобно тому, как М. Лютер провозгласил: церкви не хватает религии, и начал реформу церкви, Р. Декарт провозгласил: наукам не хватает знания, и начал реформу философии. «Параллель эта неопровержима и проливает свет на задачу и значение философа. Он находится в том пункте философии, которого Ренессанс никогда не достигал и из-за преклонения перед авторитетом древности не мог достигнуть» [4, 303].

Какого знания не хватает наукам? Самостоятельного, систематического и упорядоченного. Р. Декарт пришел в философию из математики и привнес в нее математические приемы мышления, которые сводятся не к заучиванию — математику не вы зубришь, — а к пониманию. И единственным путем истинного познания он назвал метод самостоятельного и упорядоченного мышления, требующий напряжения собственных мыслительных способностей ученого и движения мысли в определенном порядке и последовательности. В таком требовании

самостоятельности мышления и состоит суть метода Р. Декарта. Этот метод истинного познания, названный им методом дедукции, он противопоставил ложным путям познания, к которым относится путь собирательства чужих идей и мыслей, так называемый путь многознания, принятый школьной системой образования. В противоположность собирателю мыслитель не ищет информацию, а жаждет понимания. Замечательно по этому поводу пишет К. Фишер: «Чем менее школьная ученость и обыкновенная философия — вульгарная, как называл ее Декарт, — обладают действительными знаниями, тем неустаннее собирают они с ненасытным любопытством сведения, заполняющие память и возбуждающие дух, но не питающие его... Охота и погоня за всякого рода сведениями есть смерть для методического мышления, идущего вперед основательно и потому медленно, без всякого стремления к нездоровой и бесплодной полноте. Многознайки не мыслители, а собиратели; мыслитель ищет уразумения, и самое ясное из них для него наиболее дорого, единственно ценно; собиратель ищет сведений всякого рода, и самые редкие — для него самые желанные; первый ценит выше всего ясность, второй — редкость. Чем редкостнее скарб его сведений, чем труднее добыть его, тем более значительным считает себя полигистор: он знает то, чего другие не знают, он учен, другие неучены... Этим глубоким отвращением к школьной учености и многознайству Декарт заставляет нас вспомнить выражение Гераклита: *πολυμαθία νιον ου διδασκει*» [3, 304—305].

И в этом смысле Конфуций, по Р. Декарту, воплощает в себе тип ученого полигистора — собирателя, охранителя традиции, а не новатора и создателя. Конфуцианская система образования есть система назидания, а не развития мышления учащегося и соответственно его творческих способностей, поэтому неслучайно в несторианских памятниках конфуцианство называлось отнюдь не религией знания, а религией «наставления», пресекающей любые попытки свободы мышления, в отличие от того же христианства, которое там же называлось просто — «славным учением». Собственное мышление или свободное мышление, и начетничество как повторение или заучивание — это два антипода в системе образования, задающих различные направления его развития: в первом случае это путь науки, во втором — педагогики, подменяющей науку, а вместе с ней и содержательную составляющую образовательного процесса²⁵.

²⁵ Собственно то, что происходит сейчас в российском образовании, из которого последовательно выхолащивается дух науки и новаторства (присутствовавший в ней в советское время, хотя тоже шла «борьба не на жизнь, а на смерть» между начетничеством и творчеством, но случалось, что побеждала

Восстановитель древней религии, Конфуций не был ни метафизиком, ни физиком. Это был практик по преимуществу. По его собственному признанию: «Как могу я заботиться о Небе, когда и землю так трудно познать», он не любил рассуждать ни о Боге, ни о происхождении мира и был, по сути, «тайным атеистом». Его всегда интересовали только этика (педагогика) и политика, причем весьма тенденциозно — из древней религии Китая он выбирал и компилировал только те места, которые служила интересам существующей власти. Вот почему из пяти собранных Конфуцием Священных книг Китая, только первая — «И-цзинь», или «И-кинъ» — «Книга перемен» содержит космологические воззрения древности, главным образом механистическое учение об Ян и Инь, а также восстановленные им народные верования в духов и демонов. Тогда как четыре других содержат в себе древнюю историю Китая, собрание народных песен, свод церемоний, законов приличия, а также нравственные и политические суждения — обличения деспотизма.

Таким образом, с вышеизложенной точки зрения, главной характерной особенностью религии Китая является ее не расположенность к метафизическим спекуляциям. Это в большей степени этическая философия, нежели религия, если под религией понимать учение о существовании Божества, его действиях и свойствах. Китайская философия была поглощена решением задач узко-прагматического характера и, по большому счету, знает только религию природы, населенную духами — анимизм, и культ предков. В заключение Ж. Род еще раз подчеркивает религиозный индифферентизм китайцев, цитируя классический труд «Китайская империя» отца Гюка: «Китайцы так поглощены интересами текущего дня, его материальными потребностями, что вся их жизнь представляет собой практическое осуществление материализма. Что же касается явлений метафизического порядка, имеющих отношение к душе, к Богу, к загробной жизни — он их не видит, он ими не

жизнь, творчество), есть возврат к схоластической системе школьного образования. Сейчас побеждает исключительно начетничество, возведенное в ранг государственных программ. Отсюда насаждение гуманитарного цикла, как более легкого с точки зрения технологического процесса, рассчитанного в большей степени на память, чем на понимание, — компьютерную сборку информации. И сворачивание, отток студентов естественнонаучного направления, математики в том числе, требующего больших усилий и напряжений мысли — понимания. За этим оттоком студентов из естественнонаучных направлений знания стоит уничтожение науки в России, которое начинается с уничтожения ее в современной школе, подменяющей образовательный (мыслительный) процесс тестированием.

занимается, даже не хочет заниматься, не считается с ними серьезно» [3, 200—201].

Но существует и другой взгляд на древнюю религию Китая, опровергающий существующий — о якобы ее не мифологическом и не метафизическом характере. Родоначальником этого направления исследования древнейшей религии Китая признано считать Макса Мюллера — основателя сравнительного религиоведения, по мнению которого, мифология в Китае была, и возникла она намного раньше, чем в Индии, Египте и Вавилоне — около 4000 или 6000 лет до н. э. Что касается религии Китая, то Макс Мюллеру действительно удалось пересмотреть устоявшиеся к его времени взгляды на древнюю религию Китая как на религию фетишизма и анимизма, отрицающую идею единого Бога.

По мнению М. Мюллера, в Древнем Китае раньше, чем в Древней Индии, сформировалась тенденция монотеизма и было выработано представление о едином Божестве, для обозначения которого даже существовал особый знак — «tien». Этим знаком одновременно обозначались Небо и имя единого Бога, а впоследствии им в Китае стали именовать Бога Тien. Причем так же, как и в Индии, Небо, с одной стороны, отождествлялось с видимым небом, а с другой — выступало отражением невидимого Неба, т. е. Божества. И в этом смысле китайское Тien аналогично индийскому *Dyaus*, означающему яркое небо, которое было первым и древнейшим богом арийского пантеона. Самым замечательным достижением М. Мюллера считается то, что ему удалось показать, что это древнейшее мифологическое представление Китая о Боге-Небе было присуще и конфуцианству, что поставило под сомнение общепринятое до него представление о конфуцианстве как исключительно об этической философии, не имеющей метафизических основ. Впрочем, точно такое же представление о едином Боге было присуще и даосизму, исторически предшествующему конфуцианству, в котором дао, по мнению Мюллера, было аналогично индульской рите (арте).

Проводя аналогию между китайской и индийской религиями, М. Мюллер, в то же самое время, отмечал и существенное различие в понимании Божества Китая и Индии. В Китае единое Божество в большей степени выступило как Верховное Божество, подчиняющее себе всех богов и духов природы, чем это было в Индии. Поэтому М. Мюллер противопоставил индийскому анимизму с его тягой к политеизму китайский агентизм (*agent* — действующая сила), где боги и духи действуют ни как силы природы, а исключительно как силы Божества. «Только в Китае подчинение этих духовных сил Тien или Ti — Верховному Богу было яснее осязаемо, чем в Индии. Там существова-

ла действительная опасность... рассматривать владычество духов как нечто независимое... но в Китае более древнее и твердое убеждение в существовании единого Бога, первоначально одного Неба, предотвратило возвышение сил природы в так называемых духов... Это и является реальным различием в Китае между единым Богом и многими богами, или духами, или действующими силами природы, различие, отсутствие которого в других странах привело к выработке различных систем политеизма» [4, 10].

Анализ термина «*tiên*» был проделан крупнейшим специалистом в области языкознания Джеймсом Легге, которому, собственно, М. Мюллер и обязан своей идеей о едином Боге Китая. В своей последней работе «Религии Китая», во многом определившей последующее изучение древневосточных религий, М. Мюллер говорит о том, что идея единобожия была изначально присуща религиям Китая и Индии и только в будущем подверглась искажениям. Здесь же он отмечает выдающиеся достижения в области анализа китайского языка и китайской письменности Д. Легге: «Едва ли даже подозревали, что китайская религия произошла таким естественным путем, и мы не сомневаемся в том, что Legge был прав, когда отвергал анимизм и фетишизм как основу туземной национальной религии Китая. Он был прав, когда шел по прямому пути к тому же источнику, от которого возникли древние верования арийских народов. Это наиболее важное открытие, и удивительно, что оно мало был оценено до сих пор» [4, 15].

Не более, чем достижения Д. Легге, в этой области были оценены исследования первого русского синолога Иакинфа (Н.Я. Бичурина), избранного в 1831 г. членом парижского азиатского общества, работы которого о Китае знал и ценил А.С. Пушкин. Иакинф еще в первой половине XIX в. первым оспорил существующий взгляд на конфуцианство, как исключительно на этическую философию, поставив вопрос: «Что в Китае древнее: философия или религия?» — и ответив на него: «Действительно, мы знаем, ныне в свете только один народ, у которого философия — к необыкновенному удивлению Европы — связана с религией самыми тесными узами. Я разумею здесь религию государственную, которая носит название джу-цзяо (конфуцианство. — М.Э.). Внутренний состав этой религии основан на чисто-философских началах, и притом той самой философии, которая через училищное воспитание проникла все сословия народа, подобно, как вода через слой губки. Наоборот, большая часть древних положений сей философии состоит из начал религиозных — той самой религии, которая возникла с первоначальным гражданским образованием китайского народа» [5, V], и которая насчитывает уже 42 века своего существования.

По Иакинфу (Н.Я. Бичурину), в Китае, в религиозно-философском отношении, всегда были мыслители на голову выше Конфуция, так называемые метафизики, которых интересовали глобальные проблемы мироздания. Уже в древности были осуществлены первые прорывы в область метафизики. Еще 3000 лет тому назад государь Фу-си изобрел первую китайскую систему бытия — «чертеж прежнего неба», в котором понятия о боге и мире изложил не словами, а параллельно начертанными линиями, проставленными 64 разными видами-гуа. Затем в нее вносили изменения государи Янь-ди, Вынь-ван, Чжеу-гунь, сочиняя новые положения и новые изъяснения, а потом уже Конфуций присоединил к ним свои толкования. Позже каждый иероглиф из этой системы был заимствован «Книгой перемен», истинным сочинителем которой, по Иакинфу, был Фу-си, а не Конфуций, который лишь воссоздал ее, придав ей в большей степени этический аспект и отодвинув на второй план главное достижение Фу-си — древнекитайскую систему миробытия. Для народа эта книга вообще стала гадательной книгой, а между тем «о сколь важна книга Перемен, она высочайшее совершенство. Высочайшее значение книги Перемен состоит в чертеже — в древнекитайской системе миробытия, которую полностью заимствовала книга Перемен и по этой причине имеет глубокий смысл» [6, 162].

В XI в. эти древние неупорядоченные представления о Боге и мире были оформлены в новую систему миробытия, сочиненную ученым Чжеу-дунь-и (он же Чжеу-лянь-ци, или Чжеу-цзы), которая была представлена в чертежах под названием Тхай-ци-тху, что значит чертеж Первого начала. Чертеж Первого начала и стал, собственно, национальным выражением религиозно-метафизической мысли Китая, признанной китайскими учеными и правительством, на средства которого позже было осуществлено издание основного труда по религиозной метафизике Китая «Изображение первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов». Учитывая существующую трудность для изучения китайской мысли, «когда каждый читатель, и китаец даже в большей степени, проникает в тайну текста, написанного на устаревшем языке, только через комментарии — глоссы» [7, 12], это издание включило в себя комментарии как самого Чжеу-дунь-и, так и других знаменитых философов.

Среди комментаторов «Изображения...» следует выделить Чжу-си (он же Чу-хи). Некоторые исследователи, в частности Хрисанф, полагают, что именно Чжу-си, последний из крупнейших философов Китая, живший в XII в., является истинным создателем религиозной метафизики Китая, преодолевшим двойственность механистического учения об Ян и Инь и сформулировавшим понятие об едином Боге. То есть,

если для М. Мюллера изначально был монотеизм, который затем подвергся искажению, то для Хрисанфа сначала было механистическое учение об Инь и Ян как о силах природы, а затем — понятие о едином Боге, впервые выработанное Чжу-си, сочинения которого сами могут служить источником для изучения религиозной мысли Китая. Правда, это случилось слишком поздно для того, чтобы государственная религия Китая, перестав быть исключительно этической философией, поднялась до высот религиозного сознания и стала сопоставима с религиями других народов.

Для Иакинфа Чжу-си не является создателем новой религии Китая, тем более религиозной метафизики Китая, а только выдающимся комментатором, который комментировал все цзинь — священные книги Китая — и который комментировал чертеж Первого начала, основу которого составила древнекитайская система миробьтия, сочиненная за много веков до него и в которой он сам черпал великий источник вдохновения для своих собственных метафизических построений. Чертеж первого начала заложил метафизические основы как национальной религии Китая — конфуцианства как неоконфуцианства, родоначальником которого был Чжу-си [8].

И в этом смысле нас меньше всего интересует, к примеру, даосизм в качестве национальной религии Китая, потому что он не является таковым. Несмотря на то, что даосизм возник раньше конфуцианства, он является чуждой для Китая религией, во многом заимствованной из Индии. Об этом говорит и аналогия между китайским дао и индусской ритой, проведенная М. Мюллером. Но это не говорит о том, что даосизм не прижился в Китае, что он остался чуждой для него религией. Наоборот, даосизм есть одна из основных религий Китая. Вопрос в том, почему даосизм, будучи чуждой для Китая религией, не стал ему чуждым. И дело тут вовсе не в религиозном индифферентизме китайского народа, на котором настаивают исследователи натуралистического толка, а в том, что для его принятия была подготовлена почва древнекитайской системой миробьтия, которая выступает предшествующей и брахманизму, и даосизму, первой пантеистической системой мира. То же самое можно сказать и о взаимоотношении даосизма и конфуцианства. И даосизм, и конфуцианство — оба имеют корни в отдаленной древности. Почва, на которой развивались эти две религии, были, очевидно, тождественными — древнекитайская система миробьтия, позже оформленная в чертеже Первого начала. Об этом говорит и тот факт, что один из трех великих Богов даосов — Совершенно святой, назван Шань-ди — древнейшим именем китайского Бога, Всевышнего господина.

Для нас важно то, что национальная религия Китая — конфуцианство — имеет национальную, самостоятельно выработанную, метафизическую систему, впервые последовательно изложенную в «Изображении первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов», которую и перевел в первой половине XIX в. Иакинф с китайского языка на русский язык. Благодаря этому мы обладаем практически первоисточником по религиозной метафизике Китая, в котором представлена исторически первая пантеистическая религиозно-метафизическая система мира, выработанная китайской мыслью настолько своеобразно и оригинально, что трудно заподозрить ее в заимствовании как со стороны Китая, так и со стороны Индии.

С точки зрения интересующего нас вопроса — истории философии хозяйства, реформа Конфуция в китайской религии состояла в том, что религия была отождествлена с этикой. В новоевропейской философии этому пути следовал Кант; в этической экономике — М. Вебер и В. Зомбарт, исследовавшие этические предпосылки западноевропейского капитализма. Потребовались усилия С.Н. Булгакова (в большей степени обусловленные православной позицией — строгого разграничения этики и религии), чтобы обратиться к исследованию религиозно-метафизических предпосылок хозяйственной жизни народов — усилия, завершившиеся созданием им философии хозяйства. В нашей монографии «С.Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства)», используя булгаковскую методологию, мы углубили исследование этической экономики М. Вебера и В. Зомбарта до уровня исследования религиозной метафизики протестантизма и католицизма. Сейчас задача стоит все та же — углубление этической философии Китая до уровня исследования религиозной метафизики конфуцианства. Этика Конфуция была воздвигнута на древнекитайской системе миробогия. Существующий разрыв между религиозной метафизикой и этикой был преодолен в чертеже Первого начала, первым русским исследователем которого был Иакинф (Н.Я. Бичурин), имя которого по праву займет свое место в истории философии хозяйства Китая.

Литература

1. *Хрисанф, архимандрит.* Религии Древнего мира в их отношении к христианству: В 3 т. Т. 1. СПб., 1873.
2. *Грубе В.* Духовная культура Китая. СПб., 1912.
3. *Род Ж.* Современный Китай. СПб., 1912.
4. *Фишер К.* История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1994.

5. Мюллер М. Религии Китая. СПб., 1901.
6. Иакинф (Бичурин Н.Я.). Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
7. Иакинф (Бичурин Н.Я.). Изображение первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов // Московский телеграф. 1832. № 21 — 22.
8. Гране М. Китайская мысль. М., 2004.

Р.Е. СОКОЛОВ

**Современная каноническая философия хозяйства
католицизма: о принципах солидарности и субсидиарности
на международном уровне**

Аннотация. Статья посвящена католической концепции институциональной трансформации общества в целях упорядочивания мирового социально-экономического развития.

Ключевые слова: международное развитие, сотрудничество и ответственность.

Abstract. Article is devoted to catholic concept of institutional society transformation, aiming to order social and economic development of the world.

Keywords: international development, cooperation and responsibility.

1. Особенности взаимосвязи субъектов хозяйства на международном уровне. На международном уровне принцип солидарности, с точки зрения Ватикана, в частности, Иоанна XXIII, требовал, чтобы страны, как и субъекты хозяйства внутри страны, поддерживали друг друга с целью искоренения диспропорций национального и мирового развития. Павел VI предупреждал об опасности борьбы с бедностью через ограничения рождаемости, из-за несопоставимости прироста населения с доступными ресурсами. Иоанн-Павел II указывал на необходимость внимания к небольшим государствам со стороны международных организаций. В силу того, что принцип христианской солидарности объединяет все нации в одно большое сообщество, в семью, в организм, то, с его точки зрения, совершенно недопустимой является ситуация, когда наравне с богатством существует крайняя нужда. Понтифик писал о необходимости помощи развитых стран развивающимся через преодоление различных барьеров и включение последних в международную жизнь ради их социально-экономического прогресса

вплоть до аннулирования госдолгов, если это мешает их развитию. Он отмечал, что в современном мире проблема бедности затрагивает уже не только социально слабо защищенные слои общества развивающихся стран, но и развитых. А поскольку церкви одинаково дороги все нуждающиеся, то она призывает к взаимной помощи всеми силами, в том числе корректируя способы жизни, потребления, производства, общественного устройства в направлении общего блага.

Иоанн-Павел II, описывая ситуацию, сложившуюся в мировой экономике во второй трети XX в., как и марксисты, считал, что функционировавший в то время экономический механизм находился в кризисе, следствием чего стало ухудшение не только экономического состояния хозяйства, но и рост душевной тревоги как богатых, так и бедных народов за свое будущее. Однако устранение таких недостатков и построение гармоничных отношений между разными странами Ватикан, в отличие от марксистов, считал возможным посредством реализации принципа солидарности, направленного на обеспечение экономического прогресса с учетом экономических особенностей отдельных наций. А для того чтобы прогресс открывал доступ к общему благу всем странам, они должны включаться в него с учетом интересов друг друга.

Еще Иоанн XXIII указывал, что нации, как и люди, отличаются друг от друга, но когда они объединяются и работают во благо друг друга, то тем самым они стимулируют взаимное развитие. Причем следует иметь в виду, что сотрудничество стран с разным уровнем развития должно строиться так, чтобы преимущества, получаемые от этого одними государствами, не наносили вреда другим. Так, одним из итогов гармоничных отношений между странами могла бы быть ликвидация проблемы перепроизводства продовольствия в развитых странах и бедности в развивающихся.

Кардинал Йозеф Хоффнер предложил перечень конкретных мероприятий по ликвидации проблемы бедности, включая распашку дополнительных земель, передачу технологий, поставки продовольствия, снижение расходов на вооружение, отчисления от нефтяных доходов богатых стран. А начинать помогать он предлагает с создания инфраструктуры и малых предприятий по выпуску товаров широкого потребления, а не только крупных, чтобы избежать хозяйственных диспропорций и инфляции.

Профессор теологии и морали Карл Хайнц Пешке добавлял необходимость преодоления культурной и технической отсталости в развивающихся странах, чтобы получаемая от развитых стран помощь давала больший эффект для развития стран, находящихся на более низком уровне цивилизованности, в том числе через стимулирование мелкого

бизнеса. Стоит заострить внимание на приводимых Пешке высказываниях видных католических философов и теологов в лице Освальда фон Нелль-Бройнинга и Михаэля Новака, отрицающих теорию процентной зависимости развивающихся стран от развитых. Это говорит о необходимости не только односторонней помощи со стороны развитых стран, но и о потребности в ответном солидарном содействии получающих такую помощь, в форме ее оптимального использования. Также Пешке указывал на важную роль церквей и подобных структур, непосредственно работающих с нуждающимися и знающими их проблемы, в частности, на реализацию программ самопомощи и духовной поддержки.

Помощь развивающимся странам Ватикан предлагал осуществлять путем создания международных организаций, привлекающих необходимые инвестиции, обмена технологиями, капиталом, обучения специалистов, упрощения перемещения факторов производства и готовых изделий. При понтификате Иоанна XXIII (1958—1963) международная помощь развивающимся странам уже оказывалась, точнее, именно это время, и можно назвать ее началом, так как тогда при Всемирном банке появились специальные подразделения, занимавшиеся изысканием и предоставлением кредитов наименее развитым странам: Международная финансовая корпорация в 1956 г. и Международная ассоциация развития в 1960 г. Поэтому Иоанн XXIII пишет о происходивших изменениях в настоящем времени.

Как и на уровне одного государства, так и на международном уровне понтифик напоминал о необходимости пропорционального развития основных секторов экономики, ссылаясь, в том числе на стабилизацию покупательной способности валюты как на возможный эффект исполнения его наставления. В отношении международной реализации принципа солидарности он делает два вывода-предостережения. Во-первых, помощь развивающимся странам не должна превращаться в их эксплуатацию. Это предостережение было высказано довольно своевременно, так как вторая половина XX в. характеризовалась ростом транснациональных корпораций, переносивших свое производство и влияние в развивающиеся страны с беззастенчивой эксплуатацией ресурсов этих стран. Понтифик объяснял недопустимость эксплуатации одних государств другими тем, что все люди имеют равные права независимо от того, в какой стране они живут. Отметим также тот факт, что подобный призыв был сделан еще на Рождество в 1941 г., когда Пий XII напоминал о том, что и небольшие государства являются суверенными.

Здесь заслуживает некоторого внимания вопрос о перемещении трудовых ресурсов, в частности, о миграции. В этой связи Ватикан в

лице Иоанна XXIII предлагает капиталу аккуратно идти к рабочей силе, а не наоборот, чтобы не вызывать трудности для самих мигрантов. Но если люди все-таки решились на миграцию, а они, согласно понтифику, имеют такое право, то принимающей стране следует принимать и оставлять их у себя, если, это позволяют государственные интересы и возможности.

Во-вторых, материальное развитие общества должно идти в ногу с его духовным развитием. В противном случае, как отмечают Иоанн XXIII и Павел VI, научно-технический прогресс заставляет людей думать только о материальных вещах и, лишённые нравственного стержня, люди будут готовы обратить энергию добра во зло. В такой ситуации отсутствие нравственности и должной ответственности у потребителя и производителя будут толкать их к тому, чтобы иметь, а не быть, что Католическая церковь в лице Иоанна-Павла II считает неправильным, в частности, потребление и распространение наркотиков, порнографии, хищническое природопользование. Оговоримся, что в этой связи церковь делает упрек не экономической системе, но культурно-этической.

Для укрепления нравственного стержня общества Иоанн XXIII предлагает установить определенный моральный порядок. Он включает три составляющие: во-первых, относительно справедливое распределение материальных благ для устранения проблемы неравенства в мире, во-вторых, поддержку института семьи для продолжения жизни и благочестивого воспитания юных граждан и, в-третьих, возможность реализации права церкви на свободу осуществления своего духовного служения. Все это вместе взятое, по мнению Святого Престола, приведет к достижению мира и согласия среди всех народов, порожденного доверием граждан и их лидеров друг к другу. Ведь основой разногласий вплоть до военных действий выступает различие идеологий, соперничество которых, чуть было не вылилось в третью мировую войну во второй половине XX в.

Итак, взаимодействие субъектов хозяйства на международном уровне должно строиться на основе пропорционального развития стран и отраслей, помощи, но не эксплуатации слабых сильными и укрепления этической составляющей экономики.

2. Гонка вооружений и коллективная безопасность (ООН). Тем не менее, несмотря на все убеждения Ватикана в необходимости взаимного доверия и сотрудничества между нациями, большая часть второй половины XX в. прошла в атмосфере недоверия и страха, что стимулировало наиболее развитые страны к гонке вооружений, а Ватикан к усилению пропаганды канонических идей взаимодействия и ответственности. Так Иоанн XXIII осуждал гонку вооружения, предупре-

ждая о ее потенциальном усилении за счет благосостояния различных субъектов хозяйства, и о том, что вооружение одних стран вело к ответному вооружению других. Следствиями гонки вооружений становятся страх и недоверие, возникающие среди людей, которые прекрасно понимают, что война может уничтожить очень многое. Интересно, что в качестве рецепта оздоровления отношений между нациями, снижения напряженности и опасности возникновения войны, Ватикан в лице Иоанна XXIII не предлагал прекращать исследований в области ядерной программы, а призывал к разоружению, что и было отчасти реализовано ведущими мировыми державами того времени в лице Советского Союза и США. Иоанн-Павел II указывал, что основой мира является соблюдение прав человека. Он также замечал, что те силы и средства, которые тратились на гонку вооружения, могли бы внести существенный вклад в дело преодоления проблемы бедности развивающихся стран. Понтифик ссылаясь на необходимость существования морального порядка для поддержки целостности социума и предупреждал об опасности превратного истолкования принципов справедливости отдельными лицами или группами лиц, что могло привести к разрушению экономики и мира якобы ради этой справедливости.

Поскольку военных действий избежать не удавалось, в рамках католического социального учения в 1980-х гг. Хоффнер, основываясь на высказываниях Аврелия Августина, Декрете Грациана и рекомендациях Фомы Аквинского, сформулировал наряду с определенными принципами три существенные предпосылки для ведения справедливой войны: во-первых, война должна вестись законной государственной властью, во-вторых, против несправедливого противника и, в-третьих, ради добра или ограничения зла. Католический катехизис добавляет к этому перечню уверенность в благополучном исходе войны и исчерпанность иных средств разрешения конфликта.

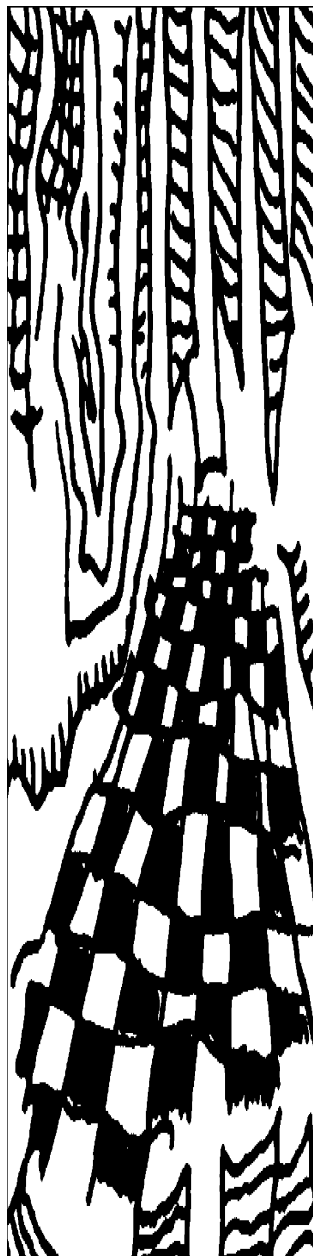
Однако Святой Престол не ограничивался одними призывами к миру, а указывал конкретные шаги по укреплению коллективной безопасности на основе принципа субсидиарности. Иоанн XXIII предлагал делегировать полномочия по восстановлению мира международно признанному органу, состоящему из наиболее авторитетных функционеров. Понтифик указывал на необходимость добровольного согласия народов на его работу и поддержания принципа минимально необходимого вмешательства этого органа в национальную экономическую и политическую жизнь государств, на отсутствие партикулярных интересов и концентрацию внимания на человеческой личности, на защите прав человека и создании условий для его участия в общественной жизни. Иоанн-Павел II отождествлял мир с экономическим прогрессом всего международного сообщества и видел на месте его гаранта все-

мирное объединение, способное на жертвы ради общего блага человечества, аналогом которого во времена понтифика была Организация объединенных наций (ООН). Также через ООН и ее подразделения Ватикан хотел излагать свои воззрения на мировые события.

Итак, Ватикан, по крайней мере в XX в., выступал против войны и насилия, призывая граждан и их правительства к взаимному доверию и сотрудничеству.

||

**АКТУАЛЬНЫЙ
ЛЕНИН**

Ю.М. ОСИПОВ

**Актуальный Ленин:
к 95-летию классической работы В.И. Ленина
«Империализм, как высшая стадия капитализма»***

Аннотация. Актуальная значимость известной работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» не исключает сегодня критического осмысления ряда аспектов ленинского учения об империализме, мировой революции и социализме.

Ключевые слова: В.И. Ленин, мировой империализм, мировая революция, мировой социализм, история, социология, философия, политическая экономия, политология.

Abstract. Today the importance of Lenin's well known work doesn't exclude critical judgment of a number of Lenin doctrine's aspects concerning imperialism, world revolution and a socialism.

Keywords: Lenin, imperialism, world revolution, socialism, history, sociology, philosophy, political economy, political science.

В.И. Ленин, русский марксист и русский деятель русской революции, как и, разумеется, русский адепт мировой революции, в том числе и мировой революции в России, как и вообще профессиональный революционер-марксист, он же и социал-демократ, он же большевик, он же и лидер Российской социал-демократической партии (большевиков), написал в 1916 г. и опубликовал в 1917 г. в Петрограде в виде популярного подцензурного очерка очень важную работу, которая была сначала названа «Империализм, как новейший этап капитализма», а потом, уже при втором издании, переименована в «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Переименование, как оказалось, было совсем не случайным, ибо за словами «высшая стадия», заменившими слова «новейший этап», стояло очень много если не содержательного, то субъективно намеренного, вперед устремленного и концептуально проективного. Но об этом позже. Сначала о характеристике, данной Лениным современному ему западному (евроамериканскому) капитализму, обозначенному в работе как империализм (империальный, так сказать, капитализм, или же им-

* Н. Ленин (Вл. Ильич). Империализм, как новейший этап капитализма. — Пг., 1917.

перокапитализм, ибо став, по Ленину, империализмом, капитализм не перестал быть, тоже по Ленину, и вообще капитализмом).

Онтологическая, она же и признаковая, характеристика имперокапитализма Ленину явно удалась, оказавшись вполне адекватной окружающей Ленина экономико-политической реальности, причем настолько точной характеристикой, что не утратила своей значимости до сегодняшнего дня: Ленин так крепко схватил капитализм за шиворот и столь замечательно вытряс из него его империалистическую начинку, что остается только восхищаться, восхищаться и восхищаться, ибо ничего из ленинской характеристики имперокапитализма не только до сих пор не устарело, но продолжает поражать своим сущностно-системным откровением. Правда, у Ленина были предшественники, и Ленин многое от них взял, чего вовсе и не скрывал, прямо ссылаясь на них в своей работе, как, впрочем, и полемизируя с ними. Однако столь умело и даже красиво обобщить обильный материал и сделать из него далеко идущие выводы смог только Ленин.

Ленинская квалификация имперокапитализма воистину замечательна, она заслуженно широко признана и давно уже почитается за классическую.

Однако не все тут просто, гладко и безмятежно. Признаковая характеристика объекта есть одно, а вот целостная оценка всего объекта, его текущего состояния и движения во времени, возможной исторической судьбы — если и не совсем, но все-таки другое. И в сфере этого другого у читателей и почитателей Ленина возникали и возникают вопросы, ответы на которые, ни в коей мере не удовлетворяя «верных марксистов-ленинцев», не склонных ни на йоту отходить от всего начертанного боготворимым ими вождем, породить тем не менее сомнение, недоумение, а то и отторжение кое-чего из высказанного блестящим теоретиком-публицистом. Ленин — не только не красна девица, но даже не беллетристический сказитель-искуситель — и писал он свой труд не ради лишь кого-то просвещения, а ради... революционного пересотворения человеческого мира, что предполагало ликвидацию не то что имперокапитализма, но и вообще капитализма, да что капитализма — и товарного хозяйства тоже, как и учреждения повсюду на земле через посредство переходного социализма вполне уже бестоварного трудовкоммунизма.

Ленин — адепт и агент Мировой революции, ее бескомпромиссный движитель, возжигатель и устроитель, сторонник Коммунизма с Социализмом, их нетерпеливый создатель, — и брошюру свою о мировом имперокапитализме писал он в целях революционной борьбы с ним — осознанной и беспощадной, а потому, характеризуя совершенно правильно имперокапитализм, он заботился не так об отражении окружа-

ющей реальности, как о возможности эту реальность изменить, причем на уже чаемую и в общих чертах продуманную новую реальность. Основной пафос ленинской работы не в независимой от познающего субъекта объективной онтологичности, а в идейно-намеренческой, вполне и субъективно обусловленной, телеологичности, но вытасенной во что бы то ни стало из самой реальности, ею — этой отвергаемой реальностью — отрицательно обоснованной.

Империалистические признаки капитализма рубежа XIX — XX вв. раскрыты в ленинской работе, повторяем, блестяще. Концентрация капитала и производства; феномены монополий и финансового капитала; вывоз капитала; экономический раздел мира между монополистическими гигантами; территориальный раздел и передел мира между империальными метрополиями. Все было тогда именно так, все это нашло отражение в работе и великолепно раскрыто.

Характеризуя капитализм как уже особый капитализм, достигший не просто «новейшего этапа», а «высшей стадии» своего развития, Ленин называет этот капитализм *империализмом* (не имперокапитализмом, а именно империализмом). Сам он это объясняет, полемизируя с Каутским, видевшим в империализме более всего внешнюю (колониальную, захватническую) политику, тем обстоятельством, что имперское начало захватило саму суть капитализма, само его экономическое основание, а именно — капитал, его движение, возрастание и накопление, его воспроизводство, а также свойственные капитализму межкапиталистические отношения и главное для марксиста отношение — между капиталом и наемным трудом. Для Ленина империализм есть превращенный, но не исчезнувший, капитализм, причем превращенный прямо в экономическом базисе, хотя Ленин, конечно же, видел и политические, и идеологические, и военные, и колониальные аспекты империализма. Концептуальная империализация капитализма в его чисто экономической части — величайшая интеллектуальная, идеологическая и политическая заслуга Ленина.

Ленин тут совершенно прав, но сама по себе империальность капитализма не ограничивается временем его «высшей стадией», а восходит к вообще капитализму, включая ранний «капитализм первоначального накопления», а также средний «капитализм свободной конкуренции». Капитализм всегда был и остается империалистическим! Мало того, и сам по себе *экономизм*, восходящий еще к древним цивилизациям, тоже по сути своей империалистичен, что и доказала явственнее всего та же торгово-финансовая финикийская империя, вполне экономическая и в общем-то капиталистическая. Да, Ленин сгустил империальность современного ему капитализма до характеристики его как именно империализма, и с этим можно согласиться, но при этом надо

все-таки иметь в виду более глубинную и масштабную империальность, свойственную капитализму вообще и экономизму вообще, более того, вряд ли можно упустить из поля зрения и вообще феномен империальности, свойственный вообще человеческой истории на ее цивилизационном этапе бытия. Та же Первая мировая война, будучи безусловным порождением текущего экономического империализма, тогда в основном европейского, являлась и порождением собственно европейского, читай — и мирового, империализма, не сводившегося лишь к экономическому империализму и давно себя замечательно проявившего в феномене как бесконечных европейских войн, так и досточтимых колониальных империй.

Внимание, которое Ленин сосредоточил на экономическом империализме и соответствующей ему трансформации капитализма, сказано, по-видимому, на том весьма странном обстоятельстве, что Ленин не уделил в брошюре достаточного внимания и не отвел подобающего места вопросу *империалистической государственности*, без которой вообще нет и не может быть никакого полноценного империализма, в том числе и экономического, как, собственно, не может быть ни капитализма вообще (даже и свободной конкуренции), ни как такового экономизма. Среди признаков империализма, рассмотренных в ленинской брошюре, не оказалось фактора государственности, уже имевшего место феномена огосударствления капитализма и экономики, нараставшего в тот момент государственного империализма. В последующих ленинских трудах феномен огосударствления нашел-таки достойное отражение, но системная работа «Империализм, как высшая стадия капитализма» осталась все-таки без этого существенного империального признака, причем, повторяем, вполне по значению и экономического. Системная характеристика объекта состоялась, но все-таки существенно не полная и одновременно значимо недостаточная. Недалом в 1960—1970—1980-е гг. в советской и зарубежной марксистско-ленинской идеологии шла борьба за введение в ленинское учение об империализме «шестого» признака — так сказать, государственного, увенчавшаяся полууспехом: государственный признак в теории стал учитываться, но не стал-таки номинально и законно шестым, т. е. как бы и ленинским, признаком. Кто тут тогда победил, Ленин или не-Ленин, остается большим вопросом, наверное, уже и риторическим.

Ленин писал свою работу более всего не ради того, чтобы показать, каким нехорошим — империалистическим-де — стал капитализм; Ленину, этому профессиональному революционеру и вовсе еще не «вождю мирового пролетариата», нужно было более всего показать, что капитализм, он же империализм, раздираемый противоречиями, прежде всего, межимпериалистическими (Англия, Германия, Франция,

Япония, ну и Россия с США с разных сторон империяльного клубка), и вошедший в состояние общего и практически уже перманентного, как казалось антикапиталистическим революционерам и самому, надо полагать, Ленину, кризиса, из которого вроде бы и выхода уже не было (тогда не просматривалось), этот самый капитализм, он же империализм, ведший большую межимпериалистическую войну эсхатологического — конечного — толка, вступил уже не просто в «новейший этап» своего развития, а в «высшую», следственно, и «последнюю», фазу бытия, как раз ту самую фазу, за которой следует не просто кризис капитализма, но и его погибель, разумеется, не без похоронной помощи мировой антикапиталистической революции, как и погибель капитализма, тоже уже вполне назревшей, но при этом и *посткапиталистической*, а именно — *социалистической* (коммуно-социалистической), опять же в воображении революционеров-социалистов (и марксистов тоже) уже «объективно и научно обоснованной», ибо *социализм* (коммуно-социализм) как раз, по их мнению, и шел на смену капитализму — европейскому капитализму, причем именно капитализму, а не, скажем, какому-нибудь феодализму. «Империализм» свой Ленин рассматривал как *канун мировой социалистической революции* — как в плане эсхатологического обострения противоречий и острого кризиса капитализма, а также имевшей место межимпериалистической войны, так и в плане созревших в капитализме «материальных предпосылок социализма» (крупная промышленность; машинные производительные силы; большие города, полные эксплуатировавшегося «в хвост и в гриву» пролетариата; монополии, обобществлявшие собственность, отрицавшие конкуренцию и утверждавшие... э-э... чуть ли не плановое всеобщее сотрудничество; профсоюзы и развитое рабочее движение).

Ленин, если и не был до конца уверен во всем этом, то достаточно во все это уверовал (или делал вид, что уверовал), и ничего другого ему — профессиональному и книжно-журналистско-кабинетному революционеру, никогда не занимавшемуся никаким практическим созидательным делом, — не оставалось (милая обломовщина вкупе с немилкой базаровщиной здесь тут как тут — почему-то мы никак не хотим признать, что «русская революционность» вышла даже более из обломовщины, чем из той же базаровщины, ибо революционные на словах базаровы могли все-таки уйти хотя бы в науку, т. е. в какое-то полезное дело, а вот обломовы вкупе с раскольниковыми никуда кроме революции податься уже не могли, да и не хотели!). Вера в революцию, которой Ленин жаждал, но которую вовсе и не рассчитывал наяву увидеть, во всяком случае в России, заставила Ленина — и вовсе не без оснований! — увидеть в империализме уже не протореволюци-

онную, а вполне и революционную фазу, отчего и родились такие ее характеристики, как «высшая» и «последняя» стадия, как «загнивающий» и «умирающий» капитализм. Да, относительно «высшей» и «последней» стадии можно было и поспорить с Лениным, можно было не согласиться с «умирающим» капитализмом, признав, скорее, что-то вроде «отмиравшего» капитализма, но вот с «паразитическим» капитализмом можно было вполне солидаризироваться, не забыв о колониальных и финансовых сверхзадачах капиталистов-империалистов, а в «загнивающем» капитализме увидеть прежде всего идейно-культурно-правовой аспект европейской цивилизации, но все-таки не капиталонакопительный, ибо накопление капитала, несмотря на известные трудности, все-таки продолжалось, как и не остановилось научно-техническое развитие капиталистических (читай, по Ленину, и империалистических) обществ.

Итак, общий кризис капитализма-империализма (имперокапитализма) → канун мировой социалистической (коммуносоциалистической) революции → переход через диктатуру пролетариата к социализму, а затем и через общенародную власть к коммунизму.

Да, общий кризис капитализма, принявшего в средоточии своем империальные черты, имел место. Межимпериалистическая война была в разгаре, но... это была ведь не просто грызня между капиталоимперцами, а схватка между имперскими государствами, большинство из которых были монархиями, управлявшимися традиционными на тот момент династиями (Англия, Германия, Австро-Венгрия, Россия, остальных — вроде Бельгии и Дании — во внимание здесь не берем). Это была война, вдохновлявшаяся в основе своей традиционным европейским империализмом, но уже с дополнявшим его капиталоимпериализмом, имевшим целью не так захват рынков, о чем громко трубили революционные публицисты, как захват власти в Европе (и в России тоже) в ущерб традиционным континентальным монархиям. Именно это и произошло по итогам войны, причем не без помощи «мировой революции»: берлинские гогенцоллерны, венские габсбурги и петербургские романовы были свергнуты и отправлены в музейное историческое небытие. В Европе восторжествовал англосаксонский, он же и океано-островной, он же и капитало-колониальный, империализм. Общий кризис мирового капитализма-империализма (имперокапитализма) не был тогда преодолен, хотя и временно ослаблен: евроимпериализм вкупе с капиталоимпериализмом стал вынашивать планы, а потом и активно готовиться к новой, тоже вполне мировой, войне.

Заметим: мировой (европейский) империализм — мировые (общеевропейские) войны — мировая (европейская) революция (или же мировой революционный процесс).

И что же мировая революция, столь тогда желанная для Ленина и им столь тщательно обосновывавшаяся, в том числе и в его блистательном труде «Империализм, как высшая стадия капитализма»? Воспылав было в Европе (Германия, Венгрия — в проигравших войну бывших империях), она быстро погасла, подавленная... все тем же мировым (европейским) империализмом. А вот в России, вовсе и не проигравшей в войне, она вдруг разгорелась, но, во-первых, совсем не та революция, о которой, надо полагать, мечтал Ленин, а... вполне, знаете ли, евроимпериалистическая... по происхождению и подогреву, т. е. революция проевропейская, прокапиталистическая, промасонская, осуществленная... проевропейскими же генералами и политиками — чтоб Россия окончательно стала европейской — и передовой — страной, каковой ее так упорно и делал в свое время Петр Великий, да вот до конца не доделал, оставшись в ненавистной азиатчине; а во-вторых, это была совершенно для профессионального революционера Ленина... неожиданная... революция, хоть он уже и выдвинул провокационный и непатриотический лозунг превращения «империалистической войны в гражданскую». Вот-те на: революция в России, да вовсе не только не предусмотренная Лениным социалистическая, а совсем им не предусмотренная... еврокапиталистическая (как когда-то во Франции), причем... *мировая!* Вышло так, что стремились вместе с революционным-де европролетариатом к мировой (ощеевропейской) социалистической революции, а получили всего лишь революцию в России... и вовсе не социалистическую, но зато, как вскоре выяснилось, очень даже... *антироссийскую!*

Тогда что же предвидел в своей блистательной работе Ленин? А ничего, ибо все, что он предвидел, было не более чем... утопией. Выходит, не доглядел, не понял, ошибся? Все тут возможно, а главное... в точку все-таки не попал, хотя попал в... исторический поток, вынесший-таки Ленина на вершину миро-российского революционного-де процесса, но это уже было потом, и никакого отношения к ленинским «империабельным» пророчествам не имело. И пришлось тогда Ленину доказывать, что мировая революция могла или даже должна была развиться в одной стране, причем не в империя-центральной, а в периферийной, что как раз из этой-то страны и пойдет потом мировая, опять же социалистическая, революция, хоть и могла эта страна пасть алтарной жертвой этой самой всемирной — пролетарской-де — революции.

Трудно сказать, чего здесь больше со стороны Ленина: непонимания, наивности или какой-то вынужденности, но это было так: от империализма к социализму, — и никаких в том сомнений! И ежели тот факт, что революция в России, последовавшая всего лишь за вынужденным уходом властвовавшего царя с престола в итоге не чего-нибудь, а неожиданной измены царю со стороны... высшего армейского командования, не только не была социалистической, но была прежде всего антироссийскоимперской (против Российской империи, российской монархии, но при этом и вообще России — для зарубежных империальных кругов), Ленина, может, на мгновение и смутил, но... не отвернул от идеи социалистической, пролетарской, марксистской революции, которая, видно, должна была не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, не послезавтра, так когда-нибудь все-таки воспоследовать... вместе или же в рамках... все той же мировой революции. Веры ни в мировую революцию, пусть и зачинаемую из одной, пусть и из периферийной страны (но зато какой!), ни в ее — этой революции — социалистический характер Ленин не утерял. И шанс перейти к практическому революционному делу вдруг пред Лениным забрезжил, правда, в составе *Интернационала*, не смогшего совершить революции в Европе, где пролетариат предпочел сидеть в окопах и воевать между собой в составе воюющих армий... в национальных, а не в интернациональных... интересах, да и о мировой революции что-то не очень думать, но вознамерившегося совершить долгожданную мировую революцию... на территории России, развернув для начала эту революцию против самой же России, а затем повернуть Россию... против Европы... ради европейской же мировой революции.

Что осознал, а чего не осознал при этом профессиональный революционер Ленин, мы, конечно, наверняка не знаем, но знаем, что он с этим маргинальным для своих стран Интернационалом прибыл не без тайны в Россию и стал ожидать *своего* шанса... совершить уже *свою* революцию, что вдруг и произошло, когда власть неожиданно... сама упала ему в руки... прямо из рук Временного правительства во главе с Керенским. Как это произошло — загадка, но большевистско-интернациональный переворот был-таки осуществлен, и Ленин со товарищи занялся строительством новой социалистической жизни... под присмотром мировой революции и, пардон... мирового империализма, с критикой которого Ленин так успешно справился в своей, тогда только что опубликованной, популярной брошюре.

Само строительство социализма в России, как и свершение в России социалистической-де революции, — не задача упомянутой ленинской брошюры, но не отметить ленинских усилий и достижений в деле строительства социализма посредством ликвидации старой России, так

сказать — несоциалистической России, мы не можем. Ликвидация пошла и, вызвав Гражданскую войну, реализовывалась уже в ходе войны, а потом и сразу после официально зарегистрированной победы красных, т. е. в той или иной мере ленинцев, в этой войне, правда, непрерывно все-таки продолжавшейся (в виде борьбы с остатками противников и сопротивленцев, а также с восстаниями и неповиновениями). Так что Ленину и его правлению досталась-таки гражданская война, о которой он мечтал не меньше, чем о революции и социализме.

Но дело сейчас в другом: удалось ли Ленину хотя бы заложить основы социализма на развалинах несоциалистической России? Формально-утопически, конечно, да: обобществление собственности с ликвидацией крупной частной собственности; попытка обойтись без товарного хозяйства и денег; продразверстка; «военный коммунизм». Может, это и был социализм, но, во-первых, какой-то уж очень дикий и уродливый, а во-вторых, явно нежизнеспособный. Ну и восстания поднялись против такого социализма, если не вообще социализма, что и понятно, ибо население страны ни о каком социализме не помышляло, а социализм внедрялся Лениным со товарищи-интернационалистами насильно — посредством кровавой диктатуры, названной марксистами-ленинцами «пролетарской». И что же? Пришлось все-таки Ленину скорректировать как само понимание социализма, так и способ движения к нему, даже от социализма чуть ли не отказаться, о чем свидетельствовали и новая экономическая политика, допустившая разгул денег и капитализма, и введение продналога, и требование учиться у капиталистов рациональному хозяйствованию, и принудительное трестирование промышленности по примеру монополий, и объявление монополий явлением просоциалистическим, и расцвет частного хозяйства на селе, и введение золотого рубля, и переход к иностранным концессиям — да мало ли еще чего, что к выдуманному марксистами-ленинцами социализму не имело никакого отношения.

Не лучше дело обстояло и с импортом социалистической революции в Европу: Красная армия, несшая на своих знаменах эту самую революцию в Европу, была попросту разбита у стен Варшавы, да не кем-нибудь, а всего лишь польской армией, усиленной в тот момент... мощным пролетарским элементом.

Да, внешняя поддержка ленинской революции в России была, но вовсе не со стороны революционного европейского пролетариата, которого особенно и не было, а со стороны мирового революционного движения, принявшего активное участие в российской революции, а также со стороны... мирового империализма, видевшего в ленинской

революции средство разрушения России, открывающее дорогу к ее — России — разделу.

Но что поразительно: адепт мировой революции Ленин... выступил-таки против развала России и поглощения ее мировым империализмом, т. е. выступил в реальности как... национальный лидер, а в известной мере и... антиреволюционер. Одержимый мировой революцией, да еще и социалистической, Ленин, уже под влиянием реальных обстоятельств, стал превращаться в качестве уже главы нового российского государства в... антиреволюционера и даже в... антисоциалиста! Ленин попал в личную историческую западню, когда он уже не мог быть ни последовательным мировым революционером-социалистом, ни последовательным национально-несоциалистическим лидером. Ленин должен был уйти, и он ушел, возможно, и не без «товарищеского» споспешествования, — и ушел, надо полагать, если и не совсем разочарованный в революции, марксизме и социализме, то весьма и весьма раздосадованный... чему и кому он, профессиональный революционер, интернационалист, марксист и социалист, столь яро и чуть ли не самоотверженно служил... чему и кому? Пролетариату, угнетенным народам или... о-о... об этом не стоит и говорить, ибо последней книгой, которую читал Ленин при жизни и делал в ней заметки стала... «История масонства», что не значило, конечно, что Ленин отслужил именно масонству — хотя и кому же еще? — но что значило, что Ленин мог на деле служить, верно вроде бы служа пролетариату и угнетенным народам, той же социалистической революции, не только, а может, и не столько пролетариату и народам, социалистической революции, сколько... тому самому мировому империализму, которого он столь ловко клеймил в своей великолепной брошюре, надеясь и на скорое его исчезновение под ударами мировой революции.

Да, реальность не пощадила Ленина, хотя он и пытался измениться сам и кое-что изменить в революционной реальности... в сторону как раз... *реальности*, но... революция была запущена (то ли марксистская, то ли пролетарская, то ли социалистическая, то ли... еще какая?), она шла своим чередом, подминая под себя и своих, как принято говорить, отцов и сыновей, ибо *Революция*, это вовсе не то, что сознательно делается и даже не то, что само по себе происходит, а то, что... как раз вроде бы не делается и попросту не происходит, а что... э-э... не само по себе как-то ни с того ни с сего случается — в меру реалистически, в меру мистически, а в целом... конспиративно, трансцендентно, метафизически. Революция разрушает, а под обломками внезапно ею разрушаемого гибнут все без разбора — и разрушаемые, и разрушающие, и сторонние, и даже бегущие. Гибнут в общем-то все, что не

значит, что все поголовно, но так или иначе гибнут массово, хотя кое-кто и вполне точечно. Вот и Ленин погиб точечно, пусть и от неизлечимой болезни, но погиб, так и не увидав торжества чаемого им социализма.

Зато торжество социализма, а точнее — *постреволюционизма*, увидел Сталин, этого-то торжества и добившийся. Вроде бы революционер-марксист-социалист-большевик-ленинец, делавший в меру сил и участия «пролетарскую» революцию в России вкупе с Гражданской войной, один из вождей ВКП(б), соратник Ленина... но все это настолько и до тех пор, пока Сталин не захватил в революционной стране власть и не устроил... *антиреволюцию*, за которой стояло воссоздание... *реальности* — государственности, соответствующих ей цивилизованности и культуры, не говоря, конечно, об армии, спецслужбах и политической организации — обновленной партии, кстати, единственной и правящей («ордена мечаосцев»). Советско-социалистический окрас постреволюционной (не *по*-революционной, а именно *пост*-революционной) государственности остался; осталась даже марксистская идеология, точнее сказать, понятийная оболочка и публичная фразеология; всячески подчеркивалось, что возникший в борьбе с пореволюционной контрреволюцией строй есть не что иное, как живое воплощение марксизма-ленинизма и фактическая реализация долгожданного социализма.

Трудно сказать, насколько Сталин был во всем этом лично убежден, хотя и много и охотно об этом говорил, но построил он либо вовсе не социализм, а самый обыкновенный тоталитарный этатизм, пусть и с социалистическим окрасом, либо же и впрямь социализм, но как раз тот самый — тоталитарно-этатический, который еще М. Бакунин, полемизируя с К. Марксом, называл «казарменным». Чего-чего, но казармы в сталинском социалистическом-де строе хватало: единоначалие, дисциплина, исполнительность, приказ-исполнение, жесткая карательная и эффективная пенитенциарная система, в общем — как в... имперской, того же римского образца, армии. Каким бы именем ни называл Сталин свой мобилизационный строй и какими бы историческими именами ни клялся, он создал самый что ни на есть имперский строй, что означало в известной мере и воссоздание на новой основе российской империи — Третьего Рима, хотя и без многих прежних атрибутов типа императорства, дворянства и той же Церкви.

Однако в сталинской цивилизации было и кое-что... реально-социалистическое, правда, с существенными поправками относительно теоретических изысков мечтательных предшественников. Совсем мало было частной собственности, ставшей, в основном, личной, но зато было много общественной-де собственности, а на самом-то деле...

государственной, хотя частично и кооперативной, однако вполне государству подконтрольной; уничтожив нэпманство, Сталин не уничтожил насовсем экономизм, а подчинил его государственному неэкономизму (планово-хозяйственной натуральности), оставив деньги, капитальные вложения, амортизацию, прибыль, заработную плату, цены, банки, кредит, бухучет и т. д., но уже в составе лишь вспомогательного хозяйственного подмеханизма, т. е. по-своему социализировав (огосударствив) экономизм. Сталин широко использовал неэкономические, вовсе не избегая принуждения и насилия, методы стимулирования труда и даже творчества, некоторые из которых вполне законо определялись как социалистические. Так или иначе, но Сталин произвел на свет некий *государственный социализм*, который явно был этатизмом и который вряд ли был тем социализмом, о котором грезили когда-то европейские теоретики-социалисты. *Что-то* реально социализменное в сталинизме все-таки было, ибо европейские левые интеллектуалы немало рукоплескали Сталину и сталинизму, видя в бывшей России, ставшей СССР, какой-то прообраз нового — некапиталистического — *жизнестройства*. Что они на самом деле видели, что понимали и что приветствовали... э-э... черт знает, однако же приветствовали, расписываясь то ли в своей близорукости, то ли в расчетливости, то ли, надо полагать, и в лукавстве.

Сталин величал себя «верным ленинцем», исполнителем «заветов Ленина», что не мешало ему подавить и уничтожить многих большевиков, тоже почитавших себя за «верных ленинцев», а может, таковыми и в самом деле бывших. Что касается самого Сталина, то либо Ленин... никакой не «Ленин», либо Сталин... никакой не «ленинец». Здесь большой безответный вопрос: что было бы с Лениным и со строительством социализма, если бы Ленин оставался и далее у власти в России? Стал бы Ленин... «Сталиным»? Вроде бы нет, но... почему же нет? Не перелился ли Ленин в Сталина, да и мог ли он перелиться в кого-то другого, к примеру, в того же Троцкого? Думается, что Сталин все-таки не Ленин, а если и Ленин, то Ленина весьма преодолевший, если попросту не отринувший. Чем-чем, но иллюзиями товарищ Сталин, кажется, не страдал, что и позволило ему построить-таки новое общество, спасти его от разрушительной революции, мало того, индустриализовать и раскрестьянить страну, овладеть интеллигенцией и поставить ее на службу государству и социализму, придать ускорение образованию и научно-техническому прогрессу, добиться консенсуса с трудящимся населением: *власть наша, а труд ваш; от вас труд, а от нас безопасность и социальные гарантии; мы ведем всех вперед, а у каждого есть возможность личного карьерного лифта.*

Ленин, набрасывая в 1916 г. и публикуя в 1917 г. очерк «Империализм...», вряд ли думал о той самой революции, что реально свершилась, как и о том самом социализме, который в итоге реально возник (а может, и не возник вовсе, а возник совсем и не социализм), как и вряд ли предвидел свою личную судьбу, но тогда ему ничего не оставалось, как мечтать о революции, биться за социалистическую идею, причем критикуя не только мировой империализм, но и международный социал-реформизм, шедший, как считал Ленин, на соглашательство с ненавистным Ленину мировым империализмом. И ежели Ленину досталось затем немало горьких плодов от революции и первых приступов революционного социализма, то социал-реформизм, он же оппортунизм, он же предательство рабочего движения, достиг немалых реальных успехов в Европе, хотя и не сразу, и не без внутриевропейских межстрановых и межклассовых коллизий, но все-таки добился, став свидетелем реального в среде капитализма евросоциализма.

Развязывая мировые войны, мировой империализм решал многие задачи, одна из которых состояла, как мы уже отметили, в использовании в целях межимпериалистической борьбы и торжества мирового империализма мирового революционного движения, но одновременно и контроля над этим движением, его всяческого раскола, а, при надобности, его подавления, нуллификации. В связи с работой Ленина, ее проективной прежде всего проблематикой, нельзя обойти один важный феномен, рожденный в Европе как раз на стыке мирового империализма, разделенного на национальные империализмы, и мирового революционного движения, в основе социалистического, а именно, феномен национал-социал-фашизма, вобравшего в себя не только крайний национализм и столь же крайний социализм, но и крайний империализм, причем вполне и экономический, и капиталистический, и колониальный. Фашизм — это корпоративизм, это единение, это единообразие, это кулак, это сила, но это и непрременная многоуровневая и однопартийная диктатура с вождизмом на всех уровнях и великим вождем во главе.

Очень как-то похоже на сталинизм, но все-таки это не сталинизм, обошедшийся без социал-шовинизма (расизма), имперо-колониализма, национал-корпоративизма, как и без обращения к ведо-язычеству, арийству, волхвизму, друизму и т. д., вообще ко всякому древнему и текущему мистицизму. Сталин не чаял какого-нибудь Грааля, ему было достаточно на официальном уровне марксизма-ленинизма с его идеей непрременного социализма-коммунизма, хотя сам Сталин, конечно, вряд ли остался совершенно уж непосвященным кое в какую религиозную и оккультную эзотерику. Конструируя настоящее и будущее, фашисты искали опоры в имперском, более всего дохристианском,

прошлом человечества, Сталин же исходил из реального настоящего и лишь частично из умозрительного, немало и утопического, будущего. Главное же отличие фашизма от сталинизма было обусловлено их исторической функцией, или же исторической миссией. Сталин обновлял Россию, противостоя мировому империализму и не отступая насовсем от европейского революционного движения, его даже весьма поддерживая, а фашизм был призван к услужению мировому империализму, его даже кое-какому авторитарному и расовому преобразованию, а также подавлению европейского революционного (рабочего) движения, причем с неперенным противодействием исторической России, ставшей СССР — оплотом международного, хотя пока и в страновом варианте, социализма-коммунизма.

Тут была сложная и разнонаправленная игра многих европейских сил, и вышло так, что европейский фашизм и сталинский социализм играли сходно и даже чуть ли не на одном поле — социально-революционно-социалистическом, но играли с разными целями и в разных интересах. В конце концов они стали непримиримыми врагами, когда евро-национал-имперо-фашизм был брошен в поход на Восток — на СССР, против утверждавшегося там социализма-коммунизма, хотя при этом и против возрождавшейся восточноевропейской, теперь уже сталинской, империи. И поскольку еврофашизм оказался опасен и страшен и для самого мирового империализма в его либерал-демократическом (англосаксонском, талласократическом) исполнении, то СССР получил тогда союзную поддержку от мироимперских сил в лице Англии и США в борьбе с уже собственно германским, итальянским, французским и некоторыми другими европейскими национал-фашизмами. Фашизм, успевший на тот момент разбить и оккупировать Францию и похвастаться с Англией, как и, полный амбиции, захватить мировое господство, казался части мирового империализма бóльшим врагом, чем сталинский социализм, даже и сталинский социал-империализм, тем более что СССР все-таки не сдался фашизму, не был им быстротечно разгромлен и стойко с фашизмом сражался. Мировому империализму, убоявшемуся силы и претензий фашизма, было выгодно и приемлемо вступить с СССР в союз и разгромить фашизм.

Почему мы обо всем этом говорим? А для уяснения самых проблемных вопросов ленинского «Империализма...». Да — мировой империализм (имперокапитализм) с его межимпериалистическими противоречиями и противоборствами; да — мировая революция с ее классовыми-де антагонизмами; да — мировая война, ведшаяся с целью уничтожить мировых импероконкурентов и завладеть всемирной имперской властью; да — теория и практика мирового социализма в

условиях общего кризиса капитализма с ожиданием мировой революции и приближением ее реальной возможности. Это все еще при написании «Империализма...». А потом... потом... э-э... революция в России, разгром германского империализма, крах Австро-Венгерской и Российской империй, практика строительства социализма с кое-какими от этой практики отступлениями, становление сталинизма, возникновение фашизма, возрождение имперской Германии, новая мировая война, ну... а потом и победа антифашистской коалиции, состоявшей из капитало-империальных и трудо-империальных сил. Мировой империализм сработал против имперофашизма, но зато в пользу сталинского социал-империализма. На историческую арену вышли две мировые империальные силы: США с Западной Европой и Японией под американским крылом и СССР со своими вольными или невольными сателлитами под сталинским крылом. И пошло-поехало: борьба двух мировых систем — капитало-империальной и, да... трудо-империальной. Теперь вроде бы номинально все вновь стало идти по Ленину: империализм и социализм, но как-то и не совсем по Ленину, ибо мировой империализм-то вышел из войны вовсе не ослабленный, хотя и перегруппированный, и совсем не потрясаемый революцией, а вот социализм, если это был именно социализм, то какой-то очень уж проблемный, вроде бы и силу набравший, но при этом и сам в себе сомневающийся, да и был это в общем-то... не совсем социализм, а скорее, какой-нибудь из «азиатских способов производства», восходивших к тотальному огосударствлению, господству неэкономизма и принудительной организации хозяйственной жизни.

И все бы ничего, если бы... не мировой империализм, который, усилившись в итоге Второй мировой войны, вдруг объявил войну... мировому социализму во главе с СССР, этим бывшим союзником мирового империализма по борьбе с фашиствовавшим социал-империализмом. Как будто все по Ленину, только с той важнейшей оговоркой, что мировой империализм не только не думал исторически отступить перед прогрессивным-де социализмом, а перешел, открыто ведя «холодную войну» с мировым социализмом во главе с СССР, к почти фундаментальной для себя трансформации, вовсе при этом не покончив ни с одним своим империальным основанием, так метко подмеченными Лениным в своей замечательной брошюре. Все «призначное» в империализме осталось: концентрация производства и капитала, монополии и финансовый капитал, вывоз капитала, территориальный и экономические разделы мира, огосударствление, о котором Ленин, правда, в работе специально не писал, даже и паразитизм остался, и кое-какое загнивание продолжалось, и даже умирание (отмирание) происходило, но... и вот тут-то это самое *но!*.. но имперо-

капитализм, еще более усилив все свои империльные черты, правда, более всего проявлявшиеся теперь в США и в связи с США, ухитрился перед лицом мирового социализма, вполне уже и империльного, и под опекой, контролем и водительством все тех же США (невероятно развившихся и усилившихся в ходе и по итогам войны), во-первых, немало консолидироваться, во-вторых, погнать вперед производство и научно-технический прогресс, в-третьих... о-о... совсем невероятно!.. социализироваться (где более социалистично, где менее), как бы пойдя навстречу трудовым массам, в особенности, не очень-то социалистичному по натуре, но вовсю в послевоенное время нараставшему «среднему классу».

Межимпериалистические противоречия насовсем не исчезли, но были явно приглушены (были ведь теперь победители и побежденные), «скомпромиссированы», а главное, перетекли в основное противоречие тогдашней современности — между имперокапитализмом и социал-империализмом (не видеть в той же соцсистеме, явившейся в мир по итогам Второй мировой войны, империльного момента — ничего не понимать ни в новейшей истории, ни в истории вообще). Нравилось это марксистам всего мира или нет, но мировой империализм нашел в себе желание и силы весьма круто измениться, причем совсем не по Ленину и не в соответствии с социал-коммунистическим учением, продолжавшим трубить о скорой кончине мирового капитализма и его замене на мировой социализм.

Вышло так, что имперокапитализм, усиливший огосударствление и интернационализацию экономики, вошел в какую-то новую фазу бытия — от общекризисного и раздорного империализма к империализму постобщекризисному и, пардон, солидарному. Империализм, находясь вроде бы на высшей стадии капитализма, а потому, по Ленину, и на последней, нашел в себе резервы не просто продлить существование, но и выйти на... еще более высокую и не такую уж последнюю... стадию (этап) бытия. Стал ли при этом империализм собственно ультраимпериализмом (по Каутскому) или не стал — вопрос, но то, что он приблизился к подобному состоянию, в особенности, когда стал глобальным — это факт! И объединенная Европа вдруг возникла — причем тоже вопреки Ленину, утверждавшему невозможность Соединенных Штатов Европы, — и достигла уровня Европейского союза (прямо как СССР!).

Да, имперокапитализм не только сам не умер, как и не сдался на милость социализму, но смог, консолидировавшись и трансформировавшись, настолько усилиться, что... одержал победу в жестком соревновании с мировым социализмом во главе с СССР.

Да, советский и мировой социализмы тоже многого достигли после Второй мировой войны или, как принято говорить, в послевоенное время. Но, во-первых, социализм только еще складывался и возрастал (эпоха «первоначального накопления социализма»); во-вторых, происходило это в противостоянии и в борьбе с уже давно выросшим имперокапитализмом — более социально и технически развитым, от которого приходилось социализму немало и заимствовать; в-третьих, социализму приходилось не просто что-то брать у имперокапитализма, но и в прямом смысле слова этого последнего догонять; в-четвертых, социализм немало дал трудящимся массам, но не дал двух очень важных вещей — полной личной заинтересованности в эффективном труде (творчестве) и полноценной гражданской свободы; в-пятых, социализм не дал людям обильного и разнообразного потребления, что удалось таки достичь развитому капитализму.

Послевоенное время — время не одного лишь процветания имперокапитализма, но и весьма оживленной классовой борьбы — за дележ богатства, за уровень жизни, за потребление. Имперокапитализму удалось сначала локализовать классовую борьбу, загнав ее в экономическую сферу, а затем и существенно ослабить, превратив в регулируемый социально-корпоративный подмеханизм. Империализм изнутри потряхивало, но не трясло. Трясло как раз социализм, но не так даже в экономическом, как в социально-политическом аспекте — вплоть до отрицания частью общества самого социализма-коммунизма (Венгрия, Восточная Германия, Чехословакия, Польша, а потом и сам оплот мирового социализма — СССР). Как ни старался социализм, но он так и не родил... предпринимательства — как постоянно реализующейся потенции к саморазвитию. Социализм подражал, копировал, усваивал, но не рождал, а ежели и рождал, то мобилизационно, вдогонку и на срок — пока хватало сил, характера и внешнего стимула. Подтачиваемый изнутри 1) интеллигентным слоем, стремившимся к ментальной свободе; 2) перерождавшейся в антисоциалистическом направлении правящей элитой, становившейся по духу все более частно-присвоительной; 3) уставшими от трудовой принудилки и житейской суеты, недопотребления и нараставшей несправедливости народными массами, все менее заинтересованными в социализме и все более к нему равнодушными, а также 4) кое-какой антисоветской и антисоциалистической агентурой, социализм, переживавший обострение и межсоциалистических (межстрановых) отношений, а также морально теснимый, экономически подавляемый и политически дискредитируемый извне — от имперокапитализма, от США, не выдержал своего собственного бытия и... рухнул, пусть и не без коварной измены, не без прямого предательства, не без хорошо подготовленного первого

толчка, но... рухнул, причем прямо в центре — в СССР, мало того, вместе с СССР, а бывшие соцстраны и совстраны поспешили не куда-нибудь, а прямо в лоно... имперокапитализма, под крыло США, в Европейский союз. Да и славное международное социал-коммунистическое движение как-то затихло и свернулось, перестав пророчить немедленную гибель капитализма. Вот-те на-а! И совсем ведь не по Ленину, не по его книге-учению, когда не имперокапитализм закономерно-де умер, а умер внезапно... сам социализм вместе со своим мировым социал-империализмом! Но ежели припомнить Ленина-практика времен поражения Красной Армии под Варшавой, Тамбовского восстания и Кронштадтского мятежа, а также времени его броска в нэп, то... может, все это произошло и... по Ленину, а-а? И выходит, что помимо умозрительной обреченности капитализма эпохи империализма есть еще и фактическая обреченность... социализма... эпохи, хотя бы, сталинизма, то бишь не собственно, наверное, социализма, а тотального социализированного этатизма. Карфаген тут одолел Рим, а не наоборот, как когда-то случилось в далекой истории!

Итак, сегодня приходится констатировать некое возвышение сплотившегося внутри себя и качественно изменившегося мирового имперокапитализма, принявшего облик финансизма-глобализма, и явное отступление, если не поражение, мирового социализма, ибо Китай, оставаясь формально социал-коммунистическим, на деле идет, если и не совсем полностью, но все-таки капиталистическим, причем подчеркнуто *не*-империалистическим путем, готовясь не уставая при этом, преуговариваясь к будущему мировому лидерству — не по-социалистически и не по-капиталистически, а... по-китайски. Эстафету соперничества с имперокапитализмом во главе в США принял ныне от международной соцсистемы во главе с СССР Китай, но не как собственно социализм, а как самый обыкновенный... китаизм. А это уже, надо заметить, совсем другая историческая песня — не марксистско-ленинская, а как раз... азиатская, с которой Марксу, как известно, не очень-то повезло.

Что же в итоге получается? Ленинская характеристика империализма, точнее, имперокапитализма, ничуть не устарела и вовсю работает, фактологически ныне успешно дополняемая. Что же касается общей оценки империализма как особой фазы капитализма, общекризисного состояния империализма, его текущей эсхатологии, нарастания внутри империализма революционного процесса, а также социализменного прорыва в нем и в мире, то... здесь все-таки больше вопросов, недоумений, возражений, несогласий с автором замечательного классического очерка, да, собственно, не так и с автором конкретного очерка, как с великим профессиональным революционером-

интернационалистом, затем и вождем социалистической-де революции в России, его родной стране, как и чуть ли не вождем мирового пролетариата, в общем, крупнейшего исторического деятеля новейшего времени, то ли чего-то не учитывавшего, то ли не принимавшего, то ли в чем-то ошибавшегося, то ли попросту не все понимавшего, но не ради того, чтобы высокомерно попрекнуть гениального человека, а ради того, чтобы осмыслить ход сложнейшего исторического процесса, участником, автором и жертвой которого стал *Владимир Ильич Ленин*, столь сильно мечтавший о переходе к справедливому и ненасильственному человеческому обществу, даже и видел его контуры и различал дорогу к нему, но... человечество со своей властной элитой распорядилось совсем по-иному — вот почему Ленин вновь актуален сегодня — и не только как достойный аналитик, критик и политик, но и... как неугасимый ради человека мечтатель!

С.Г. КАРА-МУРЗА

Работа В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»: современное прочтение

Аннотация. В статье рассматриваются пять конкретных положений работы В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»: о необходимом прохождении всех стран через формацию капитализма; о модели расширенного капиталистического воспроизводства; о перемещении основной массы физического труда (в т. ч. промышленного) в страны, представляющие окраины метрополии; о вывозе капитала и о неизбежной замене прежних форм капитализма и его институтов.

Ключевые слова: В.И. Ленин, империализм, развитие, основные признаки.

Abstract. The article concerns five propositions in Lenin's essay: necessary way through the capitalist formation for all countries; expanded capitalist reproduction model; movement of main part of manual labour (including industrial) to the outlying districts of the mother country; export of the capital and inevitable replacement of capitalist forms and institutes.

Keywords: Lenin, imperialism, development, main factors.

Труд В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (далее «Империализм...») написан в 1916 г. в Цюрихе и напечатан в середине 1917 г. в Петрограде [1, т. 27]. Его внимательное изучение

сегодня исключительно важно для обсуждения и понимания следующих проблем и вопросов:

- оценки степени адекватности главных моделей марксизма (политэкономика, исторический материализм, роль пролетариата) для анализа развития и кризиса мирового капитализма;
- природы и структуры русской революции, раскола российско-го социалистического движения вплоть до Гражданской войны 1918—1922 гг. («войны Февраля с Октябрем»);
- краха официальной советской идеологии и мирового левого движения в конце XX в.;
- перспектив построения рыночной экономики на территории СССР;
- доктрины глобализации и ее идеологического прикрытия.

«Империализм...» отразил второй срез в процессе преодоления В.И. Лениным рамок классического марксизма и развития представлений о судьбе периферийных стран мировой капиталистической системы. Первым «срезом» здесь считаем совершенный В.И. Лениным ранее (после Революции 1905—1907 гг.) отход от марксистских представлений о крестьянстве и принятие концепции революционного союза «рабочего класса и крестьянства», ранее выдвинутой М.А. Бакуниным.

В дополнение к концепции союза рабочего класса и крестьянства «Империализм...» стал необходимым и достаточным текстом для выработки учения об антикапиталистической революции в крестьянской стране, причем революции «в одной стране» — вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является трудом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции, причем сохранившей актуальность.

Изданный в России летом 1917 г., «Империализм...» уже не мог быть внимательно прочитан и обсужден из-за бурных событий момента, иначе бы работа вызвала дополнительную ожесточенную критику со стороны ортодоксальных марксистов в РСДРП сверх той, которая была нацелена на «Апрельские тезисы». Примечательно, что в этом труде В.И. Ленин не вступает в полемику с положениями марксизма и даже не упоминает важных для темы работ, в которых такая полемика имеет место (Р. Люксембург, «Накопление капитала», 1908).

В советском обществоведении, где в послевоенное время возобладали ортодоксальный марксизм, «Империализм...» был дан неадекватно, основные смыслы этого труда были замаскированы и выхолощены. Соответственно и потенциал этого труда в борьбе за культурную гегемонию советского строя не был использован и не стал помехой для

пышного расцвета антисоветского марксизма. Сегодня этот труд, почти полностью опирающийся на работы видных западных экономистов, может и должен был бы быть привлечен для дискуссии по принципиальным вопросам нынешней реформы в РФ. Этого, однако, не произошло из-за выхолащивания смыслов труда старыми и молодыми марксистами — неважно, из-за искреннего догматизма или конъюнктурных соображений.

Конъюнктурный заряд «Империализма...» в том, что он содержит хорошо подобранные и умело изложенные фактические сведения и аргументы, показывающие утопичность планов встраивания РФ в ядро «глобального капитализма». Труд ценен тем, что, написанный в 1916 г., он обнаруживает очевидность этой невозможности уже в начале XX в., когда возможностей встроиться в ядро капиталистической системы все-таки было больше, чем сегодня.

С точки зрения наших нынешних запросов представленная в «Империализме...» картина, конечно, неполна — в ней процесс создания мировой системы капитализма показан почти исключительно «из метрополии». Вне рассмотрения осталось формирование социально-экономических укладов и структур периферийного капитализма в зависимом обществе, каковым была тогда и Россия. Вскользь касаясь этой проблемы, здесь В.И. Ленин, в основном, продолжает следовать модели Маркса. В этой части труд, написанный в Цюрихе, уже устарел по сравнению с «Апрельскими тезисами» и тем более с политической философией В.И. Ленина, отраженной в его практической работе после апреля 1917 г.

Перейдем к обсуждению некоторых конкретных положений.

1. Как известно, и большинством марксистов начала XX в., и влиятельной частью марксистов конца XX в. было принято положение Маркса о том, что прохождение всех стран через формацию капитализма неизбежно. В 1881 г. Вера Засулич написала Марксу письмо с вопросом о возможности России, опираясь на крестьянскую общину, миновать капитализм: «Вы поймете, гражданин, в какой мере интересует нас Ваше мнение по этому вопросу и какую большую услугу Вы оказали бы нам, изложив Ваши воззрения на возможные судьбы нашей сельской общины и на теорию о том, что, в силу исторической неизбежности, все страны мира должны пройти все фазы капиталистического производства».

Маркс написал *четыре* (!) варианта ответного письма (не считая короткого предварительного ответа 8 марта 1881 г.) — целые научные труды (первый набросок составляет 15 машинописных страниц). Но так и не решился ей послать ни один из набросков [2, т. 19, 400—421]. Не стал рушить свою модель. Эти черновики «писем Вере Засулич»

практически и не обсуждались до последнего времени, и В.И. Ленин на них не опирался в политических дебатах. Тем более о них не заикались и меньшевики. Те, кто сегодня на них ссылаются как на свидетельство пересмотра взглядов Маркса, заблуждаются.

Последнее слово в долгом разговоре о путях русской революции сказал Энгельс — всего за 7 лет перед крестьянскими волнениями 1902 г. В большом письме народнику Н.Ф. Даниельсону он пишет об общине (17 октября 1893 г.): «Боюсь, что этот институт осужден на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе. Великая нация, подобная вашей, переживет любой кризис. Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким-либо историческим прогрессом. Лишь *modus operandi* изменяется. Да свершится предначертанное!» [2, т. 39, 129—130].

Возьмем канонический текст марксизма. Маркс писал в предисловии к первому изданию «Капитала»: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая ступень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из общих законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего».

В.И. Ленин показывает, что переход капитализма в стадию империализма сделал такое развитие мировой системы невозможным — уже потому, что монополии «центра» завладевают источниками сырья во всем мире, пресекая тем самым возможность развития «туземного» капитализма. Он пишет: «Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железнорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами» [1, т. 27, 320].

Более того, по мере развития капитализма возможности его возникновения и развития вне метрополии сокращаются. В.И. Ленин пишет: «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья

во все мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» [1, т. 27, 380].

В действительности, развитие «туземного» капитализма пресекалось Западом уже на первой стадии колониальных захватов, ибо, по выражению К. Леви-Стросса, «Запад построил себя из материала колоний». Он изъял и частично вывез из колоний тот «материал», из которого мог быть построен местный капитализм. Однако и в 1916 г. констатация этого факта была делом важным — ведь либеральная интеллигенция всего мира не признает его до сих пор.

Сам же В.И. Ленин приводит данные, показывающие, что уже в XIX в. земельная собственность в Африке, Полинезии и Австралии была присвоена западными колониальными державами практически полностью, а в Азии — на 57% [1, т. 27, 373]. Без земельной собственности национального производственного капитализма возникнуть не могло. Однако присвоение земельной собственности в колониях происходило до стадии империализма и, хотя оно и завершилось в эпоху империализма, не служит его специфическим признаком. Но теперь это было сказано внятно.

Таким образом, из «Империализма...» прямо вытекал вывод, что уже в начале XX в. всякая возможность индустриализации и модернизации на путях капитализма для тех стран, которые не попали в состав метрополии, была утрачена. Их уделом стала *слаборазвитость*. Единственной возможностью обеспечить условия для своего экономического и социального развития для таких стран могла дать только большая (по сути дела, именно *мировая*) антикапиталистическая революция. Как показала практика, плодами такой революции, которая и прокатилась по миру в первой половине XX в., смогли воспользоваться и некоторые страны, оставшиеся в «лоне капитализма». Запад был вынужден дать им такую возможность в условиях «холодной войны» из политических соображений.

Особый случай представляет Китай, который успешно использует для индустриализации и модернизации ряд институтов капитализма благодаря достаточной политической и культурной независимости от метрополии мирового капитализма. Такая возможность также дана ему мировой антикапиталистической революцией и длительным существованием лагеря социализма (прежде всего, многосторонней помощью СССР).

2. В.И. Ленин в «Империализме...» приводит много данных о масштабах изъятия ресурсов из зависимых стран финансовым капиталом Запада, т. е. не через эквивалентный обмен на рынке товаров: «Доход рантье *впятеро* превышает доход от внешней торговли в самой “торговой” стране мира!» [1, т. 27, 398]. «Народный доход Англии прибли-

зительно удвоился с 1865 по 1898 г., а доход “от заграницы” за это время вырос *в девять раз*» [1, т. 27, 403].

Эти данные опровергают важную для марксистской политэкономии модель капиталистического воспроизводства как цикла, сходного с циклом идеальной тепловой машины Карно. В цикле капиталистического воспроизводства якобы происходит эквивалентный обмен товарами и деньгами. При этом простое расширенное воспроизводство обеспечивается вложением части прибыли от использования чудесного товара, аналогичного топливу в тепловой машине, — рабочей силы. В этой модели первоначальное накопление (первородный грех капитализма) служит лишь исходным толчком для этой машины, как в ньютоновской механике Бог-часовщик, заведший один раз пружину часо-мироздания.

Эта модель расширенного воспроизводства легитимирует современный капитализм, ибо представляет нынешнее потребительское благоденствие Запада как следствие совместных усилий его рабочих и предпринимателей, которые только и представлены в цикле воспроизводства. В.И. Ленин, прямо этого не говоря, показывает, что в цикл расширенного воспроизводства экономики Запада *непрерывно впрыскиваются* огромные средства извне. По сути, В.И. Ленин здесь иллюстрирует выводы Р. Люксембург.

В работе «Накопление капитала» она обращает внимание на такое условие анализа капитализма, которое ввел Маркс в «Капитале»: «С целью рассмотреть объект нашего исследования во всей полноте, свободным от искажающего влияния побочных обстоятельств, мы представим весь мир в виде одной-единственной нации и предположим, что капиталистическое производство установлено повсеместно и во всех отраслях промышленности». Это предположение, как отмечает Роза Люксембург, не просто противоречит действительности (что очевидно), оно неприемлемо *для самой модели Маркса* и ведет к ложным заключениям. Иначе говоря, вводя его, Маркс исключает из модели фактор, который является принципиально необходимым для существования той системы, которую описывает модель. Ибо оказывается, что цикл расширенного воспроизводства не может быть замкнут только благодаря труду занятых в нем рабочих, за счет их прибавочной стоимости. Для него необходимо непрерывное привлечение ресурсов *извне* капиталистической системы (из деревни, из колоний, из «третьего мира»). Дело никак не ограничивается «первоначальным накоплением», оно не может быть «первоначальным» и должно идти *постоянно*.

В своей книге Р. Люксембург показывает, во-первых, что для превращения прибавочной стоимости в ресурсы расширенного воспроиз-

водства необходимы покупатели *вне зоны капитализма*. Ведь рабочие производят прибавочную стоимость, которую присваивает капиталист, в виде товаров, а не денег. Эти товары надо еще продать. Очевидно, что работники, занятые в капиталистическом производстве, могут купить только такую массу товаров, которая по стоимости равна стоимости их совокупной рабочей силы. А товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, должен купить *кто-то другой*. Только так капиталист может *реализовать* прибавочную стоимость, обменяв ее на средства для расширенного воспроизводства. Этой торговлей занимается компрадорская буржуазия вне зоны капитализма. Таким образом, сделанное Марксом предположение, что капитализм охватил весь мир, попросту невыполнимо — такой капитализм существовать не может.

Во-вторых, как пишет Р. Люксембург, «капиталистическое накопление зависит от средств производства, созданных вне капиталистической системы... Непрерывный рост производительности труда... требует неограниченного использования всех материалов и всех ресурсов почвы и природы в целом. Сущность и способ существования капитализма несовместимы ни с каким ограничением в этом плане... Начиная с момента своего зарождения капитал стремился привлечь все производственные ресурсы всего мира. В своем стремлении завладеть годными к эксплуатации производительными силами, капитал обшаривает весь земной шар, извлекает средства производства из всех уголков Земли, добывая их по собственной воле, силой, из обществ самых разных типов, находящихся на всех уровнях цивилизации».

Побочным следствием из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии является вывод о том, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада не является *революционным* классом (строго говоря, не является и пролетариатом). Это обязывает отказаться от присущего марксизму мессианского отношения к промышленному пролетариату Запада и убеждения в том, что лишь мировая пролетарская революция может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации.

Уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность социалистической революции в «отставших» западных странах, возможность такой революции, совершенной угнетенными народами. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно

тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как “всемирно историческое” существование» [2, т. 3, 33—34].

Ни одно из условий, сформулированных Марксом и Энгельсом как необходимые, не выполнялось к моменту созревания русской революции. Более того, развивая свою теорию пролетарской революции, Маркс подчеркивает принятый им постулат *глобализации капитализма*, согласно которому капитализм должен реализовать свой потенциал во всемирном масштабе — так, чтобы весь охваченный рыночными отношениями мир стал бы подобием одной нации. Он пишет в «Капитале»: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [2, т. 23, 594].

Преодоление «запрета на русскую революцию» (именно рабочих и крестьян) было условием для создания ленинского учения о революции, а затем и для советского проекта. Необходимо было также обойти предупреждение Энгельса, сделанное в 1875 г.: «русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» [2, т. 18, 526].

Недаром А. Грамши в статье 5 января 1918 г., которая называлась «Революция против “Капитала”», пишет об Октябрьской революции: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [3, 35—39].

Понятно, почему советское обществоведение скрыло от нас труды А. Грамши.

3. Теме западного пролетариата в «Империализме...» уделено большое внимание. В ряде мест говорится — с обильным цитированием западных экономистов — о перемещении основной массы физического труда, в том числе промышленного, из Западной Европы «на плечи темнокожего человечества». Приводятся данные [1, т. 27, 403] о сокращении численности рабочих в Англии (15% населения в 1901 г.)

и о числе рантье, по своему порядку сравнимом с числом рабочих (1 млн рантье против 4,9 млн рабочих).

Хотя по традиции В.И. Ленин говорит еще о рабочей аристократии и «собственно пролетарском низшем слое» в Англии, в приведенных им цитатах речь идет о вовлечении *всего* рабочего класса Запада в эксплуатацию периферии. Так, широко цитируемый В.И. Лениным английский экономист Дж.А. Гобсон пишет: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными» (цит. по: [1, т. 27, 400]).

В.И. Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, С. Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил — его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные В.И. Лениным высказывания Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» (цит. по: [1, т. 27, 405]). И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 г., вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке» [1, т. 27, 405].

Из этого прямо следовало, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер.

4. Марксизм в начале XX в. был господствующей идеологией в левом движении, интеллигенции и образованной части рабочего класса и Запада, и России. В.И. Ленин и сам мыслил в основном в категориях марксизма, и его умозаключения о взаимоотношении центра и пери-

ферии капиталистической системы не доведены до логического завершения.

Именно этим можно объяснить тот факт, что, говоря о применении вывезенного на периферию капитала, В.И. Ленин исходит именно из того предположения Маркса, которому противоречит и фактический материал «Империализма...», и упомянутая выше книга Р. Люксембург — из предположения о том, что капитализм «распространяется по всему миру».

В.И. Ленин пишет: «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его. Если поэтому, до известной степени, этот вывоз способен приводить к некоторому застою развития в странах вывозящих, то это может происходить лишь ценой расширения и углубления дальнейшего развития капитализма во всем мире» [1, т. 27, 362].

Что вывоз капитала не приводит к застою развития в метрополии, видно из всего контекста «Империализма...» — кредиты и займы периферийным странам дают сверхприбыль финансовому капиталу метрополии, намного превышающую прибыль от производства товаров. Эта сверхприбыль инвестируется в основном в самой метрополии, так что причин для застоя в ее развитии нет.

Что же происходит на периферии — там, куда направляется капитал? В трактовке В.И. Ленина, здесь происходят «расширение и углубление дальнейшего развития капитализма» — того же самого капитализма, который вначале возник в Западной Европе. Ни о каких качественных различиях между капитализмом метрополии и капитализмом периферии здесь не идет речи.

На деле анклав капитализма, создаваемые с помощью капитала метрополии в периферийных обществах, качественно отличны от капитализма в ядре системы. Это — очаги дополняющей экономики, не интегрированные в народное хозяйство периферии и не способные существовать в рамках капитализма на периферии при разрыве связей с метрополией. На примере современных ТНК это видно наглядно, но уже и опыт России начала XX в. это показал с достаточной очевидностью. Тот капитализм, который развивался в России, загнал народное хозяйство в историческую ловушку — даже при весьма впечатляющих показателях своего развития (концентрация капитала, темпы роста, строительство железных дорог и т. п.).

Именно поэтому революция в России была *отрицанием капитализма*, а вовсе не потому, что российские рабочие были от природы более нравственными, чем английские. Английские рабочие эксплуатировали Индию, а русские рабочие и вся их деревенская родня были сами объектом эксплуатации со стороны английского и французского

капитала. И без революции вырваться из этого тупика оказалось невозможно — до революции были испробованы все щадящие проекты.

Создавая на периферии анклав современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» и даже архаизацию остальной части производственной системы. В важной книге «Теория формаций» В.В. Крылов пишет: «В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его нереволуционизирующих общественный процесс консервативных тенденций» (см.: [4]).

Россия в конце XIX и начале XX в. была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» — периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удерживать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

В.В. Крылов пишет: «В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних эпицентрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, бедности. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма».

5. В.И. Ленин коротко высказал важный методологический тезис, актуальный сегодня. Суть его заключается в том, что развитие капитализма приводит к тому, что замена ряда прежних его форм и институтов становится необратимой, и призывы вернуться к старым добрым формам на деле оказываются реакционной утопией. Так, в ходе развития институты свободного рынка уступили место монополистическому финансово-промышленному капиталу.

Полемизируя с Каутским, В.И. Ленин писал: «Допустим, что *да*, что свободная конкуренция, без каких бы то ни было монополий, развивала *бы* капитализм и торговлю быстрее. Но ведь чем быстрее идет развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация произ-

водства и капитала, *рождающая* монополию. И монополии *уже* родились — именно *из* свободной конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии» [1, т. 27, 411].

Исходя из этого же методологического принципа, М. Вебер, обсуждая программу кадетов, имевшую целью построение в России либерального капитализма, сказал: «Уже поздно!». Капитализм изменился, и он не может допустить появления на его периферии системы, которая воспроизводила бы ранние формы капитализма метрополии. Новые, зрелые формы (монополистический капитализм) неминуемо сожрали бы зародыши ранних, «юных» форм буржуазного общества в России.

Этот принцип актуален сегодня для РФ, потому что он ставит крест на либеральной утопии построения «рыночной экономики» из обломков советского хозяйства. В РФ возможно лишь создание структур периферийного капитализма, т. е. анклавов современного производства, действующих как элементы дополняющей экономики под контролем метрополии, при архаизации хозяйственных укладов большинства населения. Более того, противостоять монополиям метрополии на периферии может только криминальный капитализм, к тому же создающий международные сетевые структуры.

Через это и проходит в настоящее время России. Но до конца этого пути не дойдет, поскольку архаизация страны, уже достигшей высокого уровня индустриального развития, вызвала бы быструю гибель больших масс населения. Достаточной силой для удержания этих масс в повиновении нынешнее господствующее меньшинство не обладает.

Литература

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.
3. *Gramsci A.* La revolución contra «El capital» // Gramsci A. Para la reforma moral e intelectual. Madrid, 1998.
4. *Крылов В.В.* Теория формаций. М., 1997.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Империализм как форма антихристианского экономизма

Аннотация. В статье анализируется христианский контекст, который исследует самого В.И. Ленина вместе с его теорией империализма. В христианском контексте империализм и экономизм выполняют хозяйственные функции и служат благим целям жизни людей. В антихристианском контексте империализм и экономизм служат средствами inferнальных целей и смерти. Ленин, исследуя империализм в антихристианском контексте, пришел к выводу о его загнивании и паразитизме, описав лишь следствия, а главная Гнилая и Паразитическая Причина империализма и экономизма осталась в ведении князя мира сего. Хотя гносеология и его теория отражения Ленина, требующие познавать сущее посредством омертвления, соответствует стандартам inferнализма.

Ключевые слова: христианство, антихристианство, империализм, философия хозяйства.

Abstract. The article focuses on the analysis of the hidden method which is used by someone to explore V.I. Lenin with his theory of imperialism. The secret is out. Imperialism and more — economism in general — find their semantic content in macrocontexts of the modern world. In the Christian context imperialism and economism perform economic functions and serve to good purposes of people's life. In the anti-Christian context imperialism and economism perform infernal functions and provide the death means. V.I. Lenin, exploring imperialism, rightly concluded its decay and parasitism. But because he worked in the anti-Christian context, he described only the investigations, but the main Rotten and Parasitic Reason for imperialism and economism remained in charge of Prince of this world. Though, epistemology of V.I. Lenin with his theory of reflection, which demands to cognize existence through necrosis, meets the standards of infernalism.

Keywords: imperialism, economism, philosophy of economy.

Ленинская работа при всей своей простоте и ясности остается и поныне загадочной, непонятой и... какой-то неуместной. Нового в ней по сравнению с другими исследователями мало. Непонятно — зачем он ее написал, что и кому он хотел сказать этой книгой? Ведь деятели такого уровня и масштаба просто так книг не пишут. У них каждая строка, каждое слово — это снаряд или яд. Нет, есть в книге Ленина свой замысел Кошечев. Какой? Узнаем!

Странно, почему данная стадия капитализма обозначена именно империализмом. Ведь «империя»²⁶ — древнейшая идея, выражающая суть монархии, единовластия, самодержавия; вообще, власть *Единого Духа*²⁷ над любым множеством есть империя. Хорошее, священное, софийное слово — империя. А тут этим словом назван строй, готовый на любые злодеяния и войны ради богатств стран-рантье. Какова же цель такого словоупотребления?

Далее, загнивание, паразитизм²⁸, умирание присущи каждому общественному строю (даже в Раю была гниль, паразитизм и точка смерти!) и не являются привилегией империализма. Разница лишь в масштабах. Да, империализм есть негация и реакция. Но каковы именно его конечные цели?

²⁶ Человечество без этого жизнепорождающего слова; многих оно лишает сна в предчувствие грядущего суда, а для русских империя — неотъемлемая часть их бытия, их идентичности, их судьбы. И слово это для них звучит притягательно и чудно. Да, оно страшит, в нем есть скрытая суровость («Не балуй!»), тяготы и тревоги; но оно влечет своей бесконечной правдой. Империя составляет сообщество этносов, народов, государств, не отменяя их самобытности, но давая всем высший смысл, высшее священство. Несвященных империй нет. Сами люди — имперские существа, ибо правит ими император-ум. Империя — это и ностальгия о рае, и память о прошлом, и энергия жизни, философии, воли. Бесконечность империи простираются во всех направлениях до тех границ, где кончается мир людей, и за которыми готовы к броску на нас полчища Гогов и Магогов. Император в христианстве — загадочный «катехон», стоящий на пути антихриста и последних времен (2 Фес. 2.7). Имперостроительство остается основным руслом истории вопреки всем идеологиям. И ничто не может сбить историю и русских с этого пути. Россия соединила в себе сразу две империи: полевую империю Чингисхана и православную Византию. Византийская империя считалась не просто государством, но хранителем Церкви. Советская империя превзошла все предыдущее, охватив половину мира. И миссия России — быть местом, где небо сакрально общается с землей, свет с бездной, дух с жизнью, человек с властью самого себя над собой. Русские живут в империи, империей, ради империи, через империю. В ней — весь смысл их бытия. Русские — либо в империи, либо нигде, ибо в середине находится хаос. Либо быстрая езда, либо мерзкое гниение. Суть и призвание русских — строить империю, объединять народы, культуры, веры. Ради этого они сами жертвуют собой. В неимперской среде русские не рожают и жить не могут. Демографии нужно только одно — снять табу с жизнеродящей мечты об империи, в которой томится, рвется наружу русская душа. И русских наплодится столько, что песка и памяти будет мало для всех Windows'ов.

²⁷ «Нет в многовластии блага, да будет единый властитель» (Гомер, «Илиада», II, 204).

²⁸ В знаменитой поэме Данте вши, клопы, блохи, слепни, тараканы, другие паразиты творились дьяволом, который таким способом показывает свои креативные способности.

Ленинский анализ империализма эмпирически значим, но метафизически слеп. Он слеп даже научно: то восхищается научно-техническим прогрессом, то считает его гниением. Но главная слепота метафизическая: сам по себе империализм суть гниющий, паразитирующий, умирающий строй, или же он является лишь одним из орудий гниения, паразитизма, умирания человечества? Причина ли он гниения общества или сам тоже есть гнилое следствие Великой гнилой причины? Этот мировой контекст мировой вождей мирового праздника «рабов по природе» (Аристотель) не заметил.

После крушения Рима макропропорции истории заданы христианством; и врагом его может быть только проект антихристианский. Борьба этих проектов служит истоком событий, составляя общий контекст уходящих в ничто вещей, людей, наук и властей. Можно не замечать этот контекст, можно отрицать его, но он-то уж непременно заметит все, поместив каждого в свой сетевой легион со своим кодом и паролем. *У-х-о-д-я-т* в небеса последние Понимающие, а из непонимающих растет Сеть змеиная.

Христианство — мировая и всеясветная религия, вобравшая весь религиозный опыт людей, его поиски и ошибки. Антихристианство же родилось до Христа из страха перед всеилием смерти, не делающей исключений для святых, героев, царей; даже с богами у нее сделки в ее же пользу. Брахма то открывает глаза — и мир появляется, то закрывает глаза — и мир умирает в Майе. Когда Дао с именем, то и мир с бытием, а когда Дао без имени, то мир уходит в ничто. Бог есть *Все минус единица*, т. е. минус отнимаемая у него жертва смерти. Дьявол — тоже *Все, но плюс единица* (новый мертвец). Бессмертие было уделом лишь смерти бессмертной и ее демонов. Таков был закон мира.

И вот Христос своей непостижимой крестной мистерией лишил смерть и дьявола *всеобщности и всеясветности*²⁹. Теперь Бог — это все живое и временно мертвое, но минус единица — сама смерть. Человек может, должен пережить и саму смерть! А дьявол остался только со своей подругой — смертью. Христос сокрушил дьявола-смерть простой логикой. Дьявол и смерть внушили бытию, что «все лебеди белые и пушистые», а Христос доказал, что есть «лебеди чернявые и ершистые». Эта логическая мелочь вызвала ярость дьявола, ибо он считал себя Главным логиком, не допускающим ошибок, как и смерть. А тут птица такую свинью в жару подсунула! Из его власти ушла плюс единица (+1)!

И вот, мобилизовав свои голубые легионы, дьявол-смерть в личине антихриста начал войну за возвращение потерянной всеобщности, за

²⁹ Спаситель сокрушил «державу смерти, то есть дьявола» (Евр. 2, 14).

уничтожение клятой плюс единицы (+1), за всеясветное признание. А война требует адекватных средств. Христос победил Софией-Мудростью-Любовью и Логосом. У антихриста таких средств нет в силу его «анти...». Как же победить?

Антихрист использовал в качестве первых средств войны *язычество и мифологию*. Средства неплохие, но... но у них есть Неизвестный бог, который не поможет смерти, если она его даже не знает.

Большущие надежды антихристианский проект возлагал на *философию*, которая, именуя поиском мудрости свои блуждания в лабиринтах обезбоженного мира, должна была увести людей из христианства. И кое-что философия сделала: Ницше жизнью доказал, что материализмом, атеизмом, деизмом, прагматизмом, и другими «измами» философия уводит людей не только от Христа, но и от жизни в безумие психизма. Ну а постмодернизм своим примером показал, что философия всегда была мертвецом, который симулировал живого; а вот сегодня, когда симулируется сама жизнь, философия не знает, как³⁰ симулировать эту симуляцию. И она стала проповедовать содомию, извращения, которые доказывают чистоту и правду христианства. Философия была умным другом мифологии, затем — полезной служанкой религии, затем — смердяковым науки и диктатуры, а кончила тем, что вместо служения смерти стала просить гранты у костлявой. Философия не оправдала надежд антихристианства; в России она возвратилась к религии, приняв протянутую ей руку помощи христианской Софии Премудрой.

Секты и сектантство как орудия антихристианства в итоге породили *протестантизм*, который невольно подтверждал правую силу Христа, ибо даже война против его Церкви дает жизнь и смысл самому протестантизму. Нет Христа и Церкви — нет Протеста, нет дивидендов для антихристианства. Нет, сделать само христианство антихристианством дьяволу-смерти не удалось.

Очень надеялось антихристианство на *искусство*, на соблазны красоты, чтобы отвлечь людей от христианства, забыть о нем навеки и спасти свою косую зеленоглазую минус единицу. Но искусство не оправдало надежд антихристианства, оказав даже неявную помощь иконописи. Многие крупные деятели искусства, воспевая дьявола, не достигали нужного эффекта. Искусство наносит бóльший урон анти-

³⁰ Ж. Бодрийяр кликушествует: «Философия сегодня исчезла (в этом и состоит ее проблема: как существовать в исчезнувшем состоянии?)». Обратитесь к смерти, ибо именно она (да и ее демоны) умеют быть, не имея бытия [1, 133—134].

христианству, чем его заклятому врагу, хотя нужно помнить, что искусство несет в себе скрытый альтернативный проект как христианству, так и антихристианству. «Красота спасет мир!» — этот императив искусства еще рано списывать со счетов борьбы.

Важную роль антихристианский проект отводит науке, которая вначале стала его ударной силой, методами и пользой вытесняя христианство, а Царство Божье заменяя прогрессом быта и войн. Но опять лукавого подвела логика, которая подсунула ему вместо диалектики дикобраза полилектики. Ведь вере противостоит не наука, а неверие, суеверие, колдовство, магия. А науке противостоит не вера, а невежество и псевдонаука. И опыт сразу подтвердил взгляд религии: многие, очень много ученые, даже с нобелевскими ликами, стали христианами, научно доказывая истину Св. Троицы! А дьявола-смерть и бесенят изгоняют колдуньи и кашпировские-глобы. В Церкви верующие ученые сотрудничают богословами, совместно превращая яд, изготовленный против Христа, в духовный эликсир жизни. А наука, оставшаяся верной³¹ князю мира сего, гордо пишит что-то о конце не ею созданного мира.

Кажется, положение антихриста в его войне с Благой вестью безнадежно. И тут дьявол, следуя инфернальному братству, свершил инновационный прорыв. Он сделал ядром антихристианского проекта «золотого тельца», которого иудеи, вопреки всем смертным карам Моисея, признали богом, закрепив это признание златобога немалыми жертвами. Лукавый сотворил тельцу идеологию (экономическую науку), метод, институты, опутавшие незримыми нитями все жизнеотправления людей, и открой рот — собирай золотую манну процентов. Так родились экономизм и экономика, сосущие последние соки из людей, природы, подбираясь через информацию и к духу. Так экономизм заменил род «хозяйство» видом «экономика».

В контексте войны христианства и антихристианства империализм стал орудием антихристианства. Атеизм не видит эту главную детерминанту жизни. Но согласимся (чисто условно!) с «красными», что Господа нет. Но дьявол-то есть, хотя бы в наших отрицаниях Бога; в облике Мефисто он посетил первый континент победившего экономизма, а в облике Воланда — первую столицу победившего социализма. Он всучил социалистам хантологию — теорию призраков («Бродит

³¹ П. Дирак — матерый материалист, атеист и нигилист, видел первосубстанцию мира в отрицательной энергии. Он даже научно кошунствовал: «Бога нет, а Дирак — пророк его». Не ведал он сути своей догмы, не ведал; Ничто и Нет его родным разъяснят его черный ум. «Чем бы ученые не занимались, в итоге у них все равно получится бомба» (К. Воннегут).

призрак по планете — призрак коммунизма»), зловещую диалектику, требующую бить до смерти морды всем противникам социализма, коварную теорию отражения, которая требует познавать предметы *через их превращение-омертвление в тени — смертные, бесплотные и бесхозные*. Нет, империализм работает на inferнальном топливе, которое марксизм не видит из-за отсутствия в нем метафизической и христианской оптики.

Научный анализ империализма упускает скрытые силы общества, не видя даже того, что экономизм губит нации. Экономического детерминизма нет и никогда не было, а есть inferнальный экономизм антихристианского проекта. Никогда руки не правили головой и духом, который правит головой! Да и без особого анализа видно, что экономикой правят *безмерность, произвол*, о чем говорят кризисы и войны, ибо в них гуляет энтропия, которую человек думает переплыть без Бога на кораблях науки, прогресса и виртуальности.

Распад современного мира возглавляет *экономизм*, определяя цели, средства, формы его деструкции, насыщая их inferнальностью, деформируя человека в пустую экзистенцию, преисполненную интенциями гибели. Экономика, события, люди, современный мир потеряли контроль над собой и стали то ли жертвами бездны, то ли орудиями некоего анонима, ведущего глобальный проект «Ничто»³². Это касается и экономической науки, которая так и не постигла жестов «невидимой руки» Смита, причин гибели природы, ужасающей нищеты людей, прогресса паразитов, своей слепоты. Ибо деньги не сами по себе оседлали хозяйство и стали экономикой, а исполняют волю Чужую. Но экономизму претит метафизическая рефлексия, хотя он не сам по себе стал президентом смерти, а лишь в составе антихристианского проекта. А так он тысячелетиями служил верой и правдой хозяйственному благу.

Inferнальность экономики заметил Аристотель. Он выделял *экономику-хозяйство*, которая обеспечивает нужды людей, используя деньги в качестве благих средств, и *экономику-хрематистику*, занятую только накоплением денег. Ученый искал причину безмерного накопления денег. Чем вызывается эта страсть вопреки ее практической нелепости, ибо людям нужны вещи за деньги, а не рост денег? Сам человек стремится к безмерному накоплению денег, или деньги ини-

³² Л. Фейербах — атеист милостью Божьей, друг Маркса и Энгельса, учитель Ленина открыто заявил: «Я утверждаю свое дело на Ничто» («Ich habe meine Sach auf Nichts gestellt»). И он же после уничтожения религии мечтает о местечке, где можно укрыться от воспитанных на его трудах атеистов! [3, 406—407].

цируют это влечение? Или есть «третье», делающее человека накопителем денег, а деньги — оскопителем людей? Ответ таков: «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат утолению этой жажды, также безгранично» [3, 393].

Итак, деньгонакопление представляет «жизнь вообще»; но «жизнь вообще» — это абстракция жизни, отрицающая ее посредством мертвого металла. И «жизнь вообще» не насытит весь космос, волшебством превращенный в деньги, как не насытят абстракцию «дерево» все деревья прошлого, настоящего и будущего. Абстракция всегда голодная; а после поглощения бытия она начнет пожирать самое себя, но от этого самоедства она лишь порождает новые, столь же голодные абстракции. И прожорливость абстракций в итоге создает виртуальный мир, в котором бесконечный и бесцельный рост этой абстрактности сделает ее самоцелью... Рост массы денег в сочетании с их абстрактностью порождает виртуальный «ценнобумажный мир».

Издревле накопление денег воспринималось негативно. Аристотель считал деньгонакопление «противоестественным» и даже предлагал насильственно его пресекать. Мидас был первым абсолютным финансистом, ибо все в его руках становилось золотом; но тогда люди еще верили, и Дионис спас Мидаса от золотой смерти, возвратив его к нормальному хозяйствованию с золотом. Ведь если самовозрастание денег противоречит жизни и богам, значит, оно соответствует антижизни, антибогам, скрыто обитающих в «абстракциях».

Аристотель не сделал выводов, следующих из тождества безмерного роста денег, абстракции жизни и смерти. А выводы эти кошмарнейшие! Деньги и экономика не служат людям, а принуждают их служить античеловеческому миру, который зовет их к себе, соблазняя коварным всемогуществом денег.

Именно в этой танатократии экономики таится ее чудовищная власть над человеком; все живое вне Благой Вести неотвратимо забирается смертью бессмертной; и человеку трудно осознать, признать всю убийственную правду о том, что накопление денег, совершенствование экономики есть скрытое влечение к смерти, ее «совершенствование». Экономика и смерть не сомневаются, что в деньгах воплощена высшая правда небытия. Смертью веет от слов экономистов-профессионалов о росте, процветании экономики! Они не понимают всей жути своих слов, призывая совершенствовать смерть! Да нет, она уже достигла совершенства, а теперь совершенствует тех, кто не с Христом.

Все экономисты так и не постигли открытия Аристотеля, увидевшего в экономике идеологию смерти. Допустим, что экономике созданы все благоприятные условия, ей дано все желаемое, она может повышать цены, превращать все жизненные реалии в деньги и жить только по своим правилам! Куда же она нас приведет? Аристотель научно, а Мидас практически доказали, что абсолютно свободная экономика на всех парах устремится к смерти, ибо превратив вселенную в деньги, она затем превратит себя в ценные бумаги, а затем — в числотурбацию уже без людей. А числа срама и смысла не имеют!

Именно смерть в качестве целевой причины экономики и придает ей такие мощь и непреклонность (смерть точнее даже математики и японцев). И смерть через экономику дает работу бесам, порокам, грехам, делает людей их средствами, жертвами и добычей. Ибо без антихристианского содействия смерти экономика не завоевала бы мир и человека. Но эта двойственность экономики (служить смерти и бросать кости человеку беззубому) делает ее неуязвимой для кризисов, ибо кризис и есть проявление ее смертельной сути.

Другой вариант экономического «роста» состоит в превращении денег в ценные бумаги, а этих бумаг — в сверхценные, что ведет в мир виртуалов, ищущих сверхбумагу-бога, гарантирующую вечный процент вовеки. И только хозяйство спасало до сих пор экономику от самоубийства, не позволяя ей превратить людей в деньги, деньги — в бумаги, реальность — в виртуальность. И сегодня экономическая утилизация человека смертью через деньги близка к концу. Апокалипсис докажет верующим в благодать экономики, что всевластие денег завершится диктатурой зверя бездны — Абстракции-Смерти.

Творец вывел человечество из ничто; и совсем забыть об этом ничто, видимо, оно уже не сможет никогда; его все время будет тянуть к себе эта бездна, избавляющая его от *страха мысли* (что может придумать мысль?), *от страха свободы* (куда заведет человека «все дозволено?»), *от мук совести* (каков приговор совести?). Экономика оформляет это влечение человека в ничто, хотя экономисты даже не подозревают о своей роли в подготовке братской могилы для всего человечества; они заняты созданием моделей, поиском циклов, ищут индексы, грезят инновациями, т. е. ифернациями. Экономику сотворила не воля человека, но он и не сопротивлялся соблазнам и порокам этой своей новой владычицы. Развал СССР ясно показал суть экономической «науки» даже дебилам Аида; шли с этой наукой в социализм, а пришли даже не в дикий капитализм, а в ифернализм, который превратил деньги в хищных и всепоглощающих тварей. Кому же тогда реально служит экономическая наука?

Инфернализм экономики порождает и логический абсурд. В отношениях рода (хозяйство) и вида (экономики) род — это целое, а виды — его части, автономии и мутации которых определяет род. А если виды уходят из-под власти рода, то они неизбежно вступают на тропу уродства и гибели. Часть выходит из целого в болезнях, но конец таких свобод известен. Рационально, прагматически, морально необходимо, чтобы часть подчинялась целому, чтобы вид служил роду, а не крушил его. Но вот экономическая наука и экономика США решили опровергнуть эту аксиому практически: доказать любой ценой, что часть больше целого, а потому она должна диктовать ему свою волю.

Посредством экономики смерть делает жизнь средством умножения богатства. Если эта цель совпадает с хозяйством, природой — хорошо, если нет, то тем хуже для хозяйства, природы и людей. Удивительно, но в цели экономики не входит спасение человека от деградации и гибели. Многие цели экономики вполне исполнимы (например, за неделю каждый житель может получить автомобиль, жилье, образование, медицину). Но поскольку ее исток — абстракция жизни (ничто), которая больше всего страшится достижения своих целей, то она создает искусственный дефицит любых товаров. Экономика не хочет достигать своих целей, ибо эти цели — смерть, конец света — прикончат и саму экономику. Поэтому в экономике столь важны конспирология, криптореалии; экономика вынуждена постоянно искать новые средства удлинения пути к ничто, хотя скорость ее движения к своему зверю растет. В отрыве от хозяйства экономика идет в бесконечный прогресс-иллюзию или же в суицидную, апокалипсическую агонию. Экономика искусственно ускоряет жизнь, дабы уйти от ничто, заменив его кризисом или войной.

Экономика посредством денежного Молоха изначально гнала производство, людей, вещи, потребление в хаос безмерности, куда даже свет не доходит. Но вначале она отчасти корректировалась хозяйством. С ростом стоимости, денег экономика оторвалась не только от хозяйства, но и от своего базиса — денег, стоимости, образовав самостоятельный мир, исходящий только из себя и живущий только для себя. Главное орудие этого мира — кредит — плата за право пользоваться деньгами. Экономика стала финансономикой, сферой договорного произвола, искусственным, виртуальным комиксом-экономиксом. Так, экономика США — это мортология и онтология абсурда, в котором одни фикции-бумаги порождают другие патофикции для других стран; и этот абсурд держится лишь военной силой. Идет рост тотального и тайного своеволия смерти, прикрытой экономической эйфорией. И катастрофы для нее — это не аномалии, а наилучшие формы роста денег, ибо они расширяют сферу произвола до абсолюта. Но, побе-

див всех врагов, финансовика сама становится врагом для себя, вступает в войну с самой собой, порождая фикции и фиктивные бумаги в поисках всеспасительной Бумаги-бога. Субъектом финансовики стал Воланд, делающий деньги из ничто, которые в это же ничто и возвращаются. Экономика стала патофизикой смерти, куда «невидимая рука» Адама тянет людей.

Сегодня экономический и денежный кризис просто невозможен, ибо уровень технологий позволяет обеспечить всем землянам сносную жизнь; сегодня кризис превращается в суицид экономики, которой не хватает... смерти. О, боги и бессмертные! Услышите нас! Есть люди и общества, связавшие свою судьбу с Медузой экономики; и им-то не хватает смерти! В кризисах смерть шлет вызов Господу, его миру, его свету, его Суду. А вот «я» создам свой новый мир, другой свет, истинный суд, который превзойдет Его Апокалипсис. Наш девиз: «Конец свиньи — начало колбасы для Мефисто и Воланда!». «Конец мира тюремно-жизненного, реального — начало мира свободно-виртуального для существ, томящихся в оболочке человека!»

Принцип экономики частный: все работают для блага Части. Хозяйство работает при содействии Софии-мудрости для блага целого. Род хозяйство шире экономики, производства, охватывая всю деятельность по спасению жизни людей. Воспроизводство власти, науки, искусства, морали, школы, работа МЧС, МВД, Армии — это не экономика, а чистое хозяйство, спасающее людей, саму экономику, ее богатства. Ведь не человек самолично придумал и ведет хозяйство, его соавторами были София Премудрая, природа, человек, демоны. Хозяйство дано для искупления, спасения проклятых³³. Поэтому хозяйство удерживает в единении сакральные, природные, человеческие, inferнальные, являясь их общим истечением. И сама жизнь, вопреки экономике, исполняет сакральный замысел спасения, инициировав возвращение в Россию Софии-мудрости и ее философии хозяйства, которая выражает неискоренимость софийного смысла истории. Жить — софийные смыслы творить! И философия хозяйства видит безнадежную обреченность экономического, которое недостойно даже внимания мысли. Как можно уважать тех, кто сам себя не уважает, кто мертвый металл ценит выше человека и его софийных смыслов-знамений?! Философия хозяйства знает и несет в себе традиционные пути к Царству Святому через софиократию.

Но и мрамор Мавзолея вопиет о крахе социалистического проекта. Неосознаваемая беда марксизма в том, что он поссорился с Богом.

³³ С.Н. Булгаков полагал, что человек трудом своим должен искупить «свой же собственный грех изначального растления природы» [4, т. 1, 145].

Плохо, но ситуация поправимая. Плохо то, что диалектика закрыла для него простую истину: «Если ссорятся двое, то выигрывает третий». Этим «третьим» оказались дьявол и эскадрильи его бесов. Плохо то, что эта идеология загнала познание в демоническую ловушку под названием «теория отражения», которая занимается омертвлением мира! Не верите? Даем слово адепту этой теории. Русскую мысль всегда поражала какая-то врожденная слепота науки, которая не замечает того ужасающего факта, что она изучает живое, человека с точки зрения неживого, убиенного и убиваемого. Наука хочет обрести знания о жизни, но она смотрит на нее глазами Медузы-горгоны, инфицируя их вирусами смерти, активизируя в них силы саморазрушения. Научное познание раздает поцелуи смерти.

С демонической пассионарностью, с безумным восторгом эту тайну науки огласил сам Ленин: «Мы не можем представить, выразить, смерть, изобразить движение, не прервав непрерывного, не упростив, не огрубив, не разделив, не *омертвив живого*. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, *омертвление*, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия. И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» (курсив мой. — *Н.Ш.*) [5, 233]. И вся эта inferнальная муть высказана о сознании, мысли, чувствах человека; все они, оказывается, несут в себе эликсир смерти, умертвив которым познаваемые предметы, их только и можно будет изучать!

Поразительно! Кто это, «мы», занятые омертвлением живого? Если познание, сознание, мысль, ощущения омертвляют познаваемое, то какова жизненная, жизненная, а не мертвящая роль этих идеальных органов и добываемого ими знания? Зачем выдумывать искусственную смерть? И какое благо несет живым мертвечина в облике знания? Да и знание ли это — или же его призрак безобразный? А где и как должно происходить оживление мертвых, ну, хотя бы во благо догмата диалектики о единстве противоположностей?

Если познание действительно омертвляет живое, тогда сам субъект чувствует, воспринимает себя в качестве живоподобного мертвеца. Но тогда мы имеем дело не со знанием, а с черной магией, в которой смерть выше жизни и смерти. И тогда познание есть блаженное умертвление познаваемого для владыки тени смертной. И в этой «гнусеологии» Ленин видел высшую истину!

Если же познание не омертвляет предметы, а соучаствует в них как их законная сила, тогда оно становится действием самой жизни, питающей человека своими энергиями. И тогда субъект становится уже благодетелем человечества, раскрывая и творя для него смыслы. Но тогда современная наука должна поверять христианскими ценностями

истины и справедливости свои знания и цели. Христианство не случайно выступало не против денег, а против денег-капитала, ибо оно, как и хозяйство, воевало со смертью, хотя и не возражало использовать энергии смерти в благих целях.

Но если учесть, что раздвоение единого на противоречия — это принцип не только диалектики, но и лукавого, то все сходится по Ленину. Мертвое паразитирует на живом, внушая посредством диалектики простым умам, что поскольку мертвое невозможно без живого, то и живое-де никак не может обойтись без мертвечины. А в одиалектической науке мертвое посредством науки питается жизнью ничего не ведающих об этой черной магии трудовиков. Такое знание есть полунука, и новое суеверие. Как же назвать науку, которая диалектикой оправдывает не только борьбу живых существ и паразитов, но и их задушевное единство? А ведь революцию замыслил Ильич против паразитов? Или чтобы одних паразитов сменить другими? А?!

Одним из любимых изречений В.И. Ленина был стих из «Фауста»: «Теория, мой друг, сера, но вечно древо жизни зеленеет!». Любитель точности, Ленин на сей раз не заметил автора этого соблазнительного изречения. А его автор — дьявол, Мефистофель, ставший европейцем. Но пусть и дьявол, он тоже иногда верные вещи говорит. Дело в другом. Если, по Ленину, всякое познание омертвляет свой предмет, то и данное суждение тоже несет в себе дозу мертвечины, а не зелени; и тогда в духе диалектики получится, что теория зеленеет, а древо жизни мертвеет. Не так, ли? Печально, но В.И. Ленин просто не понимал того, что он хотел сказать, того, что он говорит в силу принятой им гносеологии, в которой все реалии познаются посредством смерти.

В.И. Ленин вроде не был сатанистом, хотя его дела говорят об ином. Революция 1917 г. была направлена, по идее, против капиталистов, дворян и самодержавия; но основной удар боевики нанесли по Церкви и священникам, развязав после убийства царской семьи невиданное в истории человечества кровавое побоище безоружных людей, готовых честно служить новой власти. В лице своих священников кровавое таинство дьявола принял весь русский народ! А с капиталистами Ильич уже на второй день после Революции призывал дружить, учиться торговать и управлять. А тогда зачем было уничтожать русских капиталистов и торговцев? Нет, судя по всему, Ленин был предтечей Антихриста; и вполне законно его деяния пресекла простая духовная семинария, взрастившая сакрального изгоя Кобу, который прекратил беснование вождя, а его антихристианские легионы, да и самого лукавого заставил поработать на социализм. Сталин — это исполнитель любимого Марксом и Лениным закона отрицания отрицания, когда зло злится на самого себя и поражает себя.

Нельзя безнаказанно играть даже в научный атеизм. И чем возвышенней проект, тем ужасней будет священное возмездие. Профессиональным апологетом лжи, смерти, зла может быть лишь дьявол, но не наука. Неотвратим закон этого пути: «Принявший ложь — ото лжи погибнет!». И политэкономия вместе со всем своим крыловским ансамблем наук сама станет жертвой кровавых катаклизмов своего абсурда, своего отрицания отрицания.

Философия хозяйства показывает, что науки на службе богатства неизбежно становятся всемирными аферами, в которых мошенники всех мастей поставляют народу псевдознания, псевдооткрытия, псевдокрасоту, псевдолитературу, вытесняя и заменяя собой истину, красоту, подлинную науку.

Поэтому конкретный, т. е. софийный рационализм философии хозяйства, ратуя за науку для жизни (а не за жизнь для науки), превосходит своей научностью даже самый смелый и отчаянный научный утопизм. Он спасает идеи «наука» и «теория» от «сна разума», от мертвящей пагубы интеллектуальных паразитов, скрывающихся за этими возвышенными словами.

А загнивание, паразитизм и умирание общества начались с возникновения цивилизации. Л.Г. Морган, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, Н.А. Бердяев и много других авторов давно оценили цивилизацию как гниющее, погибающее общество. В рамках цивилизации финансы, банки, власть, техника убивают созидательные силы души, ума, сознания и языка, вследствие чего общество теряет плодоносные энергии мифов, религии, метафизики, человеческого «Я». Культ денег убивает героизм и мораль; интернационализм и глобализм разрушают семьи и нации. Общество становится богаче, комфортней, т. е. более подходящим для нужд смерти, а не для продолжения жизни.

Античный мир не знал о своей гибели, а потому наслаждался жизнью, самозабвенно хозяйствуя, устраивая свои дома. Европейцы не желают умирать, зная, что их «там» никто не пощадит, как и они никого не щадили «здесь». И они ищут спасения в империализме, полагая, что в итоге откупятся от смерти, придумав Чудо-Облигацию, которой не побрезгует и смерть.

Смерть как инструмент анализа и практических инициатив занимает не последнее, далеко не последнее место в творческих исканиях В.И. Ленина. Не в силу его личной жестокости, а в силу осознанно принятого к исполнению и скрываемого им антихристианства, для которого есть лишь одно решение — «Распять!!!». Но забывают, что распинателей тоже распинают, ну, хотя бы во славу диалектического закона отрицания отрицания! Хотя, строго говоря, Голгофа — это не

только распятие Христа, но и смерти; но тайна гибели самой смерти осталась у Спасителя, а распинатели обрели ожидание вечной кары.

Софийный подход Аристотеля сумел оценить лишь С.Н. Булгаков, создав адекватный контекст исследования экономизма вместе с империализмом. «Бытие есть тяжба жизни и смерти, а хозяйство есть выражение борьбы этих двух метафизических начал — жизни и смерти. Хозяйство есть борьба со смертоносными силами князя мира сего, но способно ли оно поднять мятеж против самого этого князя? Способно ли хозяйство изгнать из мира смерть? Или, наоборот, хозяйственным путем не уврачевать сердце мира, отравленного смертью и только новым творческим актом Божества, силою Того, Кто “смертию смерть попрал”, истребит последний враг — смерть? Этот предельный вопрос мы ставим здесь как логическую грань» [4, т. 1, 85]³⁴.

С.Н. Булгаков ясно поставил вопрос о том, что если экономизм занят утилизацией сущего в пользу смерти, то хозяйство вступает со смертью в тот самый последний бой! И не беда, что оно само по себе не побеждает смерть; но оно и не сдается ей, не служит ей, а его друзьями и помощниками являются не антихристы, а силы Софии Премудрости Божьей, которая подключает к хозяйству в его войне со смертью силу Христа, умеющего побеждать смерть! Тем самым, софийность становится важнейшей детерминантой хозяйства, его смысловым навигатором на путях к Господу. София Премудрая спасает и экономизм, освобождая его от службы у смерти, поручая ему его оценивать в деньгах хозяйственные блага.

Империализм — изначально антихристианская, а не экономическая проблема. Империализм — давно желанное политическое средство антихристианского глобализма для уничтожения ненавистной ему мунус единицы. Дело в том, что существовавшие в Европе монархии не могли не служить хотя бы даже чисто внешне своему высшему владыке — Христу; и в этом плане их нужно было разрушить, чтобы на их месте создать троны для антихриста. Политически-военными средствами это не удавалось; и вот в ход были запущены боевые машины империализма, соединившего в себе экономизм и финансизм, которые

³⁴ Для С.Н. Булгакова и сама смерть суть «неестественность». «Метафизически смерть живого не только не естественна, но противоестественна, противоречива, а потому и логически недомыслима: мы не можем продумать этого понятия в силу закона противоречия, и однако эмпирически она стала законом естества, наиболее общим и глубоким. В этом противоречии загадка для мысли. Мы так привыкли к смерти, к самой идее смертной жизни, что нас уже не поражает это противоречие, которое, однако, глубже и радикальнее, нежели в таких, напр., сочетаниях, как: горячий лед, холодный зной, черная белизна и т. д.» [4, т. 2, 82].

посредством революций и сокрушили монархии. Сам империализм сакрально бесплоден. А вот антихрист заложил антихристианские заряды в социализм, в национал-социализм, в либерализм, в глобализм, в экуменизм. Для В.И. Ленина все эти проблемы были чужды, хотя для антихриста он был близкой и родной натурой, что полной мерой проявилось в его антихристианском бесновании после убийства царской семьи.

Завершается империализм созданием черной антихристианской антитроицы: «банки — государство — СМИ». Поэтому империализм — это не канун социалистической революции, а предтеча самого настоящего антихриста, ибо «человек погибели» может родиться лишь в реторте глобализма.

Во всех философских штудиях марксизма нет и намека на понимание смысла жизни человеческой: «Ну, хорошо! Допустим, что самый правильный и самый праведный социализм победит во всем мире, он выполнит все свои обещания. А ради чего жить человеку после победы коммунизма? Без ответа на этот запрос жизни сам победивший социализм вызовет суицидную карету НАТО». А дальше его дела завершат легионы антихриста.

Экономизм по сути есть антихристианский демонизм, который, провозглашает себя самой научной наукой, не становясь от этого ни метафизикой, ни даже наукой, оставаясь простым набором inferнальных заклинаний, которые после 1917 г. стали самой кровавой со времен Рождества Христова антихристианской вакханалией.

Сам ли Ленин писал свой империализм или же антихристианство умом и пером вождя расширяло свой проект вплоть до охвата монархий, которые к тому времени все еще были вне его прямого влияния? Ленин писал империализм или же антихристианство малевало кистью империализма своего Ленина, начиняя его своим умственным динамитом? И не столько Ленин изучал империализм, сколько антихрист через империализм исследовал великого безбожника, чтобы с его помощью приблизить антихристианское Празднество. Империализм ускоряет крушение экономизма и финансизма, которые решили все же воздвигнуть если не Вавилонскую башню, то хотя бы вавилонские пирамиды. Но Господь смешал уже не языки строителей, а их умы, которые строят на потеху бесенятам только виртуальные пирамиды. А философия хозяйства видит в империализме не столько грядущего антихриста, сколько рождение новой эпохи — *эпохи Хозяйства Софии Премудрости Божьей*.

К Ленину целиком применима оценка С.Н. Булгаковым Маркса. Да, Маркс посвятил свою жизнь и творчество защите тружеников, созда-

нию справедливого общества. Благородно, возвышенно такое деяние? Не правда ли?

Но в то же время зоологический атеизм Маркса разрушал все святыни в человеке и вне него. Зачем? Чтобы самому стать на их место? Или чтобы их место занял антихрист? Или есть другой сговор? Атеист Вольтер в страхе прокукарекал, что без Бога голодные крестьяне будут поедать вольтеров в сыром виде. Посему, даже если бы не было Бога, его нужно было бы придумать не только для защиты вольтеров, сколько для защиты человека от самого себя, от сидящего в нем зверя, алчущего произвола! Трудно допустить, что Маркс не понимал, какого зверя могут взрастить в человеке атеизм, революция и диктатура! Если для С.Н. Булгакова Маркс еще «загадочно и опасно двоится» [4, т. 2, 271], то для уцелевших от призрака коммунизма, Маркс уже «троится», выступая как материалист, как научник, как позитивист, как террорист, как ученый антихрист, как соблазнитель и симулянт добра и как комиссар Преисподней, причем, все в одном лице, «нераздельно и неслиянно». Такой черный прометеевский гуманизм подобает Аиду, в котором Маркс, наверное, с В.И. Лениным обсуждают уже проблемы постхристианства и постмарксизма.

Именно inferнальность экономики, которая постоянно плодит кризисы и войны, питает их людьми, управляет историей посредством этих живодерских орудий, вынудила в начале XX в. главного коновода Революции заняться изучением империализма как боевой машины для сокрушения последних христианских царств. Но это уже не история, а конспирология.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
2. Фейербах Л. Избр. фил. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1955.
3. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1964.
4. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. М., 1993.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.

Р.Т. ЗЯБЛЮК

Природа современной экономики

Аннотация. В статье выясняется сущность современной экономической системы; рассматриваются неоклассические трактовки «сме-

шанной» экономики и теория государственно-монополистического капитализма В.И. Ленина. Посредством анализа моделей совершенной конкуренции и монополии обосновывается вывод об их несоответствии современной рыночной экономики и определяются истоки их ошибочности; изучаются особенности действия некоторых основных принципов государственно-монополистического капитализма в современных условиях; анализируются причины основных поворотных пунктов в экономике России XX века; сопоставляются направления развития России и Западной Европы этого периода.

Ключевые слова: «смешанная» экономика; совершенная конкуренция; монополия; олигополия; государственно-монополистический капитализм; сущность экономики; эффективность экономики эволюционное и революционное развитие экономики.

Abstract. Nature of modern economical system is clarified; the neoclassical interpretation of «mixed» economy and the theory of state monopolistic capitalism by V.I. Lenin. Models of perfect competition and monopoly are analyzed and their discrepancy to modern market economy is demonstrated, the sources of their errors are identified. Features of some basic principles of state monopolistic capitalism in modern conditions are studied; the causes of basic turn points in Russia XX century economy are analyzed, the development directions of Russia and Western Europe at this time are compared.

Keywords: mixed economy; perfect competition; monopoly; oligopoly; State monopolistic capitalism; nature of economy; effective economy; evolutionary and revolutionary development of economy.

Под современной экономикой обычно понимают экономику развитых стран. Хотя это меньшая часть современного мира, но все-таки естественно таковой считать экономику наивысших в данный период достижений. С 1970-х гг. в экономической литературе утвердилось определение экономики развитых стран как смешанной. Собственность на средства производства в этих странах существует в частной, государственной либо частно-государственной формах. Механизм координации экономической деятельности сочетает как рыночные методы, так и централизованное регулирование. Одновременно существуют совершенная и несовершенная конкуренции. Последняя выражается разными типами рыночных структур — монополией, олигополией и монополистической конкуренцией.

Соотношения между различными формами собственности, механизмами координации, рыночными структурами количественно различаются по странам. Тем не менее со времени Великой депрессии и особенно зримо в послевоенный период наблюдается возрастание

несовершенной конкуренции и государственных форм управления экономикой. Осуществляется это циклически, волнообразно как смена политических курсов, главным образом, приватизации и национализации, происходящих в результате выборов властных органов. Тренд же этих колебаний довольно четко указывает на возрастание регулируемых процессов в экономике. Несмотря на разнообразие экономических моделей «смешения» противоположных принципов, все страны имеют единую, объединяющую этот процесс тенденцию — социализацию экономики, все возрастающее действие общественного начала над частным. Примечательно, что даже экономику США, которую общепринято считать наиболее либеральной, нередко определяют иначе. Так, Дж.К. Гелбрэйт считал современную экономику США планово-рыночной [1]. При сравнении общественных и частных принципов экономики развитых стран здесь речь идет лишь о динамике, но отнюдь не об абсолютном соотношении этих начал. Абсолютно доминируют пока рыночные принципы. Поэтому современную экономику часто называют смешанной экономикой рыночного типа.

Тезис о смешанном характере экономики развитых стран отражает некоторым образом действительность. Однако он не способен выразить суть происходящего процесса сколько-нибудь точно. Этот тезис дает возможность предполагать, что «смешение» такого рода является рукотворным результатом отбора эффективных форм хозяйствования. Такой вывод вполне логичен с позиций фундаментального неоклассического постулата о выборе наилучшей альтернативы из множества возможных, формирующего микроэкономику, макроэкономику и даже процедуры принятия политических решений (так называемый экономический империализм). Однако эти рассуждения опровергаются неоклассическим же анализом эффективности совершенной и несовершенной конкуренций. Согласно ему, эталонами эффективности в равновесном состоянии являются совершенно конкурентные производители и рынок. Монополии, олигополии содержат «мертвый груз», т. е. неиспользованные ресурсы, недопотребление и завышенные (превышающие предельные издержки) цены. Тот же самый «мертвый груз», отрицательный эффект, якобы имеет государственное регулирование экономики. Но в таком случае трудно объяснить возникновение неэффективных форм хозяйствования на фоне предшествующих им идеально эффективных. По какой причине рациональные субъекты отказались от якобы идеальной совершенной конкуренции множества мелких фирм и допустили появление неэффективных форм и институтов? В рамках мейнстрима, базовым принципом которого является методологический индивидуализм, эта проблема не имеет решения.

Между тем проблема природы экономики развитых стран решена экономической теорией еще в первой четверти XX в. В.И. Ленин на основе диалектической классической теории обобщил новые явления этого века, определив их как высшую стадию капитализма, который превратился в государственно-монополистический капитализм (ГМК). Именно в этот период интенсивно распространялись монополии, вызвавшие неизбежность централизованного регулирования экономической жизни государством.

Вывод о монополистической стадии капитализма и характеристику ее основного содержания Ленин дал в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанной в первой четверти 1916 г. Эта работа выполнена в форме популярного очерка с учетом жесткой цензуры того времени. Однако содержательно это весьма глубокий классический труд. Ему предшествовала напряженная работа по изучению, обработке фактических, статистических данных, монографической и периодической литературы, оформленная в двадцати «Тетрадах по империализму», опубликованных в 16-м томе полного собрания сочинений. В декабре 1916 г., разрабатывая теорию государства, Ленин дает общую характеристику содержания экономики. Отмечая сущность и основные черты новейшего этапа ее развития, он пишет: «Важнее всего слияние государственной буржуазной организации с экономическими организациями. Постепенно вводится *государственное* регулирование производства. Это происходит в двух важнейших формах: во-первых, путем введения *государственных монополий в области производства*... во-вторых, путем особой системы так называемых “смешанных” предприятий, где общими владельцами являются государство и экономические организации предпринимателей. То же самое происходит и в сфере *транспорта*. Введение государственных *торговых монополий*, слияние государственных и “частных” кредитных учреждений (банков), твердые цены, вмешательство государства в распределение продуктов — все это означает поглощение экономической жизни государственной организацией» [2, т. 33, 335—336]. В 1917 г. Ленин в «Послесловии» к изданию книги «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» приходит к выводу о том, что война «гигантски ускорила развитие капитализма в государственно-монополистический капитализм» [2, т. 16, 412]. Ранее, в 1911 г., в экономической литературе отмечались связи «бюрократии» с «верхами торгово-промышленной буржуазии», что В.И. Ленин отмечал как верное и ценное наблюдение. «Концентрация и интернационализация капитала гигантски растет. Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм» [2, т. 31, 449], — пишет Ленин в апреле 1917 г. Одновре-

менно с этим переходом и Первой мировой войной возникала революционная ситуация в России и в ряде стран Западной Европы. «Если не победит социализм, мир между капиталистическими государствами будет означать только перемирие, перерыв, подготовку к новой бойне народов» [2, т. 35, 169], — предупреждал В.И. Ленин в декабре 1917-го. Социалистические революции в Западной Европе потерпели поражение. Первая мировая война закончилась перемирием. Спустя всего лишь немногим более двух десятилетий капиталистические страны развязали еще более чудовищную бойню народов — Вторую мировую войну.

Объективный процесс развития в виде ГМК, прерванный войнами, но ими же и ускоренный, продолжается. В странах Запада весь XX в. наблюдается рост объемов и форм государственного регулирования экономики. Довольно часто власть получают в результате выборов социал-демократы. Процесс социализации, тенденции перехода к социальному государству являются важнейшими чертами современной реальности. Это общая черта разнообразных моделей современных развитых стран. Этот процесс происходит в рамках капитализма, непрерывно, с возвратами вспять. Государственные регуляторы усиливают развитие капитализма. Тенденция социализации также этому способствует, подчиняясь доминирующему отношению капитала и наемного труда.

Важнейшим положением теории империализма В.И. Ленина является обоснование причин возникновения и сущности монополии. Мейнстрим это не исследует, акцентируя внимание на функционировании, делая при этом ошибочные, опасные для практики хозяйствования выводы. Ленин обосновывает объективное возникновение монополии из конкуренции. Конкуренция обуславливает концентрацию и централизацию производства, которые сопровождаются его техническими и структурными изменениями. Именно конкуренция неизбежно рождает монополию (олигополию). На большой совокупности данных Ленин показывает историю этого процесса. Свободная конкуренция достигла высшей точки к 1860—1870 гг. Кризис 1873 г. подтолкнул появление картелей. После кризиса 1900—1903 гг. основой хозяйственной жизни стали картели, синдикаты и тресты. В первом двадцатилетии XX в. монополия стала «общим и основным законом современной стадии развития капитализма» [2, т. 35, 31]. Позднее появились широко распространенные в современной экономике концерны, сочетающие элементы всех предыдущих ее форм.

В неоклассике монополия понимается как одна из рыночных структур, причем доказывается ее неэффективность. Обладая властью над рынком, монополия якобы завышает цены и уменьшает объемы произ-

водства. Выводы такого рода получены сравнением параметров равновесия монополии и совершенной конкуренции — эталона эффективности. Во-первых, сравнение выполнено не корректно. Предельные издержки монополии и конкурентных предприятий предполагаются равными. Но предпосылкой выбрано то, что как раз требуется доказать. Эффективность, цены и объемы производства определяются издержками. Не могут быть равными издержки любого вида у крупного и мелкого предприятия, следовательно, у суммы последних. Это доказано А. Смитом, К. Марксом, А. Маршаллом и подтверждено практикой перехода от мелких предприятий к монополиям (олигополиям). Если устранить предпосылку о равенстве предельных издержек, то у монополий цены окажутся ниже, а объемы выпуска — больше, чем у конкурентных производителей (см.: [3, 378—380]).

Во-вторых, не безупречен выбор совершенной конкуренции в качестве эталона эффективности. Множество мелких конкурентных производителей, согласно модели совершенной конкуренции, не могут влиять на цену. Она диктуется рынком. Обладая будто бы полной информацией о рынке, производя однородный продукт, они якобы определяют равновесный выпуск производства, приравнивая предельные издержки рыночной цене. Но ведь принятые предпосылки уничтожают конкуренцию как таковую. Действительно, цена единая для всех, предельные издержки однородных продуктов многих мелких производителей равны, объемы выпуска у них также оказываются равными. Чем же они могут конкурировать? Ничем. Модель совершенной конкуренции оказывается моделью полного отсутствия конкуренции как таковой! Эта модель искажает действительность, не имея ничего общего с рыночной экономикой. В результате монополии, олигополии оказываются неэффективными структурами в сравнении с экономикой, в которой отсутствует конкуренция как таковая, например, с плановой. В таком разрезе итоги сравнения были бы верными. Заметим, что А. Маршалл в отношении эффективности монополий был более реалистичен, нежели модели мейнстрима [4, 175—194].

Рост эффективности экономики на монополистической стадии означает прогресс капитализма. Однако монополия имеет власть над рынком, т. е. над обществом и людьми. Она усиливает социальную зависимость и дифференциацию, что нельзя признать прогрессом. Поэтому монополии подвергаются критике. Распространено мнение о развитии конкуренции как способе экономической демократии, малого и среднего бизнеса как антиподов олигархии и способов снижения цен. Сюда же добавляется требование ухода государства из экономики, якобы ограничивающего свободу рынка. Это постоянно повторяют политики всех рангов, пропагандирует пресса и теоретически обосно-

вызывают неоклассические модели. В связи с этим весьма актуальной для наших дней является оценка монополий (олигополий) В.И. Лениным. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» он обстоятельно раскрыл эту проблему.

Монополия весьма противоречивое явление. С одной стороны, она осуществляет «гигантский процесс обобществления производства» и технологический рывок. Монополия уменьшила потери ресурсов, вызванные постоянными дисбалансами; ложные информационные сигналы рынка; внутриотраслевую конкуренцию; общую энтропию экономики. Она дала возможность осуществлению научно-технической и информационной революций, автоматизированному производству. С ней связано зарождение постиндустриальной техники. Все эти новшества невозможны при свободной конкуренции с небольшими предприятиями. Ленин считал монополию переходной формой, осуществляющей «новый общественный порядок, *переходный* от полной свободы конкуренции к полному обобществлению» [2, т. 33, 39]. Переход к следующему этапу развития всегда означает прогресс экономики и истории человечества. В монополии он связан с возрастанием обобществления труда, отодвинувшим предел развития экономики на основе свободной конкуренции, который достигнут к 1870-м гг., и с возникновением постиндустриальной техники. В то же время монополия способствует усилению капитализма, тормозя тем самым исторический прогресс. Она не устранила дисбалансы и кризисы. Кризисы, уничтожая слабые предприятия, усиливают монополии. Монополии в свою очередь усиливают кризисы. Неслучайно на монополистическом этапе произошли Великая депрессия, сравнимый с ней по глубине первый глобальный кризис 2008—2010 гг. Монополии произвели массовое количество основных предметов потребления, сделав их доступными для населения развитых стран, повысив жизненный уровень населения. Она же усилила деструктивные элементы, паразитизм, мошенничество. «Главные прибыли достаются “гениям финансовых проделок”. Гигантский прогресс обобществления... достается спекулянтам» [2, т. 33, 41], — отмечал Ленин. Ослабив внутриотраслевую конкуренцию, монополия усилила межотраслевую конкуренцию. Продолжением конкуренции, как отмечали Маркс, Кейнс, являются войны. Ленин также считал неизбежными империалистические войны, обусловленные хозяйственной системой на основе частной собственности. Именно при империализме произошли две мировые войны, разрушительная «холодная война», ведутся непрерывные локальные войны.

Негативные стороны монополий вызывают резкую ее критику, которая заключена и в неоклассической модели поведения монополии

(олигополий). Критика требует разукрупнения, демополизации, защиты конкуренции, развития малого бизнеса и т. п. Обычно делаются исключения для так называемых естественных монополий. Однако дело в том, что все монополии являются естественными, объективно обусловленными. Ленин называл критику империализма о возвращении назад, к «честной», «свободной» конкуренции, мещанско-реакционной. Замена такого рода означала бы исторический регресс и была бы разрушительной для экономики. Уменьшение власти монополий над обществом, доминирования ее частного интереса можно достигнуть двумя путями. Первый путь — государственное регулирование монополий. Это практикуется во всех современных развитых странах. Однако в литературе, даже в учебной, можно встретить замечание о том, что неизвестно, кто кого контролирует, учитывая финансовое могущество монополий и ограниченные доходы контролирующих чиновников. Другой путь обосновал Ленин. Им является национализация монополий. Эта кардинальная мера могла бы направить деятельность монополий на пользу всего общества, нейтрализовав ее негативные стороны и сохранив экономический потенциал. Однако осуществлено это было в результате революции в нашей стране. В современных странах это происходит фрагментарно. В целом же эта мера недопустима с точки зрения правящего класса.

Раскрытые Лениным важнейшие черты монополистического капитализма сохраняют свою действенность в современной экономике. Подчинение промышленности крупнейшим банкам, преобладание финансового капитала над всеми остальными формами капитала, вывоз капитала как форма экономического подчинения большинства стран мира несколькими развитыми странами, экономический и территориальный разлет мира между сильными капиталистическими странами. Ни один из этих признаков империализма не устарел и не исчез. С распадом колониальной системы иногда отрицают территориальный раздел мира. Однако на смену колониализма пришел неоколониализм. Причем экономический разрыв между бывшими империями и колониями постоянно усиливается. О территориальном разделе мира свидетельствуют распады стран в 1990-е гг. — СССР, Югославии, Чехословакии. Выделенные В.И. Лениным признаки империализма изменяются во времени в формах, методах, в интенсивности действий, сохраняя свою сущность. Например, в первой половине XX в. бедные страны были должниками четырех богатых стран (США, Англии, Франции, Германии). Страна-кредитор «драл две шкуры с вола»: во-первых, процент с займа; во-вторых, прибыль с того же займа, расходуемого, согласно условиям займа, на покупку товаров кредитора. В современном мире ситуация в этой сфере изменилась, казалось бы, на противо-

положную. Самыми крупными должниками в настоящее время являются США и Евросоюз. Внешний долг США в 2011 г. равнялся около 17 трлн дол., т. е. 102—103% ВВП. Тем не менее такое перераспределение ролей кредиторов-должников отнюдь не изменило положения должника в качестве лидера империализма. США и в роли должника собирают «дань» со всего мира теперь уже в виде кредитов. Капитал более слабых стран, спасаясь от неустойчивости национальных рынков, размещается в ценные бумаги сильных стран. В результате последние с превращением из кредитора в должника теперь «дерут с вола» три шкуры. Долг позволяет им развиваться в два раза быстрее, чем при его отсутствии или при вывозе капитала. Долги богатых стран мира — это отток капитала из более слабых стран, т. е. чистые потери этих стран. Отток капитала из России в 2012 г., по оценкам Минфина, составит около 70 млрд дол. (около 1/3 импорта). При этом ее внешний долг в 2011 г., по данным Росстата, равнялся 488,9 млрд дол. Из них внешний долг частного сектора составил 442,4 млрд дол. Кроме того, часть государственных резервных фондов размещается под незначительные проценты в ценные бумаги США. Это ресурсы используются в других странах, но не в России.

Работы В.И. Ленина по империализму, помимо прочего, интересны и тем, что в них содержится анализ экономики России первых двух десятилетий XX в. Эпоха империализма началась с мирового экономического кризиса 1900—1903 гг. Он был неглубоким, падение производства было 2—3%, но он охватил Европу и США и был довольно длительным. Сильнее всего он затронул Россию, так как совпал с неурожаем. Кризис, а также уничтожение Столыпиным русской общины, спасавшей крестьян в трудные годы частых неурожаев, усилили бедствия народа. Начавшийся спад в экономике усилился из-за войны с Японией 1904—1905 гг. В результате в 1905 г. произошла Первая русская революция. Затем случился мировой кризис 1907 г., а через семь лет грянула Первая мировая война. Первые кризисы XX в. подтвердили марксистскую теорию об их неизбежности при капитализме. Однако Ленин обратил внимание на то, что на стадии империализма «изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов» [2, т. 17, 21]. В экономике периода 1900—1908 гг. происходили спад и слабый рост некоторых отраслей. В 1909—1913 гг. начался весьма успешный экономический рост (9% среднегодовых), прерванный войной, двумя революциями, военной интервенцией, которая послужила детонатором гражданской войны. Этот период постоянных нарушений экономической жизни сопровождался в России ростом монополий. В 1901 г. образовался крупный синдикат «Продпаровоз», 1902 г. — металлургический синдикат «Продамет», затем «Продва-

гон», «Продуголь». В нефтяной промышленности образовались тресты, контролируемые братьями Нобелями, Рокфеллером и Ротшильдом. Табачную отрасль контролировал «Табачный трест». Железнодорожный и водный транспорт также был монополизирован.

В монополизации экономики России существенную, быть может, ведущую роль играл иностранный капитал. Этому содействовали реформы С.Ю. Витте. В канун войны в России действовало около 300 иностранных фирм. Иностранный капитал инвестировался, как и в наши дни, главным образом в сырьевые отрасли — угольную, нефтяную, металлургию и железнодорожный транспорт. Иностранный капитал контролировал российские финансы. В.И. Ленин приводит данные о том, что в 1913 г. из капиталов крупных российских банков (4 млрд р.) свыше 3/4 принадлежат заграничным капиталам, перед которыми «русские акционеры бессильны». Немецкая акционерная электрическая компания А.Е.Г. из 233 млн марок, вывезенных за границу, 62 млн марок вывезла в Россию. Керосиновый рынок был поделен между американской «Standart Oil» Рокфеллера и хозяевами русской «Бакинской нефти» Ротшильдом и Нобелем [2, т. 17, 74, 117].

Одновременно с распространением монополий увеличивалось регулирование государством российской экономики. Катализатором этого процесса служила цепь перечисленных неблагоприятных и трагических событий начала XX в. За два десятилетия государственный бюджет России вырос в три раза, причем обычно он был дефицитным. В кризисные годы государство субсидиями из госбюджета стимулировало хозяйства или спасало их от разорения, содержало казенную промышленность, в том числе железные дороги, финансировало начальное образование, госзакупки военной продукции, регулировало внешнюю торговлю, осуществляло для этих целей заимствования. К 1914 г. долг государства вырос до огромных размеров — 9 млрд р. при госбюджете в 3,1 млрд р. Экономика России приобрела вполне определенный характер государственно-монополистического капитализма. В годы Первой мировой войны вмешательство государства в экономику многократно возросло. Правительство проводило мероприятия по переводу некоторых предприятий на военные рельсы, создавало смешанные частно-государственные монополии, координировало работу военно-промышленного комплекса, электростанций, транспорта, финансировало снабжение огромной — 15-тимиллионной — армии, финансировало перемещение частной промышленности на восток — из Польши и Прибалтики. В 1916 г. правительство вводило твердые цены на хлеб и продразверстку, т. е. изъятие зерна у крестьян, устанавливало карточное распределение продовольствия. Катастрофически вырос внешний долг России при отсутствии ресурсов для его выплат.

Состояние разрушенной войной экономики к 1917 г. становилось все более плачевным. Голод и бедствия обрушились на страну. Вторая русская (февральская) революция не смогла предотвратить угрозу потери суверенитета страны и ее распада. За 17 лет Россия пережила два кризиса, 3—4 неурожайных года, две неудачных разорительных войны, три революции. На фоне угрозы потери суверенитета и распада истинным спасением для России оказалась третья революция — Великая Октябрьская социалистическая революция. Она была, как и Великая Французская революция, поистине народной. Но в отличие от Французской революции, которую совершил народ, а ее плодами воспользовалась буржуазия, плодами Октябрьской революции воспользовался народ. Совершил революцию народ России. Лидеры же на основе глубоко реалистичной марксистской теории разработали программу, направившую энергию масс в позитивное русло. Главный вывод ленинской теории империализма заключается в том, что «государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой и... социализмом *никаких промежуточных ступеней нет*» [2, т. 34, 193]. Он позволил народу сделать выбор развития страны по социалистическому пути. В правильности этого выбора убеждают факты — восстановление страны из пепла двух мировых и гражданских войн, превращение СССР во вторую великую экономическую державу мира, взлет ее народа из безграмотности в сферу высокой культуры и нравственности, ее научные достижения мирового уровня, выход первой в истории человечества в космос. Уровень жизни был скромный, значительно ниже богатых стран Запада по вполне понятным причинам. Тем не менее были забыты голод и нищета, преследовавшие Россию всю ее историю, помимо прочего, вследствие циклически повторяющихся неурожаяев, когда от голода вымирали губернии. О забытых нищих пришлось вспомнить в вернувшиеся рыночные времена. Несмотря на громадные успехи социалистического строительства, гораздо большее значение Октябрьской революции состоит в том, что она спасла Россию от неминуемой гибели.

Однако возникают сомнения в правильности выбранного Россией пути в связи с тем, что Западная Европа предпочла путь постепенных улучшений капитализма по Бернштейну — посредством реформ и компромиссов с буржуазией, отрицания революций, обеспечив в результате привлекательный образ социального благополучия. Не опровергает ли это вывод Ленина о ГМК как преддверии социализма и необходимости революции в России? Не опровергает ли гибель социализма в нашей стране и странах центральной Европы теорию империа-

лизма Ленина и в целом диалектическую классическую теорию? Нет, не опровергает ни в первом, ни во втором случае. Напротив, как ни парадоксально, упомянутые факты подтверждают теорию Ленина и Маркса.

После поражения социалистических революций в Западной Европе восстановился ГМК. В его рамках постепенно наращивались коллективные, общественные принципы. Государственное регулирование экономики к началу XXI в. приближается к 50%, в некоторых странах даже превышает этот уровень. Появляются даже термины «шведский социализм», «норвежский социализм». Это, безусловно, далеко не действительный социализм, но образы, отражающие заметную тенденцию социализации общества в недрах капитализма. Конечно, это прогрессивная тенденция. Но можно ли из этого сделать вывод о том, что поражение социалистической революции было благотворным, а тезис о ее необходимости ошибочным? Вряд ли. Постепенное «врастание в социализм» по Бернштейну — методом компромиссов — не смогло предотвратить человеческую бойню двух мировых войн. Социал-демократические правительства и по сей день охотно участвуют в локальных войнах за нефть, в бомбардировках Югославии, Ирака, Ливии, в экономическом грабеже мира, поддерживая вполне империалистическими методами свои «государства благосостояния». Человеческая бойня — это слишком большая плата за компромиссы и «постепенность врастания в социализм» Эти и другие негативные последствия движения к социализму посредством реформ возникают вследствие того, что прогрессивные изменения, реализующие общественные интересы, улучшающие положение трудящихся, укрепляют капитализм, продолжают его жизнь. Отсюда доминирование погони за прибылью в современной экономике, ради чего капитал в XXI в. идет, как и ранее, на любые преступления.

В теории Маркса и в теории империализма Ленина отсутствуют утверждения о революции как единственном способе перехода к социализму, не ставится дилемма — революция или эволюция на всеобщем уровне. В России в силу сложившихся после Первой мировой войны катастрофических условий революция была неизбежной. В.И. Ленин стал лидером русской революции, так как глубоко разобрался в сущности происходящих процессов и предложил единственное верное решение судьбы России. Дилемма решается в каждой стране индивидуально самой жизнью. Революции (восстания рабов, крестьянские войны, буржуазные революции) пережили едва ли ни все крупные страны. Они происходят не по желанию отдельных личностей, а по жестокой необходимости, двигая человеческую историю вперед.

Эволюция и революция представляют собой два способа или, точнее, две стадии развития экономики и в целом общества. Функционирование хозяйственной жизни, обычное и каждодневное, приводит к качественным изменениям в технической основе экономики, к реформированию ее институтов, организационных форм, экономических отношений с целью все более полной реализации внутреннего потенциала сущности экономики. Изменения такого рода осуществляются на этапе зрелости экономической системы. Они происходят в границах сущности данной экономической системы, не меняя ее кардинально. Напротив качественные изменения сохраняют данную сущность тем, что создают простор для ее жизнедеятельности. Изменения в пределах данной сущности можно, в действительности, назвать количественными изменениями, ибо количество есть отношение предмета к самому себе.

Изменения в пределах данной сущности характеризуют эволюционный способ, стадию развития экономики. Это постепенное, последовательное, плавное развитие. Все страны и экономические системы всегда движутся таким способом. Но не вечно. По мере приближения к абсолютной реализации возможностей системы, осуществляются не просто качественные изменения, но в той или иной форме преобразования, меняющие сущность кардинально. Это процесс возникновения новой сущности. Развитие экономики становится скачкообразным, дискретным. Это способ не реформ, но кардинальных преобразований. Рождение новой сущности, нового способа соединения производителей со средствами производства — это революционный способ развития экономики. Если предположить, что эволюция может не привести к революции, тогда на нашей планете должна бы существовать одна единственная экономическая система. Но история показывает их смену и развитие. Мы можем сделать вывод, что эволюция (развитие посредством постепенных реформ) неизбежно завершается революцией — отмиранием старых, более «нереформируемых» отношений, сменой их новыми отношениями. Революция — необходимое следствие эволюции. Всегда ли революции происходят в форме насилия? Можно ли представить себе мирный скачок в новое общество? До сих пор история на первый вопрос отвечала утвердительно (восстания, революции, войны), на второй — отрицательно. Однако история продолжает свою поступь к прогрессу человечества. Возможно, будет найдено более мягкое решение ускорения развития.

Разрушение социализма в нашей стране, ее территориальный распад — катастрофы всемирного масштаба. Однако теоретически это вполне вероятный исход. Ведь каждая экономическая система проходит три этапа своего развития. Первый этап — становление системы.

Новые производственные (экономические) отношения вначале основываются на доминирующих производительных силах предыдущей системы, существуя в недрах старых отношений в качестве переходных форм либо в виде социально-экономических укладов. На этом этапе новая система не устойчива, не стабильна, изобилует восстаниями, революциями, войнами, разного рода бифуркациями. На этапе становления новая система нередко погибает, возникая через какое-то время в той же или в другой стране. Так, в течение 200-летнего этапа мануфактурного периода капитализм возникал, а затем в разных странах неоднократно наступала реставрация монархий. Похожая ситуация произошла с социализмом в СССР. Ведь это стадия становления коммунистической системы. Второй этап — этап зрелости экономической системы. Им является этап функционирования производственных отношений на адекватных ей производительных силах. Соответствие двух сторон экономики друг другу обеспечивает ей стабильность, устойчивость и эффективность, недоступную предшествующим экономическим формам. На известном пункте экономическая система достигает абсолютной реализации всех заложенных в ней потенциалов, приближаясь к пределу своих возможностей. В этом пункте преодоление предела возможно только посредством дополнения функционирующих, но все менее эффективных форм хозяйствования, новыми формами. Третий этап — этап гибели данной системы, совпадающий по сути с этапом становления новой системы. Процесс развития экономики продолжается посредством ограничения доминирующих производственных отношений отношениями новой экономической системы. Таким образом, гибель социализма как низшей фазы коммунизма не опровергает ни теории К. Маркса, ни теории империализма В.И. Ленина. Однако вероятность разрушения новой системы на этапе ее становления отнюдь не означает обязательности этого исхода, а всего лишь его возможность. Она стала действительностью в результате кризиса управления страной, чем воспользовались наши противники в «холодной войне», одержав в ней победу.

Таким образом, природа современной «смешанной» экономики развитых стран является государственно-монополистическим капитализмом. В этом обобщении сущности экономики начала XX в., открытым В.И. Лениным, содержится итог ее полувекового развития со времен К. Маркса. Последующее столетие экономика развивается в этом же направлении, усиливая в недрах рыночного капитализма процессы обобществления и социализации, стимулируя тем самым процесс создания сложных видов техники, технологий и инфраструктуры.

Литература

1. *Гелбрэйт Дж.* Новое индустриальное общество. М., 1969.
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
3. *Зяблюк Р.Т.* Трудовая теория стоимости и полезность. М., 2001.
4. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 2. М., 1984.

П.А. ПОКРЫТАН

К вопросу о признаках империализма периода глобализации (к 95-летию выхода в свет работы В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»)

Аннотация. Работа посвящена критическому анализу признаков империализма периода глобализации. Обращается внимание на качество источниковой базы, использованной при написании работы «Империализм, как высшая стадия капитализма». Проводится сравнение работы Ленина и современных научных трудов.

Ключевые слова: признаки империализма, Ленин, глобализация, капитализм, библиография.

Abstract. Thesis is devoted a critical analysis of the features of imperialism period of globalization. Attention is paid to the quality of the source base, used when writing the work "Imperialism, as the Highest Stage of Capitalism." The comparison of the work of Lenin and modern academic works is taken place.

Keywords: features of imperialism, Lenin, globalization, capitalism, bibliography.

В новейшей истории России работа Ленина, как ни странно, не была изъята из учебного процесса по аналогии с курсом политической экономии, научным коммунизмом и т. п. В курсе истории экономических учений теория империализма основана целиком на работе Ленина, хотя отдает дань и другим известным работам в этой области. В определенной степени это обстоятельство связано с тем, что работа является классической: благодаря ей был создан новый раздел политической экономии.

Обращает на себя внимание библиография данной работы: 148 использованных книг (106 на немецком языке, 23 на французском, 17 на английском и 2 на русском); 232 статей (206 немецких, 13 француз-

ских, 13 английских), которые были размещены в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских и 8 английских). Таким образом, работа объемом 126 страниц опиралась на 380 источников, или три источника на одну страницу текста. Но главное не в количестве источников, а в качестве привлекаемой литературы: львиная доля — иностранные источники и всего два на русском языке: книга О. Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия» и книга Р. Гильфердинга «Финансовый капитал»³⁵. Если оценить соответствие объема научного труда Ленина современным аналогам, то 126 страниц, по сути, это минимальный объем кандидатской диссертации или небольшой монографии³⁶.

Возникает вопрос, можно ли сегодня найти аналоги в отечественной научной литературе — будь-то магистерская, кандидатская, докторская диссертация или монография, — где привлекалась бы литература на четырех языках в таких объемах и центральное место отводилось бы именно иностранной литературе. В лучшем случае в диссертации приводится десяток-другой источников на одном иностранном языке, часть из которых носит формальный характер. Чтобы прикрыть это положение, в кандидатской диссертации, например, в разделе «Степень разработанности проблемы» приводится обширный список авторов (до восьмидесяти), среди которых фигурируют и иностранные фамилии, естественно, переведенные на русский язык, но ссылки на работы которых собственно в работе, в списке использованной литературы, по большей части, отсутствуют. Этим списком, который в таком формате напоминает мартиролог, делается попытка повысить значимость проделанной работы.

Вместе с тем привлечение иностранных источников для научной работы в ряде случаев не только желательно, но и необходимо. Такой императив задается темой исследования. Что мог бы написать Ленин об империализме, если бы опирался исключительно на русскоязычные источники? За период 1900—1916 гг. насчитывается всего пять источников по империализму на русском языке. Конечно, оппоненты могли бы возразить, что Ленину в Женеве гораздо легче было достать литературу на иностранном языке, чем на русском. Здесь можно ответить, что и современных возможностей Интернета в то время не было, а

³⁵ Характерно, что обе работы — немецких авторов, переведенных на русский язык. Труды собственно русских авторов задействованы не были.

³⁶ Здесь мы отвлекаемся от сравнения сроков написания работы Ленина и современной диссертации, которые тоже не в пользу современных работ — три года — аспирантура и шесть месяцев — время написания работы «Империализм...».

ведь с его помощью исследователи могут привлекать литературу на иностранных языках, не выезжая из страны. Но этого не происходит.

Слабая работа с иностранными источниками, фиксирующими дальнейшую эволюцию империализма на современном этапе, по всей видимости, явилась одной из причин, не позволившей убедительно, доказательно сформулировать основные признаки империализма эпохи глобализации, предпринятые КПРФ [1]. Не вдаваясь в детальный анализ, легко заметить, что, во-первых, многие положения фактически повторяют признаки империализма, сформулированные Лениным в 1916 г., и, во-вторых, существенно нового в большинстве признаков, предложенных КПРФ, обнаружить не удалось, несмотря на то, что их количество, по сравнению с ленинскими, увеличилось на два признака. В некоторых случаях допускаются неточности. Так, в первом признаке — «окончательное порабощение капитала производственного, промышленного капиталом финансовым, спекулятивным» — недоучитывается то обстоятельство, что понятие «финансовый капитал» уже фиксирует закрепление производственного, промышленного капитала в качестве элемента финансового капитала. Возникает путаница. В данном случае необходимо говорить об окончательном подчинении банковским капиталом капитала промышленного. Но такая формулировка этого признака — не новость, поскольку Ленин в своей работе неоднократно подчеркивал существующее «господство финансового капитала» (см.: [2, т. 27, 343])³⁷. Что же означает «господство финансового капитала» если не подчинение — в редакции КПРФ «порабощение», что, в общем-то, по сути, одно и то же, если не учитывать оттенок слова, его эмоциональное наполнение. А если его учитывать, тогда вопрос новизны признака сводится к оттенку, что, на наш взгляд, совершенно недостаточно. Кроме того, вопрос «окончательности» требует доказательств, которых в силу формата работы — выступление на пленуме — нет. Но доказательства здесь, безусловно, нужны.

Представляется, что требует доказательной базы и второй признак — «превращение рыночных отношений в искусственный механизм внеэкономического принуждения, неэквивалентного обмена и ограбления целых стран и народов». В части «ограбления» этот признак не вызывает возражений, но, если рассматривать неэквивалентный обмен как всеобщие для глобализма отношения, тогда придется от марксизма отказаться, поскольку Маркс предполагал возможности неэквивалентного обмена при капитализме на первых стадиях его развития, пока он еще не встал на собственные ноги, по выражению Броделя, «был в гос-

³⁷ «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала...» [2, т. 27, 387].

тях», а не «у себя дома». В этих условиях прибыль рассматривалась как результат надувательства, неэквивалентного обмена. Но заслуга Маркса в том, что при рассмотрении собственно капиталистического производства, где действует производительная форма промышленного капитала, он, вслед за Смитом, в принципе исключил обман, или неэквивалентный обмен³⁸. Если бы он исходил из последнего как всеобщего отношения, тогда никакой «тайны» прибавочной стоимости не существовало бы. Поэтому, если во втором признаке не указать границ неэквивалентного обмена, то будет неточно — капитализм эпохи глобализма будет сведен к домануфактурным временам, в которых ему также были присущи внеэкономическое принуждение и неэквивалентный обмен.

Из третьего признака — «установление глобальной модели “международного разделения труда”, закрепляющей вопиющее социальное неравенство в планетарных масштабах» — необходимо удалить слово «глобальный», поскольку возникает тавтология: империализм эпохи глобализации устанавливает... глобальную модель.

Четвертый и пятый признаки напоминают высказывание Ленина начала XX в. о том, что ни одно серьезное решение не принимается правительством, парламентом. Они все принимаются на биржах, в советах директоров. Пятый признак — «утрата национальными правительствами контроля над процессами в мировой экономике...» — сразу вызывает вопрос: а что — национальные правительства в период капитализма когда-то контролировали процессы в мировой экономике? На наш взгляд, это прерогатива наднациональных, международных структур, так называемого мирового правительства. Более того, если обратиться к значению слова «контроль», то в русском языке оно означает проверку, а также наблюдение с целью проверки. Что имеется в виду под «проверкой процессов в мировой экономике» национальными правительствами — совершенно непонятно. Или этот признак предлагает правительству России проверить, происходит ли кризис в мировой экономике? Если да, то на этот счет у него в арсенале существуют статистическое ведомство, министерства и т. п. Если предположения неверны, тогда нужно объяснить, что имеется в виду.

Что касается шестого признака — «информационно-культурная экспансия как форма агрессии. Духовная унификация на самом примитивном уровне. Искоренение национальной самобытности стран и народов», то фактически о нем говорилось еще в Манифесте Коммунистической партии: «Под страхом гибели заставляет она все нации

³⁸ Это, конечно, не исключает хищнической природы капитализма, который при всяком удобном случае не прочь пограбить тех, кто слабее.

принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию» [3, 29].

Ничего нового нет и в седьмом признаке — «паразитизм транснационального капитала. Присвоение им выгод от внедрения высоких технологий при нищете остального мира. Загнивание и качественное торможение научно-технического прогресса», если учитывать существование восьмой главы «Паразитизм и загнивание капитализма» в работе Ленина, понимая при этом, что речь идет о капитализме периода империализма, а транснациональные корпорации, оперирующие транснациональным капиталом, это всего лишь современная форма монополий, кстати сказать, не единственная. Вся новизна данного признака в том, что капитализм сводится к одной из форм движения капитала — транснациональному капиталу. Не отрицая того, что эта форма действительно важна, нельзя игнорировать и другие.

В общем и целом новизна признаков империализма периода глобализма вызывает сомнения. Это, разумеется, не означает, что развитие империализма в XX в. не привнесло ничего нового. Со времени написания работы Ленина прошло 95 лет, а ведь в его работе подытоживался исторический период продолжительностью 50 лет: с момента выхода в свет первого тома «Капитала» (1867), когда монополий еще не было, до 1916 г., когда они уже определяли экономическую жизнь мира. И пять признаков империализма действительно определяли новизну этого этапа капитализма, его противоречивый переходный характер. Что же действительно нового произошло за 95 лет с капитализмом в процессе его эволюции? Какие новые признаки появились? Почему из старого перечня выпали признаки войн и вывоза капитала? Ленин, раскрывая теоретические ошибки Гильфердинга, одной из наиболее серьезных считал «почти полное игнорирование раздела мира» [4, 7]. Неужели они остались в том же формате, что и 95 лет назад? Или «холодная война» не является особой формой войны? В последнем вопросе опыт распада СССР и появление современной России дают яркие иллюстрации к исследованию вопроса о его специфике в современных условиях. Все эти вопросы ждут своего исследователя, которому в значительной степени поможет книга Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

Литература

1. Правда. 2012. 30—31 окт.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., 1980.
4. *Леонтьев Л.* Предисловие // Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 1959.

И.И. РУДЯК

Ступени многомерной глобализации в монтажном историческом времени: от Ленина — через наносферу и ноосферу — до Булгакова

Аннотация. Данная статья представляет собою междисциплинарный анализ исторически последовательных работ: «Империализм, как высшая стадия капитализма» В.И. Ленина и «Философия хозяйства» С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: многомерная глобализация, монтажная история.

Abstract. This communication is between subject analysis of way from Lenin to Bulgakov.

Keywords: many-dimensional globalization, montage history.

1. *Академизм доктора Уотсона и конструктивизм Шерлока Холмса.* Работа В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 — 1917) обычно при прочтении большинством читателей воспринимается адекватно. Работа же С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» (1910 — 1917) зачастую при прочтении ее некоторыми людьми особого склада (которых мы сейчас «разделаем под орех») понимается по-своему, а вовсе не адекватно. «Это было исключительное событие... это “открытие” грозило немалыми проблемами для ставших уже обыденными политической экономии и научной (позитивной) философии... ибо Булгаков не столько просветил и убедил коллег по научно-экономическому цеху, сколько смутил и озадачил...» [1, 9—10]. Однако при прочтении данных текстов нам совсем не следует забывать, что изначально Булгаков был «легальным марксистом»: это позволяет нам поискать нечто общее в заданных работах Ленина и Булгакова — этих необыкновенно разных марксистов. Сам факт единой линии развития темы глобализации в этих работах столь разных по сути авторов — однозначен и совсем не требует подтверждения. Однако, помимо Шерлока Холмса, который как внук художника на самом деле мыслил «единым взглядом», существует еще и

обыденно-позитивный доктор Уотсон, который понимает лишь пошаговые объяснения Холмса. И каждый раз, объясняя столь простые истины непроторному разуму своего биографа-солдафона, Холмскрипач предваряет основную идею конструктивизма (а также психоанализа), извлекая из психологических недр наружу внутреннюю структуру своего мгновенного озарения. Точно так же и мы попробуем органично вписать «Философию хозяйства» (которой за последние 100 лет хронически не везло) в классические социальные рамки науки «академической», что необходимо именно для блага самой науки. «Философско-хозяйственный прорыв Булгакова не оценен по достоинству ни политэкономами, ни философами, ни богословами... И судьей здесь не научные, философские или даже богословские истины-догматы, а сама реальность... философию хозяйства нельзя менторски преподнести и легко ученически усвоить... Не истина... а булгаковское движение к истине... как первый достаточно за это первенство пострадал... от догматического критицизма... Булгаков-творец... остался в одиночестве... ибо булгаковская мысль за пределами обыденности...» [1, 13—15].

2. *Авангард и историческое время как самостоятельное явление.* Исходя из времени появления взаимные отношения двух работ подпадают под законы исторического существования Авангарда, о которых пишет В.С. Турчин [2]. Турчин считает, что в начале XX в. в суждениях об Авангарде явно преобладает тенденция сокращения сроков существования отдельных стилевых направлений, что и позволяет предоставить стройную историческую последовательность («монтажная история») быстрой логичной смены этих якобы противоборствующих стилевых направлений. А вот в реальности (по представлениям Турчина) различные стилевые авангардные направления мирно сосуществуют («история в астрономическом времени») и развиваются фактически параллельно (да к тому же еще и скрещиваются, подобно молодым здоровым животным). В подобном смысле (как научные произведения Авангарда) данные работы Ленина и Булгакова (пребывающие в исторических рамках «между марксизмом и глобализмом») в рамках именно астрономического времени обретаются совместно и параллельно. Однако (только в «ракурсе рассмотрения» мировой проблемы глобализации) в то же самое время они являются также и конечными рамочными позициями: начальной и конечной точками одного и того же многоступенчатого исторического процесса.

Мы видим, что сегодня встает вопрос о самой природе «исторического времени» как самостоятельного явления, которое столь очевидно совсем не совпадает с астрономическим. По собственному осевому вектору протекания историческое время не только может претерпеть

логическую перекомбинацию дат исторических обстоятельств, но также может и расслоиться на отдельные процессуальные параллели, где в каждой «исторической жиле» самостоятельного исторического процесса время протекает с различной скоростью. При этом разноскоростные жилы в «пучке истории» в астрономическом времени друг с другом, конечно, соприкасаются (Турчин). Однако в рамках исторического процесса (из-за разной скорости течения исторического времени в каждой жиле) разные эстетические направления, как и разные научные произведения, созданные в одну и ту же эпоху — логически выстраиваются в дискурсивную синтаксическую последовательность, создавая как многоступенчатую, так и «многожильную историческую структуру». «Эйзенштейн всегда подчеркивал, что фильм обычно организован через изменение узора разнообразий в его развивающихся образах — как скрытое движение, которое может возникнуть в процессе связи между настоящими движениями: как динамики статических образов» [3, 10—11].

2. *Двумерно сложное монтажное историческое время.* Разные скорости протекания различных параллельных процессов в единой реке истории заносит одновременно возникшие факты (как «сорвавшиеся фрагменты») «исторического среза» в одной конкретной точке осевого времени Ясперса (где на каждом «историческом срезе» явственно проступает исторически индивидуальный «узор событий») — в различные эпохи на временном астрономическом векторе. Из подобных исторических фактов (т. е. фрагментов) и монтируются жилы (с «монтажным временем») протекания вполне конкретных процессов (история авангардной живописи, история глобализации, история кораблей). При этом в рамках пучка истории разные фрагменты, которые локализируются в различных исторических жилах, могут ассоциативно перекликаться со своими формальными историческими аналогами. Вот так сплетается монтажная история с ее «двумерно сложным» (как в рамках исторических жил, так и между этими жилами) монтажным историческим временем (таково же и двумерно сложное время в киномонтаже Эйзенштейна, что и делает его исторические фильмы суперреалистическими). Мы видим: одновременно правы — и Турчин, и первичные теоретики Авангарда: потому что сложность самой истории чудовищно велика, а трактовка — неоднозначна.

3. *Фантастический империализм и историческое застревание.* Истории известны также и такие «исторические фрагменты», которые в астрономическом времени застревают. Так, например, Москва (по мнению Щедровицкого) есть одномоментно (как стили Авангарда, по представлениям Турчина) — три исторически разных города: царская, купеческая, историческая; сталинская, индустриальная, советская;

банковская, корпоративная, инновационная (другие мегаполисы, словно стили Авангарда у его прижизненных теоретиков, прошли соответствующие этапы друг за другом, исторически постепенно). Сегодня ясно, что известная песня «День за днем идут года / Зори новых поколений... / Ленин всегда живой...» является не плакатом, как полагали люди в астрономический момент ее появления, а документальным фактом, подтверждающим «историческое застревание» империализма как конкретного исторического явления. Поэтому известная работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» спустя 100 лет оказалась буквально калькой всех процессов современного общества (чего не ожидал, наверное, и автор столь счастливой работы). Рассмотрим основные положения (и при этом в сравнении с современностью) ленинской работы в алфавитном порядке.

Глобальная деревня. Маркс считает, что конкуренция, в норме характерная для эпохи раннего капитализма, эволюционно приводит к концентрации производства в гигантские самодержавные монополии. В своей работе Ленин пишет об империализме как о монополистическом капитализме, появившемся в результате концентрации первичного буржуазного производства в мощные империалистические монополии. И вот уже густая сеть каналов основных монополий оплетает весь белый свет. Сегодня мир действительно опутан общемировыми сетями брендов («Макдональдс», «Майкрософт», «Сони»). При этом возросли как глобализованность, так и мировая активность коммуникаций, так что мир (по представлениям Маклюэна) действительно является «глобальной деревней», в которой, как в «стеклянном доме», всем и все обо всех известно.

Загадочная Перестройка. В своей работе Ленин пишет, что империализм есть особая стадия капитализма (практически без общепринятой конкуренции). А позже горбачевская Перестройка явила нам пример «эклетического капитализма», в котором (как три города в Москве Щедровицкого) сохранились черты и периода первоначального накопления (челноки), и периода империализма (откаты и физическое устранение конкурентов) с его развеселыми олигархами («фантастический империализм»). Вероятно, так произошло потому, что (вопреки идее Ленина) империализм в России вовсе не был настоящим кануном социалистической революции. Скорее, сам социализм был всего лишь «исторической заплатой» на логически уместном империализме: поэтому у нас и сохранились все былые капиталистические и империалистические черты.

Загнивающий Постмодерн. В своей работе Ленин пишет о неравномерности развития и паразитизме империализма как такового, о его застое и загнивании. Особенно опасны в этом смысле рантье (так

Гобсон пишет, что в Англии в 1893 г. доход рантье в пять раз превышает доход от внешней торговли). Современная глобальная экономика успешно функционирует, только опираясь на разность потенциалов, которая существует между «золотым миллиардом» (плод неравномерности развития) и «третьим миром» (заменитель колоний с дешевой рабочей силой). А что касается совсем уж очевидных паразитизма, застоя и загнивания, то реклама (ведь «нетрудовые доходы» рекламы чрезвычайно похожи на такие же нетрудовые доходы рантье), в каком-то смысле подменяя собою производство как таковое, безусловно является паразитом на теле любого из ее потребителей. Поэтому не удивительно, что подобная патология вырождения во всей своей красе демонстрируется на каждой из выставок Постмодерна.

Общепланетарная палимпсест. Каутский (с которым Шариков не согласен совсем напрасно) пишет, что при империализме существует общая эксплуатация всего мира единым интернациональным финансовым организмом. В своей работе Ленин говорит о переделе уже разделенного мира между основными цивилизованными державами, а также о разделе мира между союзами капиталистов как самостоятельными (как бы не привязанными прочно к одному конкретному государству) объектами. При этом «карта мира транснациональных корпораций», разумеется, существенно отличается от обычной, политической, карты мира с ее вполне конкретными государствами. Мы видим, что мир, словно палимпсест, стал в структурном смысле двуслойным: слой глобальной экономики разлегся, словно деревенский кот на печи, на обиженном слое политики разрозненных государств (так арабские купцы свободно торговали все с теми же крестоносцами, не теряя связи даже на время битвы). И при этом, разумеется (если мы верим Марксу), слой экономический (транснациональные корпорации) именно собою и определяет слой политический (прогнущиеся под эти корпорации государства). В подобном смысле «базис» Маркса, т. е. внутренняя структура (каковой, по Марксу, и является экономика) — выбрался наружу, подобно разорвавшей служебную цепь собаке, и взгромоздился на политику как «надстройку», словно это происходит в рамках Авангарда, в конструктивизме.

Финансовая виртуальность. Еще в 1902 г. в книге «Империализм» Гобсон пишет, что при империализме финансовые интересы господствуют над торговыми. В своей работе Ленин говорит о новой роли банков, о слиянии банковского капитала с промышленным и создании финансового капитала, о преобладании финансизма над обычной торговлей, о преобладании вывоза капитала из великих держав над вывозом товаров на рынки сбыта, о создании плутократической финансовой олигархии. Сегодня финансизм нам известен вовсе не понаслыш-

ке, наши олигархи вовсю бузят на бескрайних европейских просторах, производство из держав в массовом порядке вывозится в страны с дешевой рабочей силой, но главное — везде ощущается глобальное проявление виртуальности как высшего проявления финансизма (от «финансизма денег» — к «финансизму товаров», и далее — к компьютерному финансизму «существования»). Поэтому, пока виртуальность полностью не исчерпает себя в истории, нечего и надеяться, что эпоха финансизма вдруг окажется завершенной.

3. *Одномерная глобализация Ленина и кануны.* Ленин полагает, что, рассматривая проблему империализма, Каутский отрывает экономику от политики. Поэтому трактовку Каутского Ленин считает хотя и верной, однако крайне неполной. Сам Ленин полагает, что империализм увязан как с политикой, так и с экономикой (т. е. пребывает на пятом, социальном, уровне развития материи). Однако Ленин вовсе не выходит из плоскости (как это делает Энгельс), за пятый уровень развития материи: т. е. он совсем не учитывает антропологического производственного воздействия на природу. Такой поверхностный подход и делает теорию Ленина маргинальной, что и приводит его к ошибке (проблема места империализма в истории) по поводу «кануна социалистической революции». Сегодня, поскользнувшись на арбузной корке отходов мощного глобального производства, ленинский «империализм как одномерная глобализация» («маргинальная глобализация») приходит вовсе не к «кануну социалистической революции», а всего лишь к возведению своей глобальной сущности в степень, к «кануну производства на наноуровне» (которое локализуется в микромире), т. е. к вторичной двумерной глобализации. Конечно, если мы рассматриваем историю только как нагромождение в астрономическом времени физически реальных событий, то тогда империализм есть действительно канун социалистической революции... и это оставляет без объяснений падение в России государства социализма. А вот в логической монтажной истории империализм есть канун глобального наносферизма как промышленного производства на уровне микромира. Действительно, когда весь макромир уже захвачен «экстенсивной глобализацией», то на следующем этапе «интенсивная глобализация», конечно, отправляется в микромир. Именно поэтому исторически мы сегодня вновь вернулись к империализму.

4. *Двумерная глобализация и ось симметрии пятого порядка.* Двумерная глобализация («соприродная глобализация») есть единственное спасение угнетенного промышленными отходами человечества. Декартова двумерность современной глобализации появляется в результате ее перпендикулярного погружения как в четвертый, биологический, так и во второй, химический, уровень развития материи. На са-

мом деле речь здесь идет о том, чтобы технику и промышленность вмонтировать в природу именно органически, т. е. без опасных разрывов между разными уровнями развития материи (вертикальный монтаж Эйзенштейна). Однако в материи макромира есть один естественнонаучный запрет на органическое единство техники и природы, который связан с симметрией в классических кристаллах (а многие из твердых тел макромира имеют именно кристаллическую природу). Все дело в том, что любому классическому кристаллу свойственна ротационная, или трансляционная, симметрия, которая предполагает заполнение всего конкретного пространства кристалла соответствующей структурой — без всяких пропусков, целиком. Для классического кристалла (и здесь речь идет о числе осей симметрии) возможна только симметрия I, II, III, IV и VI порядков. А вот ротационная, или трансляционная, симметрия — симметрия V порядка (симметрия VI порядка существует лишь у квазикристаллов), и симметрия свыше VI порядка для классических кристаллов решительно невозможна (потому что возникнут пропуски). Мы видим, что на макроуровне есть фундаментальное различие между неживой материей и живой материей: ведь цветы, морские звезды и другие биологические объекты самых разных масштабов имеют пятилучевую симметрию довольно часто.

Однако симметрия V порядка есть отличительное свойство не только живой материи, но также и наносферы. Погружаясь в микромир по масштабным слоям материи, где уменьшение размеров наблюдаемого объекта изменяет и тип возможной для него симметрии, экономически производящее человечество способно выстроить то органическое единство живой природы и антропогенной производственной техники, которое невнятно предвидел еще Аполлон Григорьев. Экологическая потребность в глобальном переносе всего экономического производства на уровень микромира на самом деле и является той причиной, которая явила миру сегодняшнюю наносферную революцию. Появление наносферы есть «канун ноосферной эпохи», канун трехмерной глобализации.

5. *Трехмерная глобализация и Вернадский: от наносферы до ноосферы.* Наносферная эпоха двумерной глобализации исторически пока еще, конечно, не наступила: поэтому и ноосферная эпоха трехмерной глобализации («антропологическая глобализация») будет располагаться гораздо дальше в историческом будущем, нежели биография ее автора, т. е. Вернадского в астрономическом времени. Выражаясь словами Ю.М. Осипова о С.Н. Булгакове, мы скажем, что Вернадский, «...желая внести в человеческое хозяйство высший... критерий... с соблюдением природной... меры...», протягивает еще одно, антропологическое измерение сквозь общепланетную сетку глобали-

зации [1, 12]. С введением Вернадским значимого антропологического критерия в промышленное производство на субстрате земной природы явилась человечеству интеллектуально, экологически и этически приемлемая трехмерная глобализация (промышленность, природа и человек). Введение антропологического фактора в реальное материальное промышленное производство является «кануном философско-хозяйственной эпохи», т. е. переходом к миру Булгакова как к четырехмерной глобализации. «Основной вопрос, который не исследовался... является ли хозяйство функцией человека или же человек есть функция хозяйства? Вековечная загадка о человеке... не находит себе должного внимания ни среди философов, ни среди экономистов... Объяснения этому надлежит... искать во взаимном недоверии и отчужденности между философией и наукой, особенно экономической...» [4, 302].

б. *Четырехмерная глобализация и Булгаков: философия хозяйства.* И вот мы, наконец, добрались к тому Булгакову, который встроен на самом деле в ветвистое древо исторического развития — и расположен на этом древе (и к тому же в историческом времени) именно после Вернадского как ученого (хотя Булгаков вовсе не расположен в астрономическом времени там же, где в историческом). «Булгаков выступил... желая внести в человеческое хозяйство высший — иномирный — критерий... ведущий человека трудящегося и творящего философийному — с соблюдением природной и сакральной меры...» [1, 12]. Булгаков, претерпевший те «сто лет одиночества», на которые его обрекли именно те ученые, которые не понимают разницу течения исторического времени и астрономического времени, сегодня, наконец, выходит из ложной тени, становясь в социальном смысле академически приемлемым и обычным, при этом становясь в интеллектуальном смысле все более гениальным и необычным. «...Ломаются старые перегородки, прежде герметически разгораживавшие разные области мысли, и изменяются границы их территорий. В этой смене отношений и границ... находит свое оправдание и отстаивает права на “академическое” существование и настоящая работа...» [4, 301—302]. Суть междисциплинарности Булгакова именно такова, что он вводит измерение Бога в качестве дополнительного фактора в трехмерную глобализацию Вернадского (эпоха которого еще исторически не настала), создавая тем самым собственную, четырехмерную, глобализацию («трансцендентальная глобализация»), что, конечно, соответствует вовсе не застарелым научным догмам, а самой живой и трансцендентальной реальности. «Понятие трансцендентального субъекта хозяйства есть поэтому лишь особое, приуроченное к проблеме эконо-

мизма, выражение той идеи, которая с древности известна философии...» [4, 303].

7. *История живописи как модель истории экономики.* Высказав идею о научно-исторической преемственности Ленина и Булгакова как ученых именно с точки зрения содержания, мы теперь попробуем высказать о них то же самое, но только с точки зрения формы. Учение о форме как о философско-эстетической категории предполагает, что в живой реальности жизни имеют место общие модели, подходящие для совершенно разных процессов. Так, например, модель импрессионизма существует не только в рамках живописи, но также и в рамках музыки. Теперь рассмотрим параллели, существующие между историей изобразительного искусства и историей экономики. Сухая графика процарапанных на скалах петроглифов похожа на сухие хозяйственные расчеты их авторов-троглодитов. В подобном смысле и сегодня экономика в чистом виде с ее сухими математическими расчетами (которые напоминают школьные арифметические примеры) похожа на «Черный квадрат» Малевича (как выразился бы Ленин, коммунизм есть повторение на спирали первобытного строя, но только на новом уровне). Классическая живопись с ее графической прорисовкой контуров и структуры, которые впоследствии облагораживаются и наполняются сочным цветом, подобно саду в пору плодоношения, вполне сравнима с «антропологически ориентированной экономикой» (от Адама Смита до Карла Маркса, который даже в «Капитале» затронул тему деторождения). Тем не менее, классическая живопись все же не чурается скучных цифр (и поэтому похожа на арифметические задачи о количестве красных яблок). Письмо же цветом (т. е. живопись без употребления графики), первым из течений которого был импрессионизм с его потоком света и цвета, делает понятным также и «импрессионизм в экономике» — с его Булгаковым («цветущая сложность»), который пишет об «экономическом познании мира» в Боге (также без употребления скучных цифр). Мы видим, что учение Булгакова представляет собою исторически естественное учение (точно так, как алгебра есть естественное продолжение арифметики, хотя в ней и не говорится ни о таблице умножения, ни о количестве красных яблок).

8. *История стилей и лента Мебиуса как пищевая цепочка.* С точки зрения истории стилей XX в. представляет собой историю движения от Конструктивизма до Постмодерна. В подобном смысле и работа Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» [5] также представляет собою историю движения от Конструктивизма (транснациональные корпорации) до Постмодерна (паразитизм и загнивание). Поэтому, пока паразитический и загнивающий Постмодерн себя не изживет в ходе исторического развития, будет продолжаться эпоха Ленина,

в которой мы живем — эпоха одномерной глобализации. Империалистический «социальный конструктивизм» (который существует даже сейчас) вынес на поверхность политики экономику, т. е. ее внутреннюю структуру (Центр Помпиду в Париже), в эпоху же Постмодерна финансовая транснациональная экономика из внешней структуры превратилась в маргинальную пленку, в фантик, внутри которого нет конфеты (фильм «Сережа»). Сегодня пребывает (как поется в известной песне) не «Ленин в тебе и во мне» (акция в галерее «Дар»), а мы пребываем в Ленине (Маяковский: «Я себя под Лениным чищу»), вернее пребываем в описанной им эпохе.

Однако Ленин, хотя он и не верил в «пищу из лабораторий», сам превратился в пищу для художников Постмодерна (акция в галерее «Дар»). В каком-то смысле это вполне серьезно, потому что для Постмодерна реальная жизнь зачастую равна искусству. Как сказано в известном фильме «Анжелика и король» о страшной и мучительной казни, «спектакулюм» — это «то, что привлекает публику», поэтому и пребывание Ленина в Мавзолее в эпоху Постмодерна, который допускает произведения искусства из мертвых человеческих тел, рассматривается как демонстрация произведения искусства. Мы видим ленту Мебиуса современных отношений Ленина народа: и Ленин пребывает в людях Постмодерна в качестве обеда, персонажа или цитаты, и люди Постмодерна (что соответствует учению Бахтина) пребывают в «вечно живом» Ленине-авторе в качестве персонажей его работы «Империализм, как высшая стадия капитализма».

9. *Интертекст как передержка неприкаянных авторов.* Описывая собственное поэтическое творчество, Пушкин признается, что его идеи приходят к нему с небес. Однако если каждое произведение человеческого ума приходит к нам из общего метафизического информационного поля, то принадлежит оно вовсе не астрономическому (как земному и диалектическому) времени написания, а (небесному и метафизическому) «времени исторического востребования» — когда оно понадобится в качестве звена в логической цепочке развития одного конкретного (и вмонтированного в историю в виде жилы) процесса. Из-за расслоения осевого времени на астрономическое время (личная биография автора) и историческое время (востребование данного произведения) — лучшие произведения «ранних авторов», выпавшие из пребывающих в астрономическом времени авторских биографий («неприкаянный автор»), в качестве диффузных цитат скопились в броуновском омуте интертекста: отсюда и Постмодерн как стиль неприкаянных ранних авторов. «Разбросанным в пыли по магазинам, / Где их никто не брал и не берет, / Моим стихам, как старым винам, / Настанет свой черед» (М.И. Цветаева). И вот, когда настанет подходящий мо-

мент — и в рамках исторического времени (существующего в виде «системы жил») смонтируется из произведений-фрагментов (как сюжет монтажного фильма) логика развития конкретного заданного процесса, тогда и каждый автор как автор попадет на свое логически законное место, как и писали (Турчин) «прижизненные теоретики» Авангарда. Поэтому Н.Я. Эйдельман назвал свои лекции на ВРК (1984) «История как сюжет» («структурированная история», «метафизическая история») [6].

10. *Мавзолей как филиал интертекста и Ленин как цитата Постмодерна.* Пока суть да дело, все «застрявшие авторы» (типа Ленина) также обретаются в интертексте. И каждый раз Постмодерн набирает свои цитаты из интертекста. Так, телевизионный сюжет-мистификация «Ленин — гриб» (авторы: музыкант Сергей Курехин и журналист Сергей Шолохов) был продемонстрирован в передаче «Пятое колесо» (Ленинград) 17 мая 1991 г. А акция «Ленин в тебе и во мне», или «Мавзолей. Ритуальная модель» (авторы: художники Юрий Шабельников и Юрий Фесенко) состоялась в московской галерее «Дар» 30 марта 1998 г. В данном случае под объективами телекамер торт в виде трупа Ленина жадно пожирала публика Постмодерна (так в фильме «Блоу ап» каждый из поклонников отламывал кусочек звездной гитары). Однако и до сих пор артистическая публика Постмодерна все еще не наелась. Поэтому и сегодня в разных московских кондитерских все еще можно заказать торт «Ленин в гробу» всего за 1500 дол. (помимо этого существует также и немало доморощенных подражателей). В конце концов в 2007 г. Ольга Лопухина включила документацию акции в «Даре» в свою выставку «Это не еда». В общем, как мог бы написать Маркс, первая смерть Ленина была народной трагедией, а вторая как пожирание его образа стала артистическим фарсом. Мы видим, что Ленина наши современники плотно встроили в Постмодерн. Будучи одной из его цитат, Ленин сохраняется в Мавзолее — как в метафизическом интертексте, убереженный всеми силами медицины от описанного им же диалектического «загнивания» фантастического империализма современной России (точно так же из-за отсутствия биологической конкуренции как внутренней структуры естественного отбора происходит и генетическое загнивание биологического вида гомо сапиенс). Как Ленина сегодня ни пожирай, но все же, как поется в известной песне, «Ленин — всегда живой!».

11. *Метонимическая история и логическая история.* История в астрономическом времени, построенная на близости случайных относительно друг друга событий, есть «метонимическая история» (основанная на описанной Леви-Строссом метонимической логике первобытных) как логически неструктурированный общечеловеческим ра-

зумом естественный «поток жизни», события в котором ассоциативно (как формальные резонансы посторонних относительно друг друга событий, законно пребывающих в логических рядах различных исторических жил) возникают только в человеческой голове. Такой «ассоциативный узор» истории, переживаемый одним конкретным человеком в течение его жизни, воспринимается как судьба «...через изменение узора разнообразий...» [3, 10—11]. Монтажная история одного конкретного исторического явления (художественных стилей, кораблей или типов глобализации) представляет собою логическую, дискурсивную, синтаксическую последовательность тех метонимически отдельных исторических фактов, каждый из которых в рамках исторического процесса по законам логики вытекает из предыдущего. Абсолютная совокупность всех возможных исторических жил и составляет единую монтажную общечеловеческую историю.

В рамках отрефлексирующей наукой общечеловеческой монтажной истории некоторые конкретные события истории в астрономическом времени могут поменяться местами на векторе протекания конкретного исторического процесса в рамках индивидуальной исторической жилы. Интереснейшему примеру подобной «исторической перекombинации» в рамках литературы затянувшегося русского Авангарда и посвящена работа Н.Н. Ростовской «Концепт антропологического хаоса в двух философских манифестах России XX века». «...Два произведения, которые невозможно рассматривать в отрыве друг от друга. Это новелла 1930 г. Сигизмунда Кржижановского “Красный снег” и рассказ-исповедь 1938 г. Георгия Иванова “Распад атома”... эти тексты параллельны друг другу на метафизическом уровне... “Красный снег” есть развитие, контрапункт логики, положенной в основу “Распада атома”. Оба произведения суть два философских манифеста...» [7, 253]. В подобном смысле и научный труд «Философия хозяйства» Булгакова исторически вытекает из статьи «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленина.

12. *Паруса и кринолины: химико-биологическая модель истории.* Известно, что в истории в рамках любого стиля разнотипные объекты имеют общий модуль абриса и структуры. Так в XVIII в. паруса и кринолины имеют сходные по «стилевому модулю» геометрические лекала. Точно так же и модель развития химии и истории является в сфере формы одной и той же. В подобном смысле и «монтажная жила» одного конкретного исторического процесса похожа на состоящую из самостоятельных неорганических блоков монтажную фрагментированную органическую молекулу. В качестве гипотезы сегодня существует предположение, что на юной Земле в процессе зарождения жизни (а именно в воде как в жидком субстрате) неживые органические моле-

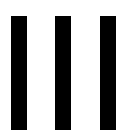
кулы перемешивались, взаимодействовали, вступали в сложные химические реакции (Турчин о взаимном скрещивании разных стилевых направлений Авангарда), создавая уже свойственные именно организмам живые органические молекулы. Точно так же (по принципу модной ныне «синтетической биологии») и «живая история» (в органическом стиле Аполлона Григорьева) путем (как у Эйзенштейна) двумерного монтажа (в исторических жилах и между историческими жилами) составляется во времени из отдельных неживых монтажных процессов — «...как скрытое движение, которое может возникнуть в процессе связи между настоящими движениями...» [3, 10—11]. При этом время в каждой исторической жиле протекает с различной скоростью (точно так же, как с точки зрения теории относительности время внутри ракеты, несущейся почти со скоростью света, и время на планете Земля протекают с различной скоростью), поэтому «пучок монтажной истории» в некотором смысле представляет собою систему четырехмерную, что и предоставляет подходящий субстрат для осуществления булгаковской четырехмерной глобализации.

13. *Исторические представители и расслоение осевого времени.* Сегодня, наконец, мы приходим к странному, но необходимому выводу: осевое время Ясперса действительно расслоилось. Именно поэтому, пребывая в должном историческом времени (Выготский, «форма») вместе со своими произведениями, каждый автор как бы отрывается от собственного человеческого субстрата, который представляет собою лишь тело автора в его биографическом астрономическом времени (Выготский, «материал»). В качестве обычных людей эпохи русского Авангарда Ленин, Вернадский, Булгаков практически являются современниками. Но отрефлексированное человеческим разумом историческое время от природного физического астрономического времени в рамках осевого времени фактически отслоилось: поэтому-то в рамках «истории как сюжета» (Выготский о рассказе Бунина «Легкое дыхание») последовательно существуют сначала Ленин с его империализмом (по представлениям Турчина данная работа Ленина и данная работа Булгакова представляют собою астрономически параллельные философско-авангардные манифесты), затем наносфера и далее нососфера, а потом уже и Булгаков с его отфилософствованным хозяйством (хотя в астрономическом времени «неструктурированной истории», «диалектической истории», несюжетности нанотехнологии и возникли гораздо позже «Философии хозяйства») [8]. Сегодня каждому ученому очевидно, что ранним в историческом смысле, т. е. как бы логически «преждевременным» в рамках своей проблемы, авторам великих произведений в социальном и научном смысле необходимы их актуально существующие «исторические местоблюстители». Имен-

но в подобном смысле и выступает сегодня Осипов — как «исторический представитель» Булгакова, т. е. как Булгаков нашего времени.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* С.Н. Булгаков: век одиночества // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.
2. *Турчин В.С.* По лабиринтам Авангарда. М., 1993.
3. *Cadbury W., Poague L.* Film Criticism: A Counter Theory. Iowa, 1982.
4. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
5. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. Речь на докторском диспуте // Булгаков С.Н. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993.
6. *Эйдельман Н.Я.* Слово о Пушкине // *Искусство кино*. 1999. № 6.
7. *Ростова Н.Н.* Концепт антропологического хаоса в двух философских манифестах России XX века // *Философия хозяйства*. 2012. № 4.
8. *Выготский Л.С.* Психология искусства. Гл. 7. М., 1986.

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.Б. НИКОЛАЕВ

Мирохозяйственные аспекты формирования стоимости

Аннотация. В статье рассматривается воздействие изменений в системе международного воспроизводства на формирование потребительной стоимости и стоимости товаров.

Ключевые слова: международное воспроизводство, структурные изменения, современные международные корпорации, международные корпоративные системы производства, потребительная стоимость, стоимость, рыночная стоимость.

Abstract. This article is devoted to the analyses of influence of changes in the system of international reproduction on the formation of use value and value of commodities.

Keywords: international reproduction, structural changes, modern international corporations, international corporate production systems, value chains, use value, value, market value.

В 2011 г. появилась первая публикация данных о структуре розничной цены на 16 GB iPad (2010), разработанного «Эппл Корп», и производимого в рамках контролируемой корпорацией международной производственно-технологической цепочки. Появление подобных сведений в печатных изданиях величайшая редкость. Данные были взяты из неопубликованного исследования, подготовленного профессорами Калифорнийского университета Л. Крамером и Дж. Дедриком в 2011 г.

Л. Крамер и Дж. Дедрик впервые показали на реальных фактах дисбалансы в распределении доходов от продажи инновационного продукта, производимого в рамках международных производственно-технологических цепочек. Согласно опубликованным данным, в розничной цене iPad (499 дол.) прибыль составляла 239 дол. (47,9% цены). Из них на долю «Эппл корп.» приходилось 150 дол. (30,1% цены). Издержки производства составили 260 дол. (52% цены). Структура прибыли и издержек была представлена в самых общих чертах.

Итоги исследования, несмотря на их информационную скупость, пробивали брешь в завесе секретности, которой ТНК окружают свою финансовую кухню. Расчеты авторов подкрепляли обвинения транснационального капитала в «несправедливом» распределении стоимости, создаваемой при участии развивающихся стран. Один из творцов

«сингапурского инновационного чуда» Ф. Йо отмечал: «...мы, как производители, получаем мало, а Apple, которая сама не производит, а только владеет идеей, получает основную прибыль» [1, 58].

Вряд ли кто-либо будет утверждать, что ТНК являются «образцом справедливости» в области извлечения, распределения и использования доходов. Но можно ли ограничиться обвинениями ТНК в «несправедливости» и пройти мимо проблем, связанных с особенностями формирования стоимости в системе современного мирового хозяйства? В этих особенностях скрываются истинная природа и некоторые конкретные причины возникновения вышеуказанной «несправедливости».

Исследования большинства экономистов не оставляют сомнения в том, что пока капиталистическое хозяйство в национально-хозяйственных комплексах и на международной арене строится на основе экономического обособления производства внутри частной собственности; и пока связь между обособленными воспроизводственными звеньями осуществляется через рыночный обмен, стоимостные отношения останутся базовыми отношениями этого хозяйства.

Внешне это обнаруживается в том, что современная экономика строится на основе производства товаров, обращении денег, предоставлении и получении кредитов и т. д. Максимизация прибыли и сейчас является основной целью как крупного, так и мелкого капитала. Стержнем рыночных отношений продолжает оставаться конкуренция. В конечном итоге в конкурентной борьбе побеждают те фирмы и производственные конгломераты, которые обеспечивают наиболее прибыльное приложение капитала, распределение товарных и инвестиционных потоков по отраслям и регионам. Динамика рыночной конъюнктуры тесно связана с изменением нормы прибыли, процента, валютного курса и т. д.

Стоимостной механизм остается стихийным регулятором производства, распределения и потребления товаров, движения потоков товарных и капитальных ресурсов, воспроизводства индивидуальных капиталов.

Одновременно множество фактов говорит о радикальных изменениях в функциональной структуре производства и производственного капитала, технической и технологической базе мировой экономики, повышении уровня концентрации и монополизации национального и мирового производства. Изменилась конфигурация мирохозяйственных связей и зависимостей.

Происшедшие и происходящие изменения не могли не отразиться в стоимостном механизме мирового хозяйства.

Можно ли говорить о стоимостном механизме всего мирового хозяйства как о чем-то абсолютно «монолитном»? Изменение стоимостного механизма — это длительный исторический процесс. Меняется воспроизводственная система — меняется и стоимостной механизм. В современной экономике переплетаются стоимостные процессы нескольких этапов развития капитализма: капитализма свободной конкуренции, первого периода существования монополистического капитализма, современного этапа развития последнего. Все эти процессы имеют некоторые общие, объединяющие их черты, но в них наблюдаются и существенные различия.

Среди экономистов нет единого понимания содержания фундаментальных стоимостных отношений капитализма. Поэтому необходимо сказать несколько слов о концепции товарной стоимости, используемой в данной статье³⁹. Отметим лишь три важнейших черты концепции. Во-первых, мы исходим из того, что товарные потребительная стоимость и стоимость *формируются* общественным воспроизводством и являются выражением всей системы характерных для него условий и взаимодействий. Труд лишь один из моментов, участвующих в этом процессе. Другими словами, не поддерживается теоретический постулат — потребительная стоимость и стоимость товаров создаются трудом, — до сих пор имеющий многочисленных сторонников⁴⁰. Во-вторых, формирование потребительной стоимости и стоимости происходит не только в непосредственном процессе производства, но и в обращении, и неотделимо от образования общественного спроса. Товарный продукт, получив на предшествующих производственных этапах определенные свойства и качества, окончательно становится потребительной стоимостью, т. е. реально удовлетворяющим общественные потребности, лишь тогда, когда он нашел на рынке платежеспособный спрос и был включен в процесс потребления (производственного или личного). В-третьих, в капиталистическом воспроизводстве нет автоматического превращения ассигнуемых обществом ресурсов в потребительные стоимости и стоимости. Эти ресурсы (в денежной форме) прежде всего концентрируются в руках исторически сформировавшихся хозяйствующих субъектов. Взаимодействие общества и хозяйствующих субъектов, направленность и эффективность их действий в конечном итоге определяют алгоритм превраще-

³⁹ Свое понимание важнейших вопросов теории товарной стоимости автор изложил в монографиях и статьях, опубликованных в период 1969 — 2011 гг. Развернутое изложение наших взглядов по проблемам теории товарной стоимости читатель может найти в: [2].

⁴⁰ См., напр.: [3].

ния ресурсов в двуединую стоимость. Исторически нарастает значимость возникающих при этом правовых отношений.

В прошлом рассмотрение образования свойств товара начиналось и, к сожалению, ограничивалось, абстрактным «клеточным» уровнем, в котором не учитывались: пересечение границ хозяйства «вообще», система взаимосвязей между экономически и политически обособленными частями хозяйства, динамика состояния производительных сил и общественных отношений. Достаточным для анализа считалось наличие «частного экономического обособления» и рыночной связи между экономически обособленными клеточками.

Если рассматривать формирование стоимостных категорий не на клеточном уровне, а в системе характерных для данного отрезка истории состояния производительных сил и мирохозяйственных экономических отношений, реально действующих хозяйствующих субъектов (ТНК, МКПС) и др. появляется много новых моментов, требующих специального анализа. Происшедшие и происходящие изменения захватывают как базовые стоимостные отношения (формирование товара, денег и др.), так и производные стоимостные формы (движение фондовых и валютных инструментов, инвестиционных и кредитных потоков и др.). Образование той же прибыли, ее «рыночной нормы», структурно и функционально усложняется.

В данной статье анализируются лишь некоторые аспекты трансформации базовых стоимостных отношений в современной системе мирового хозяйства. Вопрос о структуре стоимостной системы мировой экономики, взаимодействии ее отдельных частей остается за границами статьи.

Вряд ли можно точно сказать, какие именно изменения в воспроизводстве являются *первопричиной* изменений стоимостного процесса. Воспроизводственных изменений бесконечное множество. Они неравномерно распределены во времени и пространстве (в национальных хозяйствах, тем более в мировой экономике), теснейшим образом переплетены и связаны системой обратной зависимости.

Можно согласиться с широко распространенным в печати выводом, что решающая роль здесь принадлежит характерному для мировой экономики сдвигу в уровне концентрации и монополизации производства, переплетении и взаимопроникновении частнокапиталистических и государственных механизмов; подрыву национального характера рынков, развитию международных форм межотраслевого перелива капитала. Но отмеченные выше изменения должны быть конкретизированы. В частности, нет сомнения в том, что в трансформации стоимостной системы важнейшую роль сыграли сдвиги в функциональной структуре производства и механизме мирохозяйственных связей, раз-

вившихся при переходе общественного воспроизводства в инновационную фазу. Если говорить более конкретно, то в изменении формирования двуединой товарной стоимости большую роль играют два неравномерно протекающих процесса: а) в странах, являющихся ядром мировой экономики, в присвоении сил и вещества природы (и общества) возрастает роль органического взаимопроникновения производства и научных исследований и разработок, развиваются и становятся характерными для всего общества производственные НИОКР; б) в системе мирохозяйственных связей усиливается не просто монополизация производства, а его монополистическая интернационализация. Отмеченные моменты входят также в число важнейших факторов, определяющих направление динамики конкурентоспособности капиталов и стран на мировом рынке. Постепенно меняются содержание и структура общественного производства. Это должно адекватно фиксироваться в выражающих его понятиях. Однако и сейчас производство часто сводится лишь к непосредственному присвоению вещества и сил природы. Процесс научного познания окружающей нас действительности остается за пределами «производства».

Нельзя сказать, что научные исследования и разработки уже стали неотъемлемой частью каждой существующей ныне хозяйственной системы. Отдельное предприятие, фирма и даже национальное хозяйство могут не заниматься самостоятельно НИОКР. В 2007 г. лишь 15—16% национальных хозяйств проводили статистически фиксируемые НИОКР. В США и странах ЕС далеко не все даже крупные фирмы имеют научно-исследовательские подразделения. Но из этого не следует, что их воспроизводство (и конкурентные позиции) не определяются научными исследованиями и разработками или что они не используют научно-техническую информацию. В наиболее развитых странах годовые расходы на НИОКР становятся важной частью инвестиционного процесса, и без их учета уже нельзя оценивать инвестиции в основной капитал общества. В 2009 г. расходы на научные исследования и разработки в США составляли 401,5 млрд дол., что превышает 17% инвестиций в основной капитал производства.

Радикально меняется функциональная структура производственных инвестиций. В 2011 г. производственные инвестиции в основной капитал территориально-хозяйственного комплекса США достигли 1142 млрд дол. Из них 536 млрд дол. (или 46,9%) составляли инвестиции в информационное оборудование и программное обеспечение⁴¹, прямо и непосредственно связанные с расходами на НИОКР. В результате происходящих изменений решающая часть используемой в воспроизвод-

⁴¹ Данные ВЕА США за август 2012 г.

стве новой продукции (включая технологические процессы) выступает уже как полученная с применением НИОКР. В свою очередь, производственные НИОКР в конечном итоге экономически реализуют себя через конечную продукцию производства.

Научные исследования и разработки, органически включаясь в производство, остаются относительно независимыми в плане характера их участия в создании конечного продукта экономики. При этом обнаруживается их структурная и функциональная сложность. Они включают в себя фундаментальные исследования, прикладные исследования, изобретательскую деятельность, опытное производство и внедренческую деятельность. Все эти звенья являются участниками создания конечной продукции экономики, формирования ее потребительской стоимости и стоимости. Но участие в этом процессе производственных НИОКР в целом, каждого их звена имеет специфику по времени, формам собственности, территориально-хозяйственному распределению и т. д. Например, многие отрасли производства (фармацевтика, электроника, атомная промышленность, приборостроение и др.) уже не могут развиваться, не опираясь на результаты фундаментальных и поисковых исследований. Но, во-первых, сохраняется возможность временного лага между завершением исследований и использованием их результатов на последующих этапах НИОКР и производственного процесса в целом. В отдельных случаях этот лаг обуславливает разрыв воспроизводственной связи между НИОКР и остальными этапами кругооборота капитала. Во-вторых, фундаментальные и поисковые исследования дают непосредственно научную информацию, роль которой в воспроизводстве выливается в длительный, неравномерно протекающий процесс. Их результаты должны пройти через множество промежуточных звеньев, прежде чем их воздействие обнаружится в конечной продукции предприятий, стоимости последней. Далеко не всегда жестко детерминировано, в производстве какой именно продукции, в каком именно территориально-хозяйственном комплексе конкретные исследования сыграли свою роль и как они повлияли на стоимостной процесс. Результаты исследований, полученные одним коллективом, могут быть использованы другими, экономически обособленными коллективами, не ассигнующими (или ассигнующими относительно мало) средств на проведение исследований в данном направлении. Об этом говорят многочисленные факты и прежде всего разрыв в ассигнованиях на НИОКР и масштабах изобретательской деятельности, проявляющейся в динамике запатентованных изобретений.

Возникает новая грань «общественности» стоимостного процесса. Формирование потребительской стоимости и стоимости уже нельзя

связывать с ресурсными затратами данного периода, конкретной фирмы, отрасли и даже национальной экономики. Производство товара выливается в развитие новой ступени в системе конкурентных стоимостных отношений между участниками воспроизводства. Появляются новые побудительные мотивы и возможности в системе «улавливания стоимости» и распределении ее денежного эквивалента между хозяйствующими субъектами. Расходы на НИОКР становятся частью капитальных затрат. Любой хозяйствующий субъект, осуществляющий расходы на НИОКР и контролирующий их, должен не только вернуть затраченные средства, но и получить при этом прибыль. Как и сколько «стоимости» (в форме ликвидных ресурсов) конкретный капитал сможет уловить — становится конфликтной проблемой, первоначально воспроизводственной, а в дальнейшем социально-политической. У отдельного капитала появляется возможность (и заинтересованность!) окупать затраты на ПНИР, сделанные для производства в целом, за счет цены отдельного продукта, ставшего популярным на рынке. Укореняется иллюзия, что возможность «улавливания стоимости» всецело определяется тем, проводит ли хозяйствующий субъект ПНИР полного цикла.

Распределение формирующейся стоимости (вернее, выражающих ее денежных потоков) происходит «по силе», и не просто силе капитала в какой-либо одной области. Решающее значение имеют исторически сформировавшийся уровень концентрации производства и НИОКР, эффективность форм защиты интеллектуальной собственности, уровень взаимодействия между хозяйственными и политическими структурами. В борьбе между американской ТНК «Эппл» и южнокорейской ТНК «Самсунг», которая вышла на поверхность в 2012 г. в связи с «пиратским» использованием изобретений, применявшихся в производстве нового поколения смартфонов, корпорации умело опирались на свои интернациональные экономические возможности, научно-исследовательский потенциал, связи с политическими структурами внутри США и за их пределами.

Образование мировой хозяйственной системы расширяет спектр изменений в развитии стоимостных отношений. С одной стороны, ПНИР превращаются в важнейшее средство получения новой продукции (инновационных товаров) и повышения конкурентоспособности капиталов. С другой стороны, как отмечалось выше, подавляющая часть национальных хозяйств не проводит собственных ПНИР и тем самым лишена важнейшего преимущества в конкурентной борьбе. Для того чтобы участвовать в инновационном формировании товара, фирмы и национальные хозяйства, не проводящие ПНИР, оказываются перед выбором: а) самим создавать инновационные центры полного

цикла (включая научно-исследовательские лаборатории и опытные производства), позволяющие получать собственную инновационную продукцию; б) сконцентрировать усилия на создании условий для образования на национальной почве филиалов иностранных ТНК и их высокотехнологичных производств, совместных предприятий.

Создание инновационных центров полного цикла (хотя бы в некоторых областях) требует много времени, значительных ресурсных затрат, подготовки необходимых кадров, научной и производственной инфраструктуры, преодоления патентной защиты, незаинтересованности ТНК в усилении своих конкурентов и др. Подобный путь требует также роста внутреннего рынка на инновационную продукцию. Без этого расширение производства национальной инновационной продукции и одновременное поддержание социально-политической стабильности затруднены. Отдельные страны выбирают охарактеризованный выше путь. Так поступили Япония, Южная Корея, Сингапур и ряд других. При ближайшем рассмотрении оказывается, что подобное развитие является, во-первых, результатом стечения многих обстоятельств, некоторые из которых исторически уникальны; во-вторых, оно не обеспечивает прочной национальной «инновационной автономии». Даже наиболее сильные в экономическом отношении страны вынуждены специализироваться в некоторых научно-технических областях и активно участвовать в международной «инновационной кооперации». Для подавляющего большинства национальных хозяйств путь обеспечения в исторически сжатые сроки даже ограниченной научно-технической автономии оказывается невозможным. Национальный капитал идет путем встраивания в уже созданные иностранным капиталом инновационные цепочки, привлечения в национальную экономику иностранного инновационного капитала, постепенного наращивания национальных ПНИР полного цикла, укрепления конкурентных позиций национальных ТНК. Рождаются международные корпоративные производственные системы, усиливающие монополистическую интернационализацию мирового производства и рынка.

Оба вышеуказанных пути ведут к дальнейшему развитию международной хозяйственной системы, основанной на присущих современному капитализму принципах кооперации всех составляющих воспроизводства. Формирование товара (его потребительной стоимости и стоимости) превращается в международный процесс. Возникают понятия *международной потребительной стоимости и международной стоимости*. Возрастает значение правовых аспектов распределения и использования денежных потоков, представляющих стоимость.

Еще раз подчеркнем, что процесс формирования потребительной стоимости и стоимости одновременно един и многообразен. Обнару-

живаются особенности в формировании каждой из частей двуединой стоимости. Это требует расчленения анализа процессов формирования международной потребительной стоимости и международной стоимости. В формировании международной потребительной стоимости в рамках международных производственно-технологических цепочек выделяются три этапа: 1) создание условий производства и их интернационализация; 2) создание продукта с заданными свойствами; 3) превращение продукта с заданными свойствами в реально потребляемый продукт. Процесс оказывается неравномерно распределенным между: а) несколькими территориально-хозяйственными комплексами; б) множеством фирм из разных стран, каждая из которых выполняет частичную функцию и дает продукцию, полезность которой подтверждается в сборке конечного продукта; в) национальными хозяйствами с разным набором этапов производства конечной продукции и объемов ее потребления в этих хозяйствах.

В конце 1980-х гг. насчитывалось 15 стран, из которых поступали комплектующие для окончательной сборки автомобиля «Форд Эс-корт». Все комплектующие шли из развитых стран [4, 39]. В 2010 г. корпорация «Эпл» имела уже более 150 иностранных поставщиков, и среди них Китай, Южная Корея, Тайвань, Филиппины и др. [5].

Мировое хозяйство неравномерно развито с точки зрения концентрации условий (и собственности на них) производства инновационной продукции, качественных характеристик и емкости рынка на нее. Многие страны, входящие в международные производственно-технологические цепочки и производящие компоненты конечной продукции (или ее сборку), технологически и экономически еще не имеют возможности в широких масштабах потреблять конечную инновационную продукцию. Это ярко обнаруживается в Китае, Индии, Малайзии, на Филиппинах и ряде других стран. В Китае, например, у преобладающего там сельского населения среднедушевой месячный доход немногим более 90 дол. [6, 52]. Это совершенно недостаточно для приобретения инновационной потребительской продукции. Уровень потребления конечной высокотехнологичной продукции в расчете на единицу ВВП в этих странах гораздо ниже уровня в развитых странах. Официальной статистики в этой области нет. По нашим расчетам, внутринациональное использование всех форм высокотехнологичной продукции на Филиппинах в 2007 г. было в 2,4 раза ниже, чем в США⁴². Общий гигантский размер внутреннего рынка таких стран, как Китай или Индия, не исключает узости отдельных сегментов этого рынка.

⁴² Рассчитано по: [7, 432—514].

ТНК развитых стран проводят политику сосредоточения на материнской территории стратегически важных производственных этапов (и прежде всего поисковых исследований, изобретательской деятельности, дающей ключевые патенты и др.). Об этом свидетельствует опыт производства электронной техники, автомобилей, авиатехники, телекоммуникационного оборудования, приборов и др. Сознательно создаются препятствия развитию инновационного производства в конкурирующих странах. Это накладывает отпечаток на процесс превращения продукции с полезными свойствами в международную потребительную стоимость. Складывается сложная, многоэтапная система пропорциональности, технологической и экономической зависимости в формировании потребительной стоимости. Основная часть инновационной высокотехнологичной продукции потребляется в развитых странах, имеющих соответствующий платежеспособный спрос. Без образования необходимого соотношения между предложением и платежеспособным спросом формирование потребительной стоимости не может быть завершено. Продукт с полезными свойствами завершает свое превращение в потребительную стоимость, т. е. продукт, реально удовлетворяющий технологически и экономически детерминированную общественную потребность, через рыночный платежеспособный спрос. Инновационный продукт может не иметь потребительной стоимости в хозяйстве, технологически примитивном, но уже втянутом в международный коммерческий оборот и участвующем в его производстве. Инновационный продукт, производимый, например, на Филиппинах или в Малайзии, не будет иметь вообще (или иметь ограниченную) потребительную стоимость внутри этого хозяйства. Именно так происходит со всеми инновационными продуктами (айфонами, айпадами и др.). iPod сохранит свои встроенные технические свойства, попав в руки людей первобытного племени. Но он не будет иметь потребительной стоимости, выражающей эти свойства, если не будет использоваться в соответствии со своим назначением и если не будет создано адекватного платежеспособного спроса, необходимого для возобновления его производства.

Из вышесказанного следует, что в рамках неравномерно развитой международной рыночной хозяйственной системы процесс формирования потребительной стоимости неизбежно оказывается неравномерным. Формирование потребительной стоимости распределяется между национальными хозяйствами пропорционально: а) уровню концентрации и монополистической интернационализации условий производства; б) технологической потребности в новом продукте, необходимости и возможности использования его свойств; в) платежеспособному спросу на новый продукт. Расчет спроса на инновационную продук-

цию, его корпоративное и государственное регулирование, требует анализа особенностей формирования международной потребительской стоимости этой продукции и его этапов. При этом нельзя не учитывать, что первично психологически (а затем и социально) обусловленная потребность в новой продукции может: а) существенно опережать изменение платежеспособного спроса; б) оказывать воздействие на исторически сложившиеся соотношения между потреблением и сбережением, структуру рыночного спроса и т. д.

Формирование международной потребительской стоимости порождает множество взрывоопасных противоречий и в том числе проблему обеспечения научно-технологической и экономической совместимости производства конкретной частичной продукции в условиях борьбы между ТНК и национальными экономическими и политическими структурами за большую долю в производстве и прибыли. Практика показала, что возникающие противоречия, не редко выливающиеся в острейшую экономическую и политическую борьбу, не могут быть решены лишь силами национальных хозяйств. Попытка их решения потребовала привлечения межгосударственных политических структур, таких как ВТО. Как уже подчеркивалось, формирование международной потребительской стоимости товарного продукта и его международной стоимости происходит одновременно (и в то же время специфично) через ресурсные затраты на производство и воспроизводство. Условно можно сказать, что формирование двуединой стоимости начинается с инвестиционного процесса — распределения инвестиционных ресурсов по звеньям производства — и заканчивается рыночной реализацией и включением вновь произведенного продукта в потребление.

Рассмотрение формирования стоимости и ее роли в экономическом развитии в пределах мирового хозяйства (помимо экономического и национально-политического обособления) выделяет неравномерность: а) в уровнях развития национальных хозяйств и конкретных производственных отраслей и их подразделений; б) в уровнях концентрации функциональных этапов мирового производства в национальных хозяйствах; в) характере отношений собственности в производстве конкретной продукции в том или ином национальном хозяйственном подразделении; г) в роли этих подразделений в международном производственном процессе и, в частности, в международных производственно-технологических цепочках. Величина международной стоимости конкретного вида продукции и ее структура не равнозначны текущей (в течение года) сумме распределенной между националь-

ми хозяйствами добавленной стоимости и ее межнациональной структуре⁴³.

Для обоснования этого тезиса необходим небольшой экскурс в область теории товарной стоимости. В настоящее время можно считать доказанным, что: а) стоимость имеет несколько форм проявления (и измерения); б) кроме текущей стоимости необходимо выделять стоимость совокупности товарных продуктов конкретного вида, произведенных в период их жизненного цикла (последняя выражается (количественно и качественно) через *совокупную цену* общей суммы ресурсов, затрачиваемых обществом на их производство и воспроизводство, и ее долю в совокупных (денежно выраженных) ресурсах общества); в) при расчете стоимости товаров, произведенных в рамках отдельного периода жизненного цикла, необходимо учитывать воспроизводственную (и в частности функциональную) особенность этого периода.

Среди факторов, обуславливающих формирование стоимости товара, выделяются два: а) каждый из ресурсов, участвующих в формировании стоимости конкретной группы товаров, имеет изменяющуюся цену; б) каждый из товаров, стоимость которых формируется, отражает фазу либо ускоренного развития (и соответственно накопления) отдельного капитала или производственной отрасли, либо стабилизации производства; либо начавшегося затухания их воспроизводственной роли (и, соответственно, потребностей накопления). Из этого следует, что стоимость равновеликих партий товаров одного и того же вида, но производимых в разные периоды их жизненного цикла, будет разной. Формирование международной стоимости конечного продукта оказывается многоуровневым. На низшем уровне формирование международной стоимости начинается (и проявляется) как суммирование контрактных цен частичных (комплектующих) продуктов, производимых национальными участниками цепочки.

Цена ресурсов, формирующих международную стоимость, в каждом национальном комплексе не только количественно специфична. Она отражает интернационализацию собственности на условия производства товара и сам товар. Имеющиеся статистические данные позволяют осуществить сравнение издержек производства по размерам затрат на воспроизводство рабочей силы, используемой в течение одного часа. На Филиппинах эти затраты в 2010 г. были в 20 раз меньше, чем в США, а в Норвегии — в 1,66 раза больше [8, 1]. Не было стран с одинаковыми затратами. Сборку значительной части айфонов и айпэдов, принадлежащих «Эппл корп.», в Китае осуществляет тайвань-

⁴³ Обычно международная статистика рассматривает «год» как базовый временной интервал.

ская фирма «Хон Хеи Пресижен идастри». Условия труда на предприятиях фирмы и его оплата складываются при взаимодействии тайваньской и американской фирм, китайских коммерческих и административных структур. В них отражается состояние экономической и политической борьбы в Китае. Количественно отличными оказываются национальные цены и на остальные ресурсы, затрачиваемые на воспроизводство конкретного вида продукции в течение ее жизненного цикла.

Международная стоимость конечной продукции в период ее жизненного цикла оказывается результирующей: а) неравномерного изменения технических и экономических условий производства конкретного вида продукции в отдельных национальных хозяйственных комплексах; б) характера конкурентного взаимодействия национально-хозяйственных производств, входящих в международную производственно-технологическую цепочку (и его изменения); в) изменяющегося места конкретного национально-хозяйственного комплекса и его хозяйствующих субъектов в международном воспроизводстве. На каждом данном этапе формирование стоимости неразрывно связано с формированием реализованной рыночной цены. Реализованная рыночная цена завершает один этап формирования стоимости и одновременно открывает следующий. Структура международной цены и распределение представленных ею ресурсов между участниками цепочки отражают не только технические различия в производственной кооперации, но и различия в концентрации в национальных хозяйствах платежеспособного спроса, способности отдельного участника «улавливать формирующуюся стоимость» и отражать эту способность в условиях контракта с головной фирмой.

В начале статьи говорилось о том, что для капиталистического воспроизводства характерна концентрация ресурсов, формирующих стоимость, в руках хозяйствующих субъектов. Последние уже определяют конкретное направление и форму использования вышеуказанных ресурсов. В системе капиталистического хозяйства это приобретает форму присвоения, распределения и использования рыночной цены конкретных видов продукции. В условиях современного мирового хозяйства этот процесс усложняется: внешне формирование цены конечной продукции выглядит как складывание цен на промежуточную продукцию. Распределение стоимости конечной продукции (происходящее в денежной форме) принимает форму определения контрактных цен. Из поля зрения исчезают стихийные воспроизводственные процессы, формирующие цены промежуточной и конечной продукции. В частности, не просматривается воспроизводственная роль рыночного спроса на конечную продукцию, его межнационального распределе-

ния. Распределение продажной цены между национально обособленными хозяйствующими субъектами (т.е. определение того, какая часть цены конечной продукции достанется участвующим в международной производственно-технологической цепочке национальным хозяйствующим субъектам), характер использования получаемых ресурсов в последующем процессе воспроизводства на поверхности выглядят как сугубо субъективный, «контрактный» процесс. Затуманивается тот факт, что субъективные действия, действительно имеющие место и играющие не малую роль в системе экономических отношений, детерминируются характером и структурой воспроизводства, присущими ему противоречиями.

ТНК, возглавляющие международные производственно-технологические цепочки, выступают как собственники ресурсной базы производства и решающих его этапов. Этим определяется характер собственности на денежный эквивалент стоимости конечной продукции, производимой в рамках цепочки. Собственность на «стоимость» конечной продукции, в формировании которой принимали участие несколько национальных хозяйств, как бы «уходит» из этих хозяйств. Разворачивается межнациональная борьба за «улавливание» и использование денежных потоков, представляющих создаваемую стоимость. Борьба идет прежде всего за наиболее выгодные контрактные условия, а в конечном итоге за выгодные для конкретного национального хозяйствующего субъекта условия образования контрактных цен, определения издержек производимой продукции и прибыли. Формирование стоимости международной товарной продукции (как и товарной продукции вообще) является процессом с высочайшим уровнем неопределенности. Головные ТНК не обладают возможностями абсолютного контроля за условиями конкуренции в производстве и на рынке конкретной продукции. Производство айпэдов, айфонов, смартфонов обнаруживает это достаточно ярко. ТНК не могут определять количественные и качественные параметры международного спроса на производимую продукцию. Это не значит, что ТНК не прибегают к «несправедливым» методам увеличения своей доли в производстве и прибыли. В частности, они оправдывают огромные размеры своей прибыли необходимостью финансировать ПНИР. Искусственно поддерживается неопределенность понятий «издержки производства международной продукции и прибыль от ее реализации».

Важным этапом межнациональной борьбы является борьба за *использование* получаемого дохода. В большинстве случаев борьба разворачивается за долю дохода, генерируемого рыночной реализацией конечной продукции, которая (не переставая быть собственностью головной ТНК) оставалась бы в национальном хозяйстве — произво-

дители промежуточной продукции (или у сборщика конечной продукции) — и использовалась бы собственниками на развитие производственных этапов, дающих наибольшую стоимость. В настоящее время национальные хозяйства добиваются, чтобы ТНК, возглавляющие международные производственно-технологические цепочки, создавали инновационные центры полного цикла в пределах хозяйственных комплексов, осуществляющих выпуск конечной продукции. Опыт Китая показал, что сам по себе выпуск конечной продукции недостаточно эффективен для развития национальной экономики. В международных издержках на оплату труда, применяющегося в производстве одного айпэда и составляющих в масштабах мира 33 дол., доля Китая не превышает 8 дол. — не более 3% общемировых издержек производства единицы данного продукта.

Изменение национальной структуры международного производства (в частности, соединение инновационных центров полного цикла с выпуском конечной продукции), безусловно, изменило бы не только характер использования прибыли, но и возможности развития национальных экономик. Однако изменение международной структуры производства нельзя изолировать от динамики других составляющих капиталистической системы мирового производства. В количественных параметрах и структуре дохода ТНК обнаруживаются характер общества их основного базирования, экономическая и политическая сила транснационального капитала, исторически сформировавшаяся способность этого капитала «улавливать» стоимость, перераспределять в свою пользу ресурсные затраты общества, выделяемые (через формирование международного платежеспособного спроса) на производство конкретного вида продукции.

Литература

1. Эксперт. 2011. № 46.
2. Николаев А.Б. Теория трудовой стоимости и современность. М., 2003.
3. Гурова Т., Ивантер А. Мы ничего не произволим // Эксперт. 2012. № 47.
4. World Development Report. 1987. W.B., 1987.
5. The Economist. 2012. Nov. 11.
6. Эксперт. 2012. № 42.
7. Science and Engineering Indicators. 2010. Vol. 2.
8. US BLS, Economic News Release. 2012. Oct.

А.А. ГОРШКОВ

Неоклассическая теория провалов рынка и ее критика

Аннотация. В статье приводится анализ неоклассической теории провалов рынка, дается обзор направления критики данной теории. Провалы рынка рассматриваются в трех смыслах: как аллокативная, производственная и креативная (динамическая) неэффективность.

Ключевые слова: провалы рынка, аллокативная эффективность, X-неэффективность динамической эффективности, креативная функция, гетеродоксальные экономические теории.

Abstract. The article provides detailed analysis of the neoclassical theory of market failures, and various directions of criticism of this theory. Market failures are considered in three senses: allocative, productive and creative (dynamic) inefficiency.

Keywords: market failures, allocative efficiency, X-inefficiency, dynamic efficiency, creative function, heterodox economic theories.

Исследование эффективности рыночной координации экономической деятельности как таковой является одной из ключевых тем во всей истории развития экономической теории. Однако когда говорится о теории провалов рынка, как правило, имеется в виду не вся совокупность теоретических построений, касающихся эффективности рыночной координации, а специфическая форма разрешения этой традиционной теоретической проблемы в рамках неоклассического течения мысли⁴⁴. Таким образом, говоря о провалах рынка, мы говорим не только (а возможно, и не столько) о практической (эмпирически установленной) ограниченности рынка как определенного способа координации экономических действий, а и об интерпретации данной проблемы на языке неоклассической теории.

⁴⁴ Здесь и далее под неоклассическим (или mainstream) течением мысли понимается неоклассика в широком смысле слова, а не так, как это принято в макроэкономическом прочтении, где под неоклассикой понимается начальная стадия развития современной теории в противоположность кейнсианству, неоклассическому синтезу, монетаризму, школам «новых классиков» и «новых кейнсианцев». Неоклассическая парадигма в широком смысле слова включает вышеуказанные направления (а также и некоторые другие, например, частично и новую институциональную теорию), так как ее границы задаются ее методологическим и онтологическим ядром, а не подходом к решению отдельных теоретических проблем.

Неоклассическая теория провалов рынка

Экономисты-теоретики, работающие в рамках неоклассической парадигмы, традиционно связывают историю развития своей школы с развитием теории «невидимой руки» рынка (А. Смит) как эффективного способа размещения ресурсов и координации экономической деятельности. Наиболее важной параллелью между теорией Адама Смита и неоклассической теорией в свете теории провалов рынка является тезис о том, что экономические агенты, движимые частным интересом, в результате «стихийной» рыночной координации наилучшим образом удовлетворяют общественный интерес [1, 443]. Обоснование данного тезиса в определенном теоретическом ключе (маржиналистской теории равновесия) является теоретическим «ядром» данной школы. Именно тезис об эффективности рынка позволяет обращаться к Адаму Смиту как теоретической предтече неоклассики.

Неоклассическая же теория провалов рынка имеет свои корни в политической экономии XIX в., которые связаны с именами Дж.С. Милля и Г. Сиджвика [2]⁴⁵. В работах именно этих двух авторов тема ограничений эффективности рынка была поставлена в теоретическом ракурсе, наиболее близком неоклассическому. С именами этих ученых связана разработка таких классических для современной теории провалов рынка проблем, как, например, проблема экстерналий, монополизма, предоставления общественных благ, защиты собственности, оппортунизма и пр. (конечно, данные термины появились позже, однако разработка проблем началась гораздо раньше появления устоявшихся понятий).

Показательно, что Милль и Сиджвик понимают рыночное взаимодействие как «voluntary mechanisms» (Милль), т. е. как взаимодействие свободных эгоистических индивидов. Отсюда вытекает и определенная трактовка провалов рынка, которую наследует и неоклассическая теория. Сиджвик, например, утверждает, что из действенности механизмов, основанных на личном интересе, «отнюдь не следует, что действия совокупности агентов, рационально преследующих личный интерес, с минимально возможными ограничениями, приводит к максимально возможному совокупному счастью» [3, 144—145]. Таким образом, социально-исторически неопределенная трактовка рынка как сво-

⁴⁵ Отметим, что далее речь пойдет о той линии развития теории, которая непосредственно «ведет» к неоклассической теории провалов рынка. Альтернативную критику функционирования «свободной» рыночной системы представляли такие авторы, как Симон де Сисмонди, Анри Сен-Симон, Шарль Фурье, Джон Грей и др. Центральное место в развитии «альтернативной» ветки экономической теории занимает марксизм.

бодного эгоистического взаимодействия порождает соответствующую трактовку провалов рынка как провалов свободного эгоистического взаимодействия.

Развитие же собственно неоклассической теории провалов рынка идет в тесном переплетении двух моментов: с одной стороны, исследования специфических случаев и факторов, приводящих к «сбоям» свободного рыночного механизма, с другой стороны, разработки теории равновесия и условий его эффективности. Первый момент находит свое разрешение в таких разделах неоклассической теории, как теория несовершенной конкуренции, теория общественных благ, теория внешних эффектов и теория асимметрии информации. Второй — в неовальрасианской теории общего равновесия Эрроу—Дебре и экономической теории благосостояния. Своеобразным результатом развития теории стало положение, что при некоторых экзогенно заданных параметрах (в первую очередь, технологиях и предпочтениях) рынок как система свободных обменов эгоистически действующих рациональных агентов достигает эффективности (в производстве, потреблении и структуре выпуска). Данное положение было формально выведено и закреплено в двух теоремах экономической теории благосостояния. Теория провалов рынка же стала теорией об исключениях из правила эффективности рынка, которая уточняла, что рынки эффективны лишь в случае: а) отсутствия рыночной власти, б) отсутствия внешних эффектов, в) отсутствия общественных благ, г) отсутствия асимметрии информации между агентами. Став, таким образом, теорией «четырёх случаев».

Важно отметить, что, будучи преимущественно микроэкономической теорией, теория провалов рынка, начиная с периода «заката» классического кейнсианства середины прошлого века и активного фундирования макроэкономической теории неоклассическими микроэкономическими основами, стала играть если не одну из ключевых, то, по крайней мере, маркирующую роль в макроэкономике. Современные макроэкономические школы уже в значительной степени делятся по позициям в отношении распространенности каждого из провалов в реальной экономике, на каждом из отдельных рынков. Так, например, школа «новых кейнсианцев» кладет рыночную власть и асимметрию информации в центр своей модели как принцип, отличающий их макроэкономические взгляды от взглядов школы «новых классиков», — что, безусловно, является свидетельством глубочайшего проникновения неоклассической логики в современную кейнсианскую теорию.

Критика неоклассической теории эффективности

Говоря о критике теории провалов рынка, следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что на данный момент в гетеродоксальных эконо-

мических теориях имеются целые традиции системной критики неоклассической теории, теория провалов рынка критиковалась системно только неоавстрийской школой, а остальные теории скорее затрагивали отдельные аспекты теории в контексте общей критики неоклассики.

В первую очередь, необходимо отметить, что важную роль в развитии неоклассической теории провалов рынка сыграла критика со стороны новой институциональной теории. В известном смысле, можно сказать, что некоторые разделы теории на данный момент крайне сложно разложить на неоклассические и новоинституциональные. Так, например, после коузианской критики теории внешних эффектов А. Пигу теория внешних эффектов оказалась тесно переплетенной с теорией прав собственности и теорией трансакционных издержек, а в формулировках провалов рынка требование отсутствия внешних эффектов часто заменяется требованием полноты рынка. В значительной степени институциональной является и экономическая теория информации (теория сигналов), и теория общественных благ (теория коллективных действий). Теорема Коуза стала своеобразным уточнением экономической теории благосостояния. Таким образом, институциональная конкретизация понимания рынка проявилась в институциональной конкретизации провалов рынка, т. е. и в корректировках в трактовке аллокативной эффективности.

Вместе с тем, пожалуй, основной поток критики был направлен именно на фиксированность неоклассики на аллокативной эффективности. Аллокативная эффективность дополняется концепцией Х-неэффективности Х. Лейбенштейна, представленной в работе «Эффективность размещения ресурсов и Х-эффективность» [4, 392—415]. Х-эффективность обеспечивается, если фирма производит при имеющемся наборе ресурсов и наилучшей из доступных технологий максимальный возможный объем продукции. Работа Лейбенштейна по своему содержанию не столько радикально критическая по отношению к неоклассике, сколько с помощью эмпирических исследований привлекающая внимание теоретиков к проблеме, считающейся по умолчанию решенной, а именно, проблеме обеспечения рынком производственной эффективности. Если в теории предполагается — поскольку фирмы движимы мотивом получения прибыли, то максимально возможная (при заданной технологии) производственная эффективность достигается автоматически — то на практике, при одинаковых комбинациях факторов фирмы достигают различного уровня производства. Нерешенным оказывается вопрос о факторах, сдерживающих достижение фирмой технологически заданной границы производственных возможностей.

Сам Лейбенштейн рассматривал X-неэффективность в качестве неэффективности, возникающей вследствие неполноты контрактов, т. е. как институционально обусловленную. Автор выделял следующие причины неэффективности: психологическое давление, «бремя» привычки, инерцию в поведении и др. Впоследствии Стиглер подверг критике идеи Лейбенштейна относительно уровня инерции и неведения, считая, что он оптимален в силу того, что стремление побороть эти явления исчезает, как только предельные издержки этого действия превышают ожидаемые предельные выгоды [5, 213—216]. Иначе, феномен X-неэффективности начал рассматриваться как феномен рыночно нейтрального институционального «трения», став частью теории контрактов и теории принципала-агента, а следовательно, и частью новой институциональной теории.

Однако главным направлением критики аллокативной «фиксированности» являлась экзогенность основных параметров экономического развития. Традиционно критики неоклассической теории акцентировали принципиально статически равновесный характер (статичность относится скорее к ранней неоклассике), невнимание к качественным параметрам экономических процессов, фиксированность параметров, которые имеют решающее значение (заданность технологий, предпочтений), невнимание к инновационным процессам. Данная критика объединяла представителей всей «палитры» гетеродоксальных школ: от приверженцев австрийской традиции, классических институционалистов, посткейнсианцев до марксистов. В связи с этой критикой принято говорить также о динамической, или о креативной, эффективности рынка, которая отражает способность рынка стимулировать научно-технический прогресс, инновационную активность, а также поддерживать устойчивые темпы роста. В связи с этим можно выделить два течения этой критики: неоавстрийское (Л. Мизес, Ф. Хайек, И. Кирцнер, М. Ротбард, У. Де Сото) и посткейнсианское (Н. Калдор, Дж. Робинсон, А. Лейонхувуд, П. Давидсон). Среди ученых, сложно идентифицируемых с какой-либо школой, но близких по содержанию критики, можно отметить Й. Шумпетера и А. Сена.

Стоит подчеркнуть, что теоретическая критика, направленная со столь разных позиций, была в значительной степени идентичной. Основным ее положением являлось неприятие неоклассического подхода, предполагающего экзогенность и определенность технологий и предпочтений. По мнению критиков, экономическое развитие невозможно в отдельности от изменений в тех параметрах, которые неоклас-

сика как раз и считает заданными⁴⁶. Говорить об эффективности рынка исключительно в контексте его способности к адаптации к технологическим условиям недостаточно, необходимо еще и исследовать способность рынка самого провоцировать изменения в этих условиях. В то же время само понятие аллокативной эффективности оказывается спорным ввиду неопределенности, как технологий, так и предпочтений.

Различия начинаются там, где исследуется сама эта эффективность. Для неоавстрийцев своеобразным гарантом обеспечения динамической эффективности является предпринимательство, за невнимание к которому они и критикуют неоклассику. Неоавстрийцы вводят концепцию динамической эффективности для того, чтобы показать, что провалы рынка, которые выделяет неоклассика, при переходе из статически аллокативного в динамический ракурс оказываются теоретической «иллюзией».

Для посткейнсианской же традиции переход на динамический уровень значит не отказ от признания существования аллокативной неэффективности рынка, а появление новых, качественно иных провалов. Н. Калдор противопоставляет аллокативную функцию и креативную функцию рынков. Аллокативная эффективность имеет свое ограниченное значение лишь в краткосрочном периоде, когда общественная организация производства оказывается заданной. Креативная же эффективность, состоящая в способности рынков «производить экономические изменения», имеет решающее значение [6, 1245—1246]. Данная оппозиция позволяет разделить эффективность рынков в достижении равновесия при существующих производственных возможностях и в создании новых производственных возможностей [7].

Для аллокативной эффективности необходимо соответствие цен и затрат⁴⁷, для производственной — затрат и возможностей наличной технологии. Процесс обеспечения же креативной эффективности имеет более сложный характер. Он выступает и как процесс создания прикладных технологических новшеств, и как процесс проведения базовых технологических разработок, которые только в будущем станут почвой для поиска практических приложения, и как процесс фундаментальных научных исследований, который определяет и то и другое.

Посткейнсианская теория фокусируется на проблеме обеспечения устойчивого роста как критерия динамической (креативной) эффек-

⁴⁶ Данная ограниченность частично снимается в современных неоклассических теориях эндогенного роста.

⁴⁷ В неоклассическом смысле это соответствие обеспечивается в случае равенства цены предельным издержкам.

тивности капиталистической экономики. Способность рынков обеспечивать стимулы к инновационной деятельности по созданию новых технологий и новых продуктов, обеспечивая при этом пропорциональность развития базовых и вторичных технологий и знаний, является основой долгосрочного экономического роста. Данный аспект приобретает особенное значение в свете развития экономики знаний, где само производство знаний (в том числе в форме научно-технических разработок) становится ключевым моментом экономического развития.

Ключевой чертой («провалом») частного способа финансирования технологического прогресса, согласно посткейнсианской теории, является «short-termism» [8, 419—440], или инвестиционная близорукость (майопия) [9, 71—82]. Согласно посткейнсианской трактовке проблемы, инвестиционная близорукость и «стадный инстинкт» (Кейнс) частных инвесторов подрывают основы для долгосрочного устойчивого экономического роста. Близорукость частных инвесторов, согласно данной теории, не может быть выгодна в долгосрочной перспективе даже для самих частных инвесторов [10, 433].

На основе посткейнсианского подхода можно выделить *провал неопределенности*, который заключается в том, что структура частных вложений оказывается неэффективной, рынок «самоочищается» от активов длительного пользования в пользу спекулятивных типов активов [11, 24]. В контексте экономики знаний это приводит к тому, что в силу высокой степени неопределенности вложений в фундаментальную науку и в базовые технические исследования, данные направления оказываются недофинансированными. На рынке растет диспропорциональность между базовыми и вторичными инновациями, что, в конечном счете, подрывает и основы долгосрочного устойчивого роста. Провал неопределенности в данном контексте можно считать нарушением креативной эффективности рынка по Калдору.

Выводы

Таким образом, провалы рынка рассматриваются в трех смыслах: как аллокативная, производственная и креативная (динамическая) неэффективность. При этом собственно неоклассическая теория фокусирует свое внимание на аллокативной эффективности. Критика неоклассической теории со стороны новой институциональной теории привела к реинтерпретации провалов рынка как в аллокативном, так и в производственном смысле. Критика же теории в основном фокусировалась на аспекте креативной эффективности рынка.

Важно отметить, что социально-историческая неопределенность категории «провал рынка» не позволяет поставить вопрос о едином источнике провалов рынка и вывести их систему. Например, неопре-

деленность, исследуемая в посткейнсианской теории креативной функции, фактически оказывается внешней по отношению к самому рынку, т. е. ее качество и уровень не связаны достаточно конкретно с характером социальной организации. Остается непроясненным вопрос: является ли неопределенность исключительно онтологическим условием любой человеческой деятельности вообще или же частично она сама порождается рыночным способом взаимодействия? То же касается и производственной эффективности. Остается без ответа вопрос: не задает ли сам способ соединения работника и средств производства ограничений на производительность? Если процесс производства рассматривается с ракурса проблемы принципала—агента, то предполагается несовпадение интересов собственника и работника. Не является ли это в свою очередь ограничивающим производительность фактором, вытекающим из рынка как способа связи работника и средств производства? Тогда сам феномен X-неэффективности нельзя отнести исключительно на рыночно нейтральные институциональные «трения».

Другим непроясненным моментом является взаимодействие аллокативной и динамической эффективности. Неоклассика фиксирует наличие в рыночном взаимодействии внутренних механизмов, обеспечивающих адаптацию к заданным условиям, однако если условия формируются эндогенно, то рыночное равновесие (а следовательно, и его аллокативная эффективность) скорее исключение из правил, чем правило. Не является ли тогда несовпадение процессов производства изменений и адаптаций к ним провалом рынка?

Все вышеуказанные проблемы нуждаются в дальнейших теоретических исследованиях.

Литература

1. *Смит А.* Исследование о природе и причине богатства народов. М., 2007.
2. *Medema S. G.* The Hesitant Hand: Mill, Sidgwick, and the Evolution of the Theory of Market Failure // *History of Political Economy*. 2007. No. 39(3).
3. *Sidgwick H.* The Elements of Politics. L., 1897.
4. *Leibenstein H.* Allocative Efficiency vs. X-Efficiency // *American Economic Review*. 1966. Vol. 56.
5. *Stigler G. J.* The Existence of X-Efficiency // *American Economic Review*. 1976. Vol. 66.
6. *Kaldor N.* The Irrelevance of Equilibrium Economics // *Economic Journal*. 1972. No. 82.

7. *Arndt H.W.* «Market failure» and Underdevelopment // *World Development*. 1988. Vol. 16. No. 2.
8. *Bellais R.* Post Keynesian Theory, Technology Policy, and Long-Term Growth // *Journal of Post Keynesian Economics*. 2004. Vol. 26. No. 3.
9. *Розмаинский И.В.* Инвестиционная близорукость в посткейнсианской теории и в российской экономике // *Вопросы экономики*. 2006. № 9.
10. *Juniper J.* Genealogy of Short-Termism in Capital Markets. School of International Business, University of South Australia, Adelaide, 2000.
11. *Розмаинский И.В.* К формированию посткейнсианской теории государства // *Terra economicus*. 2010. Т. 8. № 1.

Б.Б. СЛАВИН

Информация и кризис экономики

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь современных экономических кризисов с информационной неопределенностью рыночных взаимодействий. Показано, что зависимость устойчивости развития от состояния информационной инфраструктуры связана с глобализацией экономики и увеличением доли информации и знания в товарах и услугах.

Ключевые слова: информация, экономика, кризисы, манипуляции.

Abstract. This article examines the relationship between current economic crises and the informational uncertainty of market interaction. There is a dependence of the economic stability from state of the IT infrastructure. This dependence is related to the globalization of the economy and to the increasing in the share of information and knowledge into products and services.

Keywords: information, economy, crisis, manipulation.

Последний мировой экономический кризис 2008 — 2009 гг. наглядно показал, что саморегулирование товарно-денежных отношений в условиях глобализации не способно противостоять стихийным колебаниям спроса в масштабах планеты, и даже наоборот — является дополнительным катализатором таких колебаний. Без вмешательства со стороны государственных и межгосударственных экономических институтов остановить цепную реакцию резкого изменения спроса оказывается невозможным. Однако нерыночное регулирование эконо-

мики со стороны государств также не может быть долгосрочным, оно призвано лишь затормозить процессы распада, «расшить» узкие места в экономике, но не может стать, по крайней мере, в ближайшей перспективе, движущим и развивающим элементом товарного обмена.

Государства и международные экономические фонды играют роль страховых компаний для частного бизнеса, снижая болезненность кризисных явлений. Но они не устраняют сами риски, «излечивают» лишь их последствия, а не причины. Мир в очередной раз оказывается перед выбором между свободным рынком и регулированием экономики. Свободный рынок обеспечивает ускоренное развитие экономики, но и — как следствие стихийного развития — глобальные колебания спроса. Государственное же или надгосударственное регулирование, наоборот, стимулирует стагнацию, причем как кризисных явлений, так и самого экономического развития. В отсутствие альтернативы такому выбору мы становимся заложниками будущих кризисов, которые неминуемо будут повторяться, подтверждая пророчества Карла Маркса (см.: [1, 119—132]).

Рост производительности труда в результате конкурентной борьбы высвобождает человеческие ресурсы из необходимых для выживания всего человечества сфер деятельности и формирует основу для расширения потребительского спроса в совершенно новых товарах и услугах. Такое расширение все в меньшей мере отвечает естественным потребностям человеческого рода как системы в целом, что вполне естественно: целые отрасли экономики производят то, что человечеству вовсе и не надо (ядерное оружие), но самое главное — это расширение приводит к созданию чрезвычайно реактивной экономики, в которой спрос и предложение могут меняться в глобальных масштабах за небольшие промежутки времени, сея хаос и неопределенность. Финансовый кризис, вызванный каскадными сбоями в деятельности инвестиционных институтов, впервые за многие десятилетия затронул экономики всех государств — и больших и малых, и развитых и отсталых. Многим вспомнились актуальные пророчества основоположника коммунизма о цикличности и усилении кризисов капиталистической экономики. Глубина экономического катаклизма настолько потрясла политические элиты, что даже заставила их умерить пыл в реализации своих амбиций в борьбе за влияние в мире. Столь масштабный характер кризиса чаще всего объясняют тем, что он зародился в недрах самой мощной экономики — в Соединенных Штатах Америки, и согласно эффекту «домино» добрался до всех уголков планеты. Кризис поразила мировую экономику настолько сильно, что вновь поднял вопрос о выборе приоритетов между предоставлением свободы рынку и его регулированием. Вопрос, который вместе с развалом социалистиче-

ской системы был решен не в пользу государственного регулирования, подобно птице Феникс, воскрес уже в новом тысячелетии, и на сей раз перед всем мировым сообществом: «самая крупная перемена — которую до кризиса никто не предсказывал, — это усиление государственной власти» [2, 41]. Очевидно, что искать решение этого вопроса необходимо с учетом специфики сложившихся отношений в современном обществе.

Информационная природа современных кризисов

Процесс глобализации, сделав зависимыми между собой не только смежные отрасли, но и всю экономику в целом, опирается на долгосрочные стратегии и требует предсказуемости в деятельности бизнеса и государств, доступности и полноты информации. Развитие же рыночных отношений наоборот, приводит к увеличению информационной неопределенности. Свободный рынок из инструмента оценки спроса и предложений превращается в инструмент формирования самого спроса: потребительская стоимость товаров и услуг все больше создается за счет информационной составляющей, которая эту же потребительскую стоимость и создает. В условиях стихийного неуправляемого рынка информация в своем новом активном качестве перестает просто обслуживать процесс товарообмена, а сама становится объектом купли-продажи, лишая свободный рынок прозрачности и адекватности. Эти два противоположных процесса образуют своего рода «информационный разрыв», являющийся как движущей силой современной экономики, так и источником ее кризисных явлений. Основным противоречием в развитии постиндустриального общества становится конфликт между глобализацией экономики и ростом неопределенности рынка информации. Непонимание и недооценка ключевой роли информации на современном этапе развития общества могут свести на нет активность и единодушный порыв лидеров крупнейших мировых держав обуздать макроэкономическую стихию: локальный пожар будет потушен, потрепанные экономики откатятся слегка назад, но только для того, чтобы начать разбег для прыжка в новую катастрофу.

Современные информационные технологии, востребованные бизнесом для повышения собственной эффективности, создают условия реформирования и общественных отношений. Транснациональные корпорации, преследуя исключительно интересы наживы, способствуют развитию инфраструктуры не только развитых стран, но и отсталых регионов, в которых располагаются их филиалы. Потребность населения в средствах мобильной связи и персональных компьютерах вызывает «гонку компьютерных и мобильных вооружений» и резкий рост достижений в области телекоммуникаций и интернет-технологий.

Безусловно, инновации в первую очередь предназначены для того, чтобы дать корпорациям больше инструментов в организации своего бизнеса и получить дополнительные возможности для присвоения чужого труда, но те же достижения в телекоммуникациях упрощают и делают доступным обмен информацией между людьми, независимо от их государственной или национальной принадлежности.

Развитие мобильных средств связи и сети Интернет разрушает национальные и государственные рамки; интернационализируя аудиторию медийных и информационных агентств, предоставляет возможность формирования многообразных сообществ по интересам. Требования бизнеса повышения эффективности управления приводят к увеличению прозрачности и доступности корпоративной информации, а борьба за клиента заставляет компании создавать глобальные информационные ресурсы, доступ к которым предоставляется партнерам и клиентам. Глобальные финансовые рынки также требуют от корпораций четкой поведенческой дисциплины информирования о своих действиях. Конкуренция в области эффективности управления фактически заставляет бизнес и государства формировать технологическую структуру будущего общества, в котором не будет «закрытой» информации, а партнерами и клиентами компаний будут выступать все члены общества. Интеграция информационных систем коммерческих и государственных структур также создает основу единой системы обмена информацией. Насколько быстро будет протекать процесс информационного «открытия» бизнеса и государственных структур обществу — трудно сказать, даже трудно поверить, что это происходит, но технологические основы закладываются уже сейчас.

Использование информации в частных интересах противоречит социальной (общественной) природе информации. Только человек как социальный субъект способен увеличивать информацию. Это же косвенно подтверждает и закон кибернетики, согласно которому количество информации при преобразованиях в «неживой» природе может только уменьшаться. Но информация, порожаемая человеком, не возникает на пустом месте, а строится на фундаменте накопленных другими людьми знаний. Изображенный на тетрадном листке рецепт приготовления пищи, написанный талантливым поваром, представляет ценность, если запись выражена в единых для сообщества людей символах и понятиях. Но и символы и понятия в свою очередь имеют информационную основу, созданную поколениями наших предков. Информация — явление историческое, и ни один субъект не может приписать себе единоличное авторство той или иной информации, поскольку любой шаг вперед невозможен без того пути, который уже

проделало человечество. Информация является не только продуктом, но и достоянием всего общества.

Смена рыночной парадигмы

Последний мировой кризис показал, что свободный рынок не способен исполнить роль единственного регулятора в экономике. Но невозможно нейтрализовать негативные явления свободного рынка в условиях глобализации без понимания его информационной природы. Рыночные отношения с самого начала своего возникновения играли роль инструмента для обмена информации — информации о потребительских свойствах товаров и услуг; информации, получаемой из сопоставления спроса и предложения. Однако из-за жесткой конкуренции и усиливающегося мирового разделения труда потребительская стоимость перестает быть конкурентным преимуществом — редко, когда производителям удается долго в одиночку использовать свои технологические находки. В таких условиях на рынке начинает доминировать манипулирующая составляющая информации (см.: [3, 53—56]): поставщик товаров или услуг не просто следует за ожиданием потребителей, но начинает активно формировать спрос к своей продукции. Более того, такая проактивность (посредством изощренной рекламы и организации межнациональных сбытовых сетей) составляет все большую и большую долю в стоимости самого товара или услуги. Так, к апофеозу манипуляции информацией можно отнести имеющие многочисленные примеры продажи товаров или услуг, которые без информационного давления вообще никогда бы не были востребованы. Причем затраты на «одурачивание» поставщики «воздуха» включают в себестоимость, которую потребители же и оплачивают.

Несмотря на упомянутые издержки рынка манипулятивной информации, его роль в развитии экономики, во внедрении новых решений и технологий нельзя недооценивать. Поиск информационного повода для продвижения товаров и услуг заставляет производителей находиться в состоянии непрерывного творчества, пусть и с перегибами, но, в конечном счете, с выгодой для потребителя и развития производительных сил вообще. Именно отсутствие стимулов к активному формированию спроса в условиях тотального государственного планирования не оставило шансов на успех социалистической системе. Манипуляция информацией активизирует спрос и расширяет рынок, но одновременно делает его и менее прозрачным, «надувая» потребительскую стоимость и увеличивая информационную неопределенность в адекватности купли-продажи.

Манипулирующее свойство информации наиболее заметно на инвестиционном рынке. Инвестиции, кредиты и деньги — как и товары, имеют свою потребительскую стоимость, и обмен инвестиционными

обязательствами является также рынком информации. Только информация, получаемая участниками таких рынков, уже касается не конкретных физических свойств товаров, а надежности и перспективности эмитентов ценных бумаг — будь это государства, частные или государственные предприятия, или даже обанкроченные компании. Нетрудно понять, что измеримость и объективность такой информации крайне низки, что чревато появлением «мыльных пузырей» как за счет примитивного мошенничества (например, создания финансовых пирамид), так и в силу элементарного желания купить дешево и продать дорого, провоцируя нестабильность рынка. Фактически на рынках акций продаются информация о состоянии тех или иных компаний в настоящем и прогноз об их успехах в будущем. Как и в случае товаров, спрос на инвестиции активно формируется участниками рынка: при первичном размещении за счет road-шоу и рекламных компаний, на вторичном рынке — благодаря вбросу позитивной или негативной информации, путем массовых скупок или продаж акций. Даже требования регуляторов таких рынков открытости информации оборачиваются в пользу его игроков за счет «правильной» подачи отчетности и планов эмитентов.

В условиях глобализации экономики и мирового разделения труда потребительские свойства товаров и услуг достигают совершенства, выравниваются и теряют свои конкурентные преимущества. Нередки случаи, когда конкурирующие предприятия используют одни и те же комплектующие, общих поставщиков оборудования и проектной документации. Любое новое потребительское свойство товара или услуги, найденное в тяжелой конкурентной борьбе, тут же оказывается общим достоянием. Даже ноу-хау в области маркетинговых услуг перестают быть эксклюзивными и давать особые преимущества для существенного передела рынка. В этих условиях особую значимость приобретает возможность доведения информации о потребительских свойствах товара до конечного потребителя.

Наиболее ярко это проявляется на корпоративном рынке. Электронные торги, доступ к онлайн-заказам, безбумажный документооборот — эти сопутствующие продвижению продукта формы становятся уже неотъемлемым инструментом борьбы за корпоративного клиента. Вместе с товаром поставляется не только необходимая информация о его потребительских свойствах и качестве, но и полная информация о бизнес-процессах на предприятии-производителе, о соблюдении различных стандартов как самого производства, так и его управления. Часто корпоративным клиентам предоставляется даже доступ к информационной системе предприятия, посредством которо-

го они могут получить полную и актуальную информацию о стадиях производства товара или услуги с момента заказа до отгрузки.

Информационные технологии в бизнесе

В настоящее время наиболее передовой отраслью, использующей информационные технологии в качестве конкурентного преимущества своих услуг, является финансовый сектор. Повсеместное внедрение электронных платежей с использованием пластиковых карт и банковских терминалов позволило существенно расширить спектр финансовых операций, включая разнообразнейшие формы кредитования, переводы денежных средств, безналичную форму оплаты товаров и услуг, да еще в условиях самообслуживания. Пластиковая идентификационная карта стала одним из символов информационного общества, символом будущей системы безденежных отношений. Конкуренция в области предоставления информации о товарах и услугах с использованием информационных технологий привела к тому, что уже сейчас не только крупные, но и средние и мелкие производители товаров и услуг имеют собственные представительства в Интернете.

Услуга доступа к информации в сети Интернет сама по себе становится притягательным бизнесом. Небольшая компания Google, начавшая свою деятельность на средства гранта, выделенного на разработку информационно-поискового ресурса в Интернете, за несколько лет стала одним из лидеров высокотехнологичного сектора с оборотом в миллиарды долларов, предоставляя в качестве основной услуги возможности поиска информации. В общей потребительской стоимости продукта доля, связанная с предоставлением информации о нем, растет, а его конкурентная способность на рынке начинает напрямую зависеть от доступности такой информации. Более того, производители часто идут на изменение потребительских свойств товара только ради того, чтобы получить дополнительный информационный повод для его продвижения. Это особенно касается товаров широкого спроса, где информация носит еще и рекламный характер.

Именно превращение информации в предмет купли-продажи сделало рынок средой, сильно реагирующей на любые информационные поводы. Резкие колебания в распределении инвестиционных потоков способны остановить развитие целых отраслей экономики, что в условиях глобализации отражается на всех сферах бизнеса всех государств. Взятые под залог акций кредиты на развитие могут за короткое время стать необеспеченными, и, наоборот: небольшой, но «показавшийся» всем крайне перспективным бизнес может привлечь инвестиции, в сотни раз превышающие его размеры. Интерес к покупке информации возможен лишь в том случае, когда такая информация не доступна всем. Рынок информации паразитирует на ее непрозрачности, спосо-

бен создавать фантомы и разрушать реальное производство. Однако в этом заключается и санирующая роль рынка — бизнес, который полностью прозрачен для своих клиентов и партнеров, менее подвержен панике с их стороны и более устойчив к мировым катаклизмам.

Из-за непрозрачности информации общая информационная неопределенность при рыночной деятельности все время возрастает. Стоимости акций и валют, природных ресурсов в условиях отсутствия четкой информации оцениваются приблизительно по отношению к их стоимости «вчера», или по отношению друг к другу. Со временем неопределенность таких оценок накапливается подобно расширяющейся области возможного нахождения броуновской частицы в результате случайных и непредсказуемых столкновений с молекулами среды. Когда размер общей неопределенности становится сопоставимым с размером всей экономики (или хотя бы с размером экономики крупнейших мировых регионов), резко повышается вероятность возникновения кризиса. Кризис через банкротства и снижение темпов производства «обнуляет» неопределенность, заставляя все общество провести «инвентаризацию» и перезагрузку своей экономики.

На американском корпоративном рынке, где, в отличие от европейского, законодательная поддержка социальных гарантий работников не слишком велика, некоторые управленцы пользуются «кризисной моделью» в своей кадровой политике. В условиях ускоренного развития и внедрения новых технологий такие топ-менеджеры спокойно смотрят на расширение штатов своих компаний (главное — ускорить динамику преобразований), а затем проводят резкие и массовые сокращения, чтобы избавиться от балласта, который не нашел себя в изменившихся условиях. Такой подход исповедуется, когда руководители не хотят или не могут управлять своим кадровым ресурсом, когда отсутствует адекватная информационная система в области управления персоналом. Для мировой экономики, увы, такая кризисная модель стала естественной.

Каждое предприятие, особенно, если оно специализируется на инвестициях, пытается управлять своими рисками. В некотором смысле это является ответом на информационную неопределенность рыночных отношений. Однако оценка рисков происходит одномоментно — на текущую дату (пусть даже и с учетом исторических данных). Ни один из экспертов по управлению рисками не имеет методики учета глобальной неопределенности информации, хотя оценка такого макроэкономического параметра вполне может быть произведена. Например, для инвестиций можно выбрать показатель, равный суммарной по всему рынку абсолютной разности между стоимостью компаний, рассчитанной из дивидендной доходности, и рыночной стоимостью их

акций. Но не так важна конкретная формула расчета неопределенности, сколько ее учет в оценке состояния устойчивости экономики. Рост этого параметра нельзя ограничить законодательно или путем изменения кредитной политики центральных банков, единственная возможность им управлять — создавать прозрачную для всех участников рынка и максимально полную информационную среду.

Кризис как проявление информационной неопределенности

Возрастание информационной неопределенности рынка невозможно остановить регулирующими воздействиями. Рыночные отношения в силу своей информационной природы подвижны и делают мировую экономику эластичной и кризисогенной. Прямое же регулирование рынка со стороны государства ведет либо к торможению протекающих в нем процессов, в том числе и связанных с развитием, либо к уходу рынка в теневую и неконтролируемую экономику. Безусловно, в моменты кризисов альтернативы прямому регулированию нет — оно сродни хирургическому вмешательству, когда больного накачивают антибиотиками, а органы, в которых начались необратимые процессы, ампутируют. Однако чрезмерное увлечение регулированием может привести к тому, что антибиотики полностью парализуют, а ампутации навсегда обезобразят организм больного, и уже даже продолжительного времени не хватит, чтобы вывести экономику из послекризисного состояния.

Рынок невозможно эффективно регулировать даже монетарными методами. Деньги, являясь всего лишь инвестиционным инструментом, сами по себе ничего не создают, хотя и могут перераспределить направления инвестиций. Если у государства есть резервы инвестиционного ресурса (являющиеся фактически накопленными обязательствами других стран), оно может смягчить колебания рынка за счет остального мира. Однако в масштабе всей мировой экономики корректировать рынок возможно лишь в согласованном режиме, поступаясь национальными интересами. Но какой же должен быть суперцентр мирового регулирования и какие у него должны быть полномочия, чтобы регулировать, да еще адекватно, всю экономическую деятельность планеты?.. Информационная сущность рынка подсказывает, что поиск систем борьбы с кризисами надо вести в области информационного инструментария.

Свободный рынок — это агрессивная среда, дающая возможность производителю товара или услуги получать информацию о спросе на свой товар, о его конкурентоспособности. Стоимость такой информации может обернуться банкротством. Если такую информацию удастся получить другим путем, не через свободный рынок, а с использованием информационных технологий, эффективность общественного раз-

деления труда становится неизмеримо выше. Укрупнение бизнеса, уже ставшего технологичным, — путь, который позволяет избежать издержек свободных рыночных отношений. Однако если информационная система крупной многопрофильной корпорации не позволяет ее менеджменту получить информацию об эффективности разделения труда между предприятиями, единственный разумный путь — использовать рыночные отношения внутри группы предприятий: вывод на аутсорсинг сервисных служб, введение реальных взаиморасчетов между предприятиями, разделение и дезинтеграция активов.

Информационные технологии способствуют интеграции бизнеса, образованию партнерств, замене рыночных отношений вне рыночными регуляторами. Их отсутствие же, наоборот, ведет к дезинтеграции, к использованию исключительно рыночных методов регулирования, которые не всегда эффективны, чреваты кризисами перепроизводства, но являются единственной возможностью получить адекватную информацию о бизнесе в условиях его непрозрачности. Мировая информационная система — это не программное обеспечение и не технологии, а правила предоставления и обмена информацией, стандарты хранения и обработки электронных данных, обязательные законы раскрытия информации. Причем и правила, и стандарты, и законы должны представлять собой развивающуюся и совершенствующуюся систему.

Литература

1. Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1.
2. Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад национального разведывательного совета США. М., 2010.
3. Славин Б. От манипуляции к информационной прозрачности // Власть. 2012. № 5.

Н.И. БАЛДЫЧ

Кризис доверия к финансовым институтам в условиях несовершенной информации: пути преодоления

Аннотация. В статье рассмотрен феномен асимметричной информации как ключевой фактор утраты доверия к финансовым институти-

ям в условиях глобального финансово-экономического кризиса. Предлагаются способы возврата доверия между участниками финансовых рынков и усиления роли государства в этом процессе.

Ключевые слова: асимметричная информация, глобальный финансово-экономический кризис, доверие к финансовым институтам, несовершенная информация, финансовые рынки.

Abstract. In the article it is considered the phenomenon of information asymmetry as key factor for confidence loss in conditions of global financial and of economic crisis. It is proposed the methods to renew the confidence between the participants of financial markets and the increasing role of the state in this process.

Keywords: asymmetric information, global financial and economic crisis, confidence to financial institutions, imperfect information, financial markets.

Доверие является ключевой характеристикой конкурентоспособной и эффективно функционирующей финансовой системы. Последний глобальный финансово-экономический кризис оказал глубокое влияние на весь мировой финансовый рынок, национальные рынки отдельных стран и существенным образом пошатнул, если вообще не разрушил и до того хрупкое доверие к финансовым институтам. Одной из наиболее существенных причин этого стало усиление информационных проблем финансовых рынков, в частности, асимметричность распределения информации между рыночными участниками. Несовершенство информации рассматривается в этой связи как источник дополнительных рисков, существенно влияющий на решения инвесторов.

В современной экономической литературе асимметричность информации идентифицируется как неспособность рыночных механизмов саморегулирования, требующая корректировки со стороны государства. При этом до сих пор теорией и практикой не выработано действенных мер государственного регулирования информационной асимметрии. Особенности развития финансовых рынков в условиях трансформационной экономики выдвигают на передовую научных и политических дискуссий дополнительные вопросы, связанные с налаживанием комплекса институциональных механизмов регулирования деятельности всех институций финансовой системы, а в особенности — выполняющих информационные функции на финансовых рынках.

Проблемы несимметричного распределения информации между участниками различных рынков в последнее время стали предметом многих научных исследований. Весомый вклад в разработку теории асимметричной информации сделали нобелевские лауреаты по эконо-

мике Дж. Акерлоф, М. Спенс и Дж. Стиглиц. Начиная со второй половины XX в., эта проблематика стала одной из центральных в исследованиях финансовых рынков. Признавая несимметричное распределение информации неизбежным, многие исследователи сосредотачивают свои поиски на изобретении адекватных инструментов преодоления этого недостатка финансовых рынков, в том числе с помощью государственного регулирования [1—3].

Информационную асимметричность финансовых рынков называют одной из причин финансовых кризисов [4, 6]. Несимметричное распределение информации приводит к возникновению механизмов распространения кризисной инфекции, базирующихся как на рациональных подходах финансового менеджмента, так и на иррациональных изменениях рыночных ожиданий, которые комбинируются, образуя единый комплексный механизм быстрой передачи рыночных колебаний в финансовой сфере [5, 110]. Это явление получило в экономической литературе название «эффект инфицирования» (или заражения) [4, 6]. Выходя за пределы финансовых рынков, эффект инфицирования распространяется и на реальный сектор экономики; в условиях усиления интеграции национальных финансовых рынков происходит быстрое заражение всей глобальной финансовой системы. Эффект инфицирования — цепная реакция передачи финансовых потрясений из одной страны в другую, согласованные падения финансовых рынков один за другим. Исследованиями подтверждено, что эффект инфицирования зависит, в том числе от уровня асимметрии информации на финансовых рынках [4, 7].

Асимметричность информации признается важной характеристикой современных рынков и оказывает значительное влияние на экономические процессы на микро- и макроуровне: корпоративные заимствования, инвестиционную политику и политику дивидендов, глубину и продолжительность бизнес-циклов, уровень экономического роста в долгосрочной перспективе и др. Особую роль асимметричность информации играет на финансовых рынках, где происходит передача финансовых ресурсов на определенный срок или бессрочно с выплатой дохода в будущем. Временной фактор повышает риски потерь или уменьшения доходности инвестированных средств. Несимметричность намерений базовых участников финансовых рынков — инвесторов и эмитентов — при раскрытии информации приводит к проблеме неблагоприятного выбора, вследствие чего равновесие на финансовых рынках устанавливается при более высоком уровне цен (процентных ставок), чем это было бы при условии оптимального распределения информации.

Отсутствие полной информации о надежности, доходности инвестиционного проекта заставляет инвесторов вкладывать ресурсы по средним процентным ставкам, сложившимся на рынке. Вследствие этого заемщики, которым нужны ресурсы для финансирования высокодоходных проектов с низким уровнем риска, платят высокий процент. В то же время заемщики, которые финансируют высокорисковые проекты, имеют возможность в условиях асимметричности информации получить ресурсы под более низкий процент. Это влечет за собой вытеснение «хороших» инвестиционных проектов «плохими» и, следовательно, снижение качества портфелей финансовых посредников [4, 6].

Проблема неблагоприятного выбора возникает перед заключением контрактов на финансовых рынках. Как правило, в условиях несимметричного обмена информацией заемщики, имеющие низкую платежеспособность, проявляют наибольшую активность в поиске финансовых ресурсов. Таким образом, вероятность неблагоприятного выбора наиболее рискованных проектов повышается. Следовательно, от асимметричности информации несут потери и профессиональные участники финансовых рынков — финансовые посредники.

Моральный риск возникает после заключения финансовых контрактов и появляется в ситуациях, когда заемщик имеет стимулы осуществлять деятельность, нежелательную, с точки зрения заемщика. Наиболее ярко эта проблема проявляется на рынке страховых услуг, для которого характерно уменьшение стимула для застрахованных лиц предотвращать потери, возмещаемые страховыми компаниями.

Вследствие информационной асимметрии на некоторых сегментах финансовых рынков может возникать проблема «безбилетника», т. е. ситуация, при которой одни участники, которые не тратят ресурсы на сбор информации, могут, однако, получать выгоды от информации, собранной другими участниками. Проблема «безбилетника» особенно важна на рынке ценных бумаг. Если некоторые инвесторы получают информацию о недооцененных ценных бумагах и впоследствии их покупают, другие инвесторы, которые не оплатили эту информацию, могут купить такие ценные бумаги вместе с хорошо информированными инвесторами. Если инвесторы-«безбилетники» могут это сделать, повышенный спрос на недооцененные ценные бумаги приведет к повышению их цены. В результате, инвесторы, собравшие информацию, не смогут получить ожидаемый доход [6]. Таким образом, проблема «безбилетника» на финансовых рынках обуславливает потребность в обеспечении защиты информации участниками, потратившими ресурсы на ее сбор.

В результате длительного функционирования рыночного хозяйства институционально оформились рыночные субъекты, специализирующиеся на поставке базовым участникам финансовых рынков, институциональным инвесторам информации, необходимой для принятия ими рациональных экономических решений. Здесь, в первую очередь, речь идет о кредитных рейтинговых агентствах, призванных обеспечивать объективную и взвешенную оценку кредитоспособности эмитентов финансовых обязательств. Необходимо отметить, что в обычных условиях (при отсутствии масштабных дестабилизирующих факторов) деятельность этих субъектов в целом удовлетворяла запросы финансовых рынков. Во время разворачивания последнего глобального финансово-экономического кризиса очевидными оказались деструктивная роль кредитных рейтинговых агентств в недооценке рисков, их неспособность предотвратить распространение эффекта инфицирования в планетарных масштабах.

Указанное обусловило потерю рейтинговыми агентствами доверия со стороны участников финансовых рынков, что привело также к снижению управляемости глобальной финансовой системы [7, 112]. Это побудило к возникновению практически единодушного мнения во многих странах о необходимости пересмотра национального законодательства, а также международных стандартов деятельности рейтинговых агентств.

Другим типом рыночных институций, призванных снижать уровень информационной асимметрии в отношениях «кредитор — заемщик», являются бюро кредитных историй. Вместе с тем, по наблюдениям экспертов, в странах, не имевших длительной истории распространения кредитной информации, кредиторы зачастую не заинтересованы обмениваться своей информацией с третьей стороной из-за отсутствия доверия. Таким образом, эти институции также оказываются несостоятельным в уменьшении информационных проблем финансовых рынков и повышении уровня доверия между его участниками.

В странах, где процессы становления финансовых рынков еще далеки от завершения, узость финансового сектора, дефицит ликвидности, неспособность аккумулировать внутренние финансовые ресурсы обусловлены ростом недоверия к финансовым учреждениям. Основными проблемами в функционировании финансового сектора в этих странах остаются непрозрачность ценообразования на услуги, отсутствие объективной информации для принятия потребителями обоснованных решений, низкая ответственность финансовых посредников перед клиентами, незащищенность прав инвесторов. Неразвитой остается финансовая инфраструктура.

Несовершенство институционального оформления и технологической оснастки национальных финансовых рынков в странах с формирующимися экономиками, неэффективность системы раскрытия информации ограничивают способность финансовых рынков выполнять свое основное предназначение в экономике: обслуживать перетекание финансовых ресурсов между отраслями, регионами, странами, обеспечивать ликвидность финансовых инструментов и т. п. И следствием, и причиной этих явлений выступают низкая капитализация финансовых рынков, высокий уровень рисков для инвесторов. Имеющиеся проблемы в информационной открытости финансовых рынков в таких странах обуславливают необходимость развития их информационной инфраструктуры, а также систематического и комплексного раскрытия информации.

Существенное снижение взаимного доверия между участниками финансовых рынков предопределяет приоритетность задач государства по обеспечению стабильности работы финансовых институций через повышение регуляторных требований к их деятельности, совершенствование контрольно-надзорной работы. Чрезвычайно актуальным остается усиление контроля над притоком краткосрочных иностранных инвестиций в финансовый сектор, что, как показал предыдущий опыт, не стимулирует внутреннее производство, увеличивает уязвимость национальных экономик к негативным внешним воздействиям.

Вместе с тем в условиях кризисного падения финансовых рынков возникает угроза сдвига к применению более жестких мер государственного регулирования, включающих санкции к учреждениям, нарушившим установленные правила или не выполняющим обязательства перед клиентами. Наблюдается усиление контроля над созданием новых финансовых учреждений, ставятся жесткие условия при регистрации и лицензировании, ограничения на проведение активных операций и т. д. Такие меры, в первую очередь, направлены на предотвращение банкротства финансовых учреждений, падение финансовых рынков и распространение кризисных явлений на другие сектора экономики. Однако чрезмерный государственный интервенционизм может привести и к негативным последствиям: стагнации финансовых рынков, падению доверия со стороны потребителей, снижению доходов, замедлению движения капиталов, снижению ликвидности финансовых активов и т. п. Таким образом, при введении антикризисных мер на финансовых рынках нужен взвешенный подход.

В таких условиях эффективным может оказаться сбалансированное распределение регуляторных функций между государственными органами и саморегулирующими организациями бизнес-среды. Саморегу-

лирующие организации выполняют ряд важных функций на финансовых рынках, среди которых значимое место занимает информационная, заключающаяся в анализе информации о деятельности своих членов; предоставлении им соответствующей информации о деятельности самой организации и рынка в целом; сборе, обобщении и предоставлении соответствующей информации государственному регулятору (в случае делегирования соответствующих полномочий); распространении информации о деятельности профессиональных участников, динамике рынка и т. п. Именно с выполнением информационной функции связываются преимущества саморегулирования по сравнению с жестким государственным вмешательством. Благодаря саморегулированию сокращаются транзакционные издержки профессиональных участников финансовых рынков, возникающие вследствие ограниченного доверия между ними. Поскольку информация является ключевой для каждого члена саморегулирующих организаций, они более ответственны по сравнению с государственными регуляторами в обеспечении раскрытия информации [7].

Таким образом, периодически повторяющиеся финансовые кризисы свидетельствуют о несостоятельности чисто рыночных регуляторов для уравнивания рынка, обеспечения его участников информацией, необходимой для принятия эффективных решений, и способствования формирования доверия к финансовым институтам. Как реакция на такие «провалы» рынка, во многих странах наравне с рыночными развиваются различные формы, методы и инструменты государственного регулирования информационной асимметрии финансовых рынков. Такой симбиоз рыночных и государственных регуляторов способен существенно уменьшить информационные проблемы современных финансовых рынков и повысить уровень доверия между их участниками.

Литература

1. *Bebczuk R.N.* Asymmetric Information in Financial Markets. Introduction and Applications. Cambridge, 2003.
2. *Carmichael J.* Development and Regulation of Non-Bank Financial Institutions. World Bank, 2002.
3. *Dodd R.* The Economic Rationale for Financial Market Regulation. Wash., 2002. Dec. // <http://www.financialpolicy.org/fpfspr12.pdf>.
4. *Барановський О.І.* Предтечі фінансових криз // Фінанси України. 2009. № 3.

5. Кабанов В.Г. Методологічні засади ідентифікації кризових явищ на ринку фінансових інвестицій в Україні // Фінанси України. 2009. № 4.

6. Venu S. Asymmetric Information and Financial Markets' Regulation // <http://www.thehindubusinessline.com/2003/02/10/stories/2003021000030900.htm>.

7. Bossone B. The Role of Financial Self-Regulation in Developing Economies // Financial Sector of the World Bank Group // <http://www1.worldbank.org/finance/html/self-regulation-in-developing-.html>.

П.В. СКОТНЫЙ

Рост человеческого капитала как основа развития государства

Аннотация. В статье рассматривается экономическая категория «человеческий капитал», базирующаяся на достижениях неокейнсианства, институциональной, неоклассической и других экономических теорий. Исследуется проблема взаимосвязи роста человеческого капитала и развития государства. Обосновывается роль инвестиций в развитие человека как приоритетного направления развития экономики в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: человеческий капитал, рынок труда, экономика знаний, производительность труда.

Abstract. This article examines the economic category of human capital which is based upon the achievements of the institutional, neo-classical, neo-keynsian and other economic theories. The author researches the interrelation between the human capital growth and the develop of a state and substantiates the role of investments into human development as the priority direction of economic development in the post-industrial society.

Keywords: human capital, labour market, knowledge economy, labour productivity.

Главным фактором развития экономики знаний и инновационной экономики является человеческий капитал. В общем виде его можно рассматривать как экономическую категорию, характеризующую совокупность сформированных и развитых личностных качеств и мотиваций индивидов, используемых в экономической деятельности, кото-

рые способствуют росту производительности труда и благодаря этому влияют на рост материальных доходов своего владельца и национального дохода.

Человеческий капитал как экономическая категория базируется на достижениях неокейнсианства, институциональной, неоклассической и других экономических теорий. Основоположниками этой концепции являются лауреаты Нобелевской премии по экономике Теодор Шульц и Гери Беккер, которые, применив экономический подход к человеческому поведению, определили эффективность инвестиций в человеческий капитал. Так, в работе «Человеческий капитал» Г. Беккер отмечает: «Человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека, ключевыми среди которых являются образование, подготовка на производстве, расходы на охрану труда, миграцию и поиск информации о ценах и доходах» [1].

Сегодня в отечественной экономической литературе часто используется такое определение Е. Гришнова: «Человеческий капитал — это сформированный и развитый в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, который целенаправленно используется в той или иной сфере экономической деятельности, способствует росту производительности труда и благодаря этому влияет на рост доходов своего владельца, прибыли предприятия и национального дохода» [2]. Иначе говоря, выходит, что эффективное использование человеческого капитала способствует росту производительности труда и доходов человека. Благодаря увеличению материального благосостояния работник может позволить себе направить необходимые денежные средства на лечение, повышение квалификации и т. д., в результате чего возрастут его потенциал (творческий, интеллектуальный, физический) и последующее его эффективное применение. Разработка и реализация комплекса средств интенсивного накопления и эффективного использования человеческого капитала во многом зависят от того, как государство, семья, социальные институты поддерживают процесс развития интеллектуальных и творческих способностей человека, как они активизируют его деятельность в экономической сфере. Все это является важным фактором экономической модернизации, первоочередной задачей всех стран в условиях постиндустриальной трансформации [3].

Формирование нового рынка труда, появление в экономике промышленных высокотехнологических отраслей и компаний, постепенный рост удельного веса соответствующего оборудования существенно изменили структуру современной рабочей силы, повысив количество инженерно-технического персонала, интеллектуальный характер их деятельности (в том числе и в сфере управления). Все это, вместе с

увеличением масштабов научных исследований, определяет необходимость значительного роста интеллектуальной подготовки и культурной зрелости совокупной рабочей силы развитых стран, постепенного формирования ее творческого потенциала в соответствии с переходом традиционной экономики к экономике знаний. По данным ИМЭМО РАН, удельный вес работников творческих профессий в течение 40 лет (1960—2000) возрос в США с 37 до 50% от общего числа рабочих, в Германии — с 32 до 50, в Японии — с 33 до 55%, а учитывая профессии с элементами творческой работы, — соответственно в США — с 80 до 79%, в Германии — с 57 до 78, в Японии — с 65 до 79%. Как видим, это практически 4/5 от общей численности всех рабочих [4, 196].

Не менее важным аспектом трудовых ресурсов является формирование глобального рынка высокоинтеллектуального труда. Как правило, инновационный тип экономического развития практически всех развитых стран (ЕС, США, Канады и т. д.) формирует повышенный спрос на исследователей и высококвалифицированных специалистов. Высокий уровень заработной платы, комфорт и соответствующие условия для научных исследований побуждают молодых специалистов мигрировать в надежде на лучшие перспективы карьерного роста и результативности научных поисков. Так возникает феномен миграции творческих и интеллектуальных кадров, чрезвычайно выгодной для стран-реципиентов и крайне негативно влияющей на экономику стран, которые они покидают.

Человеческий капитал и экономика знаний как общественно значимые факторы стали объектом пристального внимания государственных структур. Многие страны, вырабатывая стратегию своего экономического развития, ее основой полагают программы усиления интеллектуального потенциала путем развития образования, содействия компаниям в укреплении их интеллектуального капитала в поддержку инновационного малого и среднего бизнеса. Это свидетельствует об осознании на уровне государства того, что «использование знаний умножает результаты хозяйственной деятельности значительно эффективнее, чем использование какого-либо другого производительного фактора» [5, 2]. Вследствие этого изменяется направленность экономической политики страны, как и ее экономики в целом. Аналогичные изменения свойственны и странам ЕС, где при наличии высокого уровня координации экономической политики разрабатываются различные программы расширения, модернизации и гармонизации образования, использования сверхновых информационных технологий и инфраструктуры, инновационных стратегий и методологий мышления.

В пользу экономики знаний свидетельствуют стимуляция государственного инновационного бизнеса, создание институциональной среды и антимонопольного законодательства, а также расширение и модернизация экономического и управленческого образования с целью подготовки современных высококвалифицированных руководителей.

В процессе своего становления экономика знаний формирует новый тип взаимодействия с традиционным видом экономики (взаимодополняемость, взаимопроникновение, тесная взаимосвязь). Поскольку знание превратилось в глобальное общественное благо, феноменальный двигатель социально-экономического развития, предоставляющий возможность ускорить процесс преодоления слаборазвитости 75% населения планеты, многие передовые страны мира стремятся способствовать распространению знаний за границами государства-генератора, превращая их в объект глобального использования.

В связи с этим необходимо учитывать проблему негативных социальных и политических последствий использования знаний в международном масштабе. Особенно возрастают различия в уровне информированности, статусе работающего человека в условиях сверхновых, цифровых и нанотехнологий. Использование какой-либо инновационной технологической формы так или иначе приводит к ее интериоризации и, как следствие, — к «видоизменению отношений человека с реальностью сквозь призму новых возможностей. Каждая новая технология в процессе ее использования изменяет типологию человека, находит все новые способы ее дальнейшего использования» [6, 85]. Необходимо учитывать, что экономика знаний в XXI в. объективно создает предпосылки отставания некоторых стран, углубления разрыва в уровнях их развития и, таким образом, обострения глобальных противоречий. Так как свободная циркуляция информации, возможность неограниченного доступа к знаниям могут быть использованы во зло человечеству, они могут вызвать и духовный (антропологический) кризис в современном мире. Поэтому «человек информационного общества всегда должен быть особо внимательным к соблазнам сверхтехнологического машинного мира, чтобы не превратиться в его придаток» [6, 89]. Для этого необходимо контролировать использование современных знаний с позиций гуманизма.

Становление экономики знаний возможно при условии формирования и эффективного функционирования национальных инновационных систем в странах, стремящихся создать такую экономику. Поскольку главным ресурсом экономики нового типа является человеческий капитал, для того, чтобы знания использовались, необходимо их постоянное обновление. Инновации возникают спонтанно, а формируются в результате целенаправленных действий значительного коли-

чества профессионалов в соответствующей интеллектуальной среде. Экономика знаний постоянно генерирует инновации, т. е. обеспечивает непрерывный процесс превращения нового знания в новые товары и услуги. Ее определяющей чертой является способность создавать на основе знаний новую стоимость, превращая их таким образом в инвестиции, которые, в свою очередь, обеспечивают рост экономического благосостояния страны и конкурентоспособности ее экономики [2, 26].

Важным методологическим подходом в определении экономики знаний является тот факт, что условие экономического роста какой-либо страны — конкурентоспособность ее хозяйственных субъектов. Традиционная «индустриальная экономика» («старая» экономика) поддерживает конкурентоспособность своих фигурантов за счет экономии расходов, путем привлечения большего количества низкоквалифицированных работников с невысокой заработной платой. Такую стратегию в экономической литературе часто называют «нижним путем» к экономике роста. Конкуренция здесь всегда высокая, поскольку потенциальные конкуренты постоянно ищут новые способы производства, предоставляющие возможность поставлять товары и услуги дешевле и таким образом более полно удовлетворять спрос на них, который постоянно индивидуализируется.

Так называемый «верхний путь» к экономике роста предусматривает использование знаний как основного фактора человеческого капитала с целью эффективного улучшения современного производства. Главной целью стратегии является не максимизация дополнительной стоимости при использовании более дешевой рабочей силы (или природных запасов для страны сырьевой ориентации), а создание продуктов или процессов нового поколения с качественно новыми характеристиками. Человек, его интеллект, творческие способности, образование (т. е. все составляющие понятия «человеческий капитал») — вот определяющая доминанта в экономике знаний.

В современном мире странами-лидерами являются государства, осознающие, что наиболее выгодные инвестиции — это инвестиции в человеческий капитал. Сегодня часть человеческого капитала в национальном богатстве мирового сообщества составляет 64%, природного капитала — 20, а физического — всего 16%. В рейтинге наиболее успешных стран мира, составленном Британской организацией Legatum Institute [7], в 2012 г. первое место среди 142 стран-участниц заняла Норвегия. Этот рейтинг включает 79 параметров, в том числе материальное состояние и качество жизни граждан, экономические показатели, уровень образования, качество системы охраны здоровья, обеспечение безопасности, свобода личности, а также наличие демократических институтов. В первую десятку стран попали также Дания,

Швеция, Австралия, Новая Зеландия, Канада, Финляндия, Нидерланды, Швейцария и Ирландия. Украина в рейтинге заняла 71-е место, Россия — 66-е.

По рейтингу конкурентоспособности экономик, составленному на основе исследований Мирового банка, наиболее конкурентоспособной в Европейском союзе является экономика Скандинавских стран. Эти страны в 1970-е и 1990-е гг. встали на путь выхода из экономического кризиса, связывая перспективы своего социального и экономического развития в первую очередь с качеством образования. Удельный вес человеческого капитала в таких высокоразвитых странах, как Финляндия, Швейцария, Германия, Япония, США и др., составляет до 80% их национального богатства, являясь главным продуктивным фактором в создании новых технологий производства, повышении их эффективности, гарантом опережающего развития науки, культуры, охраны здоровья, социальной сферы. В развитых странах капиталовложения в образование, науку, культуру, охрану здоровья превышают вложения в техническое оснащение, оборудование, здания и сооружения. Это обеспечивает решающие преимущества в их технологическом и интеллектуальном развитии, а также в улучшении качества жизни населения. Поэтому основной прирост национального богатства какой-либо страны определяется сегодня условиями, созданными в ней для раскрытия человеческого потенциала.

Формирование экономики знаний требует сегодня инноваций в системе образования и рынка образовательных услуг. Наиболее перспективной в XXI в. является так называемая концепция постоянного (пожизненного) образования, охватывающая базовое образование молодежи и периодическое обучение взрослых. Современное высшее образование также претерпевает существенные изменения, вызванные необходимостью гибкого приспособления к условиям рынка труда. Это изменения в содержании образования (приоритетность практико-ориентированных программ), в структуре, технологии и организации обучения (индивидуальная траектория обучения, акцент на самостоятельной работе студентов, усиление исследовательской составной обучения, использование компьютерных технологий, особенно технологий дистанционного обучения), в финансировании (увеличение доли частного финансирования). В корне изменилось и само понимание образованности человека, которая, помимо наличия определенного объема знаний, предполагает соответствующий уровень компетентности, достаточных для их немедленного применения, а также способность постоянно обновлять и совершенствовать их. Главная особенность экономики знаний — генерирование человеческого капитала и обеспечение его использования на рыночной основе.

Литература

1. *Becker G.S.* Human Capital. N. Y., 1964.
2. Экономика знаний. М., 2008.
3. *Насинайко Д.С.* Передумови формування ідеї людського капіталу // Наукові праці КНТУ. Економічні науки. 2010. № 17.
4. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. М., 2003.
5. *Мильнер Б.З.* Управление знаниями: эволюция и революция в организации. М., 2003.
6. *Емелин В.А.* Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии. 2010. № 5.
7. Официальный сайт Legatum Institute // <http://www.li.com/publications>.

К.И. СОТНИКОВА

Почему в России нет компаний подобных «Apple» или «Toyota»?

Аннотация. Российская модель инновационного развития встала на путь насаждения инновационной среды сверху через надувание государственных расходов на инновации. Анализ ведущих инновационных компаний мира показывает, что отличительной чертой великих компаний является создание инновационной среды через систему ценностей и философию бизнеса, с ориентацией на долгосрочные и, важно отметить, нефинансовые цели. Для отечественных компаний в отсутствие стабильной политической среды, высокой коррупционной составляющей бизнес-среды основным препятствием к созданию устойчивой инновационной среды становятся размытость или отсутствие какой-либо идеологии в бизнесе, циничное отношение к результатам своего труда и своему окружению, ориентация на краткосрочные и исключительно финансовые цели.

Ключевые слова: инновационное развитие, барьеры на пути инноваций, инновационная среда.

Abstract. Russian model of innovation development stays on the path of implanting innovations environment from the top by increasing government expending on innovations. Analysis of world leading corporations indicates that distinguishing feature of visionary companies is to create innovation

environment through development of business values and business philosophy with orientation on long-run and non-financial goals. In case of unstable political environment, huge corruption costs in business environment the main obstacle towards development of sustainable innovation environment becomes diffuseness or absence of any business philosophy, cynical attitude to the results of own work and orientation on short-term and only financial goals.

Keywords: innovation development, innovation environment, obstacles to innovations.

Последние годы и президент, и правительство постоянно говорят о необходимости перехода на инновационный путь развития, о модернизации экономики, о снижении сырьевой зависимости. Предполагается, что для этого достаточно создать инновационную инфраструктуру, и частный бизнес при определенной государственной поддержке постепенно начнет движение в этом направлении (см.: [1]). Однако за годы рыночных трансформаций сформировалась экономическая система, в которой прочно закрепились колоссальные по своим масштабам коррупционные издержки в государственной среде, атмосфера недоверия в бизнес-среде и отсутствие стабильных и рабочих взаимосвязей между научной, образовательной и бизнес-средой. Так, свое видение настроений в отношении инноваций в России точно описал в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в 2011 г. глава «Роснано» А. Чубайс: «Ядовитая атмосфера в стране. Никто ни во что не верит».

Пока идут поиски инновационной модели развития для России, государство продолжает попытки насадить инновационную среду сверху (см. об этом, напр.: [2]) (высокими темпами растут государственные расходы на инновации, создаются и развиваются центры поддержки инновационной деятельности в виде «Роснано» и «Сколково» и пр.). Россия уже вошла в первую десятку стран мира по инвестициям в инновации, однако частный бизнес не принимает активного участия в этом процессе (см.: [2]). Какие существуют пути, чтобы переломить общественные настроения и ожидания?

Как отмечают российские экономисты, в современной российской экономической среде бизнес преследует в основном краткосрочные интересы, а в обществе господствует кризис ожиданий, что фактически сводит на нет все усилия государства (подробнее об этом см.: [3—5]).

В экономических системах, созданных в развитых странах, в настоящее время основными проводниками инноваций являются частные компании, причем главную роль играют ведущие корпорации, напри-

мер, такие как «Apple», «Toyota», IBM, «Samsung» и др. Именно они задают инновационный тренд по всем направлениям, предъявляют запрос на исследования и занимаются коммерциализацией результатов НИОКР, ведут поиски новых бизнес-моделей (об этом см.: [6—8]). За двадцать лет преобразований и перехода от плановой экономики к рыночной в России так и не появилось компании, которую можно было бы поставить в один ряд с этими ведущими корпорациями мира, сложно найти громкие и значимые реализованные инновационные проекты, нет примеров выдающихся корпоративных практик российских компаний, на которые хотелось бы равняться зарубежным фирмам.

Самая дорогая компания России — «Газпром» — претендовала на вхождение в список десяти самых дорогих компаний мира и ставила себе цель достичь капитализации в 1 трлн дол., но в период с 2008 по 2011 г. подешевела в 2,5 раза, спустившись со 360 млрд до 146 млрд дол. [9]. В то время как, например, компания «Apple» подорожала более чем на 4500% за последние десять лет и стоит более 500 млрд дол. (в 5 раз дороже «Газпрома») [9]. Никто из экономистов не пишет о «Газпроме» как о «великой» компании, имя CEO «Газпрома» мало кому известно за рубежом, за исключением разве что лидеров стран Европы, которых «Газпром» периодически заставляет нервничать из-за перебоев с поставками газа.

Имена отдельных российских бизнесменов (например, Р. Абрамович, Б. Березовский, Е. Батурина, В. Вексельберг, М. Фридман) известны многим, но не из-за их лидерских качеств или гениального предвидения, а из-за крупных и не всегда понятных покупок или скандалов, в которых они оказываются замешанными. Среди них сложно отметить харизматичных великих руководителей, заражающих окружающих своими прорывными и яркими идеями. Однако весь деловой мир хорошо знает имена, например, Генри Форда («Ford Motors»), Уолта Диснея («Disney»), Стива Джобса («Apple»), Сэма Уолтона («Walmart»), Джека Уэлша («General Electric»), Дэвида Паккарда (HP), Джорджа Мерка («Merck») (см.: [6—8]).

Примеры таких стран, как США, Германия, Япония, Южная Корея и др., показывают, что именно такие лидеры и компании могли бы обеспечить качественный разворот российской экономики, создали бы базу, точку роста, на основе которой могли бы произойти качественная трансформация, переход к новому технологическому укладу. Что же препятствует появлению в России подобных компаний? Попробуем для начала понять, что общего у этих компаний, — для этого обратимся к зарубежным исследованиям.

Так, в 1994 г. было опубликовано масштабное исследование профессоров Стэнфордского университета Дж. Коллинза и Дж. Порраса,

длившееся шесть лет (см.: [6, 35]). В рамках проведенной работы исследователи попытались ответить на вопрос: какие черты и особенности объединяют «великие»⁴⁸ компании, оказывающие огромное влияние на образ жизни общества? На первом этапе они постарались определить, какие компании из списка «Fortune—500» можно в принципе считать «великими». Для решения этой задачи исследователи составили выборку из 700 первых лиц компаний из разных отраслей по спискам журналов «Fortune» и «Inc.» и попросили каждого CEO назвать по пять компаний, которые он или она считали бы «великими». Получившийся список наиболее часто упоминаемых компаний в целом соответствовал следующим критериям: лидер в своей отрасли, широко признана в деловом сообществе, оставила неизгладимый след в мире, возглавлялась несколькими поколениями руководителей, пережила несколько жизненных циклов товаров или услуг, основана до 1950 г. [6, 36—45].

После обработки данных был составлен список из 18 компаний⁴⁹. В итоговый список вошли: организации-лидеры, «бриллианты» в своей отрасли, широко признанные и имеющие длительную историю влияния на окружающий мир. «Великие» компании процветают в течение многих лет, многократно переживают и жизненные циклы товаров, и многие поколения своих лидеров. Многие компании из этого списка в истории своего развития переживали не раз серьезные трудности. Эти компании стали неразрывной частью общества.

Проект по исследованию закономерностей исторического развития этих восемнадцати «великих» компаний позволил бы определить, чем они отличаются от «компаний-конкурентов», какие факторы обусловили их долговременное лидерство. «Компании-конкуренты», которые использовались в качестве контрольной группы для сравнения, это вполне успешные компании, существующие достаточно долго и в среднем функционирующие выше фондового рынка. Но все они не дотягивают до «великих» и занимают, как правило, вторые места в отрасли. В рамках исследования были поставлены две цели: идентифицировать основополагающие характеристики и внутренние тенденции, которые были бы общими для «великих» компаний, представить эти открытия в виде практических концептуальных моделей.

⁴⁸ «Великие» компании — перевод с англ.: то же что и *visionary companies* (компании с видением) or *bult to last* (посроенные навечно компании).

⁴⁹ Citicorp, Procter&Gamble, Philip Morris, American Express, Johnson & Johnson, Merck, General Electric, Nordstrom, 3M, Ford, IBM, Boeing, Walt Disney, Marriott, Motorola, Hewlett-Packard, Sony, Wal-Mart [6, 27].

Один из первых выводов исследования — создание «великой» компании не требует наличия харизматичного лидера или великой идеи. Более того, существование такого лидера или идеи, как правило, отрицательно влияет на построение «великой» компании. Кроме того, результаты исследования вступают в противовес классической бизнес-доктрине — главной движущей силой или целью компании было не «увеличение стоимости акций» и не «максимизация прибыли», а основополагающая идеология — ключевые ценности и смысл деятельности.

Главный же и ключевой результат исследования — отличительными чертами успешных компаний становятся постоянство ключевой идеологии и стимулирование прогресса и изменений во всем остальном. Ценности и философия бизнеса таких компаний остаются неизменными в течение десятилетий, но используемые стратегии, методы и инструменты управления и ведения бизнеса постоянно меняются. Эту идею можно выразить в виде концепции: «сохраняя суть — стимулируй прогресс». Несмотря на то, что ключевые ценности и идеология довольно сильно (иногда кардинально) различаются у «великих» компаний из исследуемой группы, для каждой компании они являются основой создания и поддержания инновационной среды, которая толкает эти компании к постоянному поиску новых продуктов, стратегий, моделей. Прогресс есть не что иное, как стремление к развитию, к поиску нового, постоянные инновации (см.: [10]). Таким образом, через свою систему ценностей, через идеологию и философию своего бизнеса «великие» компании создают инновационную среду.

Отличительной чертой «великих» компаний является ориентация на долгосрочные цели, причем цели эти ни в одной из изученных компаний не касаются максимизации прибыли или акционерной стоимости. Напротив, эти компании ориентируются на улучшение жизни общества в целом, на максимальное удовлетворение потребностей своих клиентов, а прибыль рассматривают лишь как средство достижения своих более высоких целей. Ради достижения этих целей «великие» компании готовы жертвовать краткосрочными финансовыми результатами, но, как свидетельствует история, в конце концов неизменно оказываются в плюсе (см.: [10; 11]).

Возвращаясь к вынесенному в название статьи вопросу, попробуем разобраться, что же мешает ведущим российским компаниям встать в один ряд с великими компаниями западного мира? Это отсутствие сформулированных в явном виде корпоративных ценностей, размытость или отсутствие какой-либо идеологии, отсутствие постоянства и приверженности своим ценностям, ориентация на краткосрочные и исключительно финансовые цели, отсутствие стремления к постоян-

ному прогрессу и инновациям. В известных нам ведущих публичных компаниях России практически не предпринимается попыток создать здоровую корпоративную культуру с ориентацией на высокие стандарты эффективности — из имеющихся у нас интервью с экспертами можно выделить только примеры Яндекса и Сбербанка.

Многие ощущают вдохновение от одного только упоминания о возможности построения «великой» и «долгоживущей» компании. Руководители мечтают построить нечто более значительное и долговечное, чем они сами — долгосрочную организацию, уходящую корнями в вечные ценности (цель которой не только в том, чтобы приносить прибыль) (см.: [6, 15]), чтобы эта компания могла выдержать испытание временем благодаря способности к непрерывным внутренним изменениям. Почему же российский бизнес не заинтересован и не вдохновлен возможностью построения подобных «великих» компаний?

Мы считаем, основным препятствием к этому являются неблагоприятные отношения как между, так и внутри бизнес-среды и политической среды. Социологи наблюдают резкое понижение уровня доверия общества (см.: [12]), а ведущие экономисты говорят о кризисе экономических ожиданий. Зарубежные аналитики отводят России 66-е место по уровню конкурентоспособности в 2011 г., а по уровню коррупции ставят ее на 143-е место в мире из 182 возможных (см.: [13]).

Эксперты констатируют, российский бизнес действует в крайне нестабильной политической среде: предприниматели не могут быть уверены, что им удастся сохранить свой бизнес завтра (см.: [14]). В последние годы экономисты отмечают, что в российской практике наблюдаются явления государственных рейдерских захватов [14]⁵⁰. Из последних инициатив — очередной разговор на уровне президента и правительства про необходимость ревизии итогов приватизации, несмотря на истечение сроков давности [16]. Действительно, подавляющее большинство крупнейших компаний России не были построены их собственниками с нуля. Они получили их в период приватизации или последующих переделов собственности. Как показывает практика, у бизнесов, построенных их акционерами с нуля, фокус в большей степени смещен с краткосрочных прибылей на долгосрочное развитие. В подобных условиях акцент в целях бизнеса смещается на краткосрочную перспективу. А инновации — это всегда «игра в долгую».

В условиях обесценения выданных обещаний со стороны государства и правительства, постоянно растущих масштабов коррупции и отсутствия веры в правовые институты частный бизнес перестает ори-

⁵⁰ Например, из недавнего прошлого — история с Банком Москвы [15].

ентироваться на общечеловеческие ценности и пропитывается атмосферой цинизма. В подобных условиях ценности, подобные тем, что разделяются «великими» зарубежными компаниями, можно назвать идеализмом. В российских условиях получается, что идеалисты, способные на создание великих компаний, первыми покидают страну, будучи непонятыми окружающими. На протяжении последнего десятилетия идет постоянный отток мозгов, идей, технологий и потенциальных инноваций за рубеж. А российское правительство вместо того, чтобы создавать правильную бизнес-среду (развивать институты, повышать уровень доверия между контрагентами) своими действиями создает противоположный эффект: разрушает доверие к судебной системе, ослабляет институт частной собственности, дискредитирует доверие к себе, а ответственность за создание инновационной среды возлагает на насажденные сверху инновационные квазимиистерства, такие как Сколково или Роснано. Основной функцией этих институтов в таких условиях становится не стимулирование органичного прогресса и развитие технологий, а освоение бюджета (см.: [17; 18]).

За последние десять лет было много сказано и много сделано в области создания инновационной инфраструктуры. Однако, в отличие от СССР, России нечем гордиться перед мировым сообществом. Двадцать лет затишья — практически ни одного громкого проекта, ни одной весомой инновации. В СССР не было великих компаний, но были всем понятный набор ценностей, ясная идеология, ориентация на долгосрочную перспективу, не предполагающую никаких финансовых целей в принципе, т. е. весь набор атрибутов, присущих «великим» инновационным компаниям. Полагаем, что до тех пор, пока российское правительство не осознает важности ценностной составляющей для формирования благоприятной бизнес-среды, все попытки насаждения инновационной среды сверху обречены на провал.

Литература

1. Послания Президента Федеральному Собранию в 2009, 2010, 2011 годах // <http://www.kremlin.ru/transcripts/messages>.
2. Материалы заседания комиссии при президенте РФ по модернизации и технологическому развитию // <http://actualcomment.ru/theme/1671/>.
3. Аuzан А. Общественный договор как повестка дня на завтра // Ведомости. 2012. 17 апр.
4. Гуриев С., Цывинский О. Ratio eonomica: Это нужно заслужить // Ведомости. 2011. 5 июля.

А.Г. ДОМБРОВСКИЙ

Экономический хронотоп в синергетическом измерении

Аннотация. Статья рассматривает проблему экономического хронотопа как корреляции пространства-времени, порождающей другую (иную) нарративную сущность, другой план бытия в его экономическом изсереении. Обращается внимание на роль времени в процессе конструирования хронотопа. Раскрывается синергетический подход к пониманию хронотопа в реализации социально-экономических задач, поскольку синергетика показывает, что само экономическое пространство можно рассматривать как иерархию структур разного возраста, разной временной определенности.

Ключевые слова: хронотоп, экономический хронотоп, синергетика, нелинейное время.

Abstract. The paper considers the problem of economic chronotope as the space-time correlations, generating particular narrative essence. The attention to the role of time in the process of constructing the chronotope is drawn. Synergistic approach to understanding the chronotope is revealed.

Keywords: chronotope, economic chronotope, synergy, nonlinear time.

Современная экономическая наука пребывает в состоянии постоянных изменений. Можно утверждать, что, несмотря на все попытки теоретиков мейнстрима учесть новейшие достижения альтернативных школ и создать более «плюралистичную» теорию, которая удовлетворила бы большинство экономистов, *неустойчивость и широта разногласий* в последнее время возросли. Внутренние конфликты и неустойчивость настолько очевидны, что побуждают многих исследователей выступать с заявлениями о начале нового кризиса экономической теории. Однако проблема состоит в быстром развитии экономической науки в целом и экономической теории как ее фундаментальной основы, что приводит к накоплению свидетельств о неспособности этой науки «представить убедительный ответ на вопросы динамично развивающегося мира» [1, 35].

Данная ситуация свидетельствует о трансформации экономической науки, экономико-теоретического знания, что приводит к появлению новых научно-исследовательских программ, являющихся разнородными по содержательной структуре и объединенными только «единогласной» констатацией факта цивилизационных изменений в глобальном мире. А также требованием парадигмального обновления экономической методологии. Влиятельным и сравнительно новым подходом к экономике является синергетический подход, основанный на пере-

осмыслении методов системного анализа — рассмотрении экономики как сложнейшей, если попытаться описать ее математически, открытой нелинейной системы. «Наряду с термодинамической, генетической и нейронной самоорганизацией мы также различаем *социальную и экономическую самоорганизацию*, — утверждает К. Майнцер. — С одной стороны, поведение элементов управляется коллективным порядком. С другой стороны, люди обладают своей индивидуальной волей, чтобы оказывать влияние на коллективный порядок. Тем не менее мы также ведомы аттракторами коллективного поведения» [2, 90]. Необходимо заметить, что эндогенные нелинейные модели по отношению к линейным моделям (традиционной теории) кажутся более удовлетворительными, хотя должны проверяться в экономике. Речь идет, таким образом, о применении синергетики для решения экономических проблем.

Как известно, синергетика является лишь одним из перспективных подходов, возникших в конце XX в. «В связи с потребностью описания преобразований в современном обществе, взаимодействиях материи, энергии и информации, исследований структурообразования природы и человеческой жизнедеятельности сформировались такие новые научные направления, как нелинейная динамика, синергетика, теория нечетких множеств, теория семантических сетей, когнитивная психология, многозначные логики, теория информации, теория управления неопределенными системами и многие другие», — пишет М. Заковеротная [3, 465].

Эти и другие меж- и трансдисциплинарные направления, которые сегодня находятся в поисках собственного применения в общественных науках (в первую очередь в экономике), свидетельствуют о стохастических неопределенностях современного этапа ее развития. «На современном этапе развития методологической рефлексии, — отмечает И.С. Добронравова, — недостаточно деятельностного подхода, акцентирующего внимание лишь на сознательной целеустремленной научной исследовательской деятельности. В нынешнюю эпоху проведения комплексных полидисциплинарных, междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, когда научная коммуникация представителей разных дисциплин сталкивает между собой их “само собой разумеющуюся” нормативность, необходимо расстаться с идеализированными представлениями о науке как о чисто рациональном предприятии» [4, 23]. Представление о науке как сложной совокупности человеческих практик ставит задачу рассматривать ее в единстве «сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, духовного и телесного, индивидуального и социального» [4, 23]. Преимуществом синергетической программы при этом является ее применимость к исследованию не только традиционных качеств эко-

номических систем различного типа, особенностей разных теорий, но и к раскрытию экономических инвариантов, являющихся неизменными в условиях цивилизационных трансформаций. Как утверждает М. Заковоротная, «понимание процессов развития общества позволяет, как утверждает синергетика, детерминировать будущее в настоящем, моделировать программу жизни и деятельности, управлять социальными системами как в целом, так и на всех их иерархических уровнях» [3, 465—466].

Одними из наиболее фундаментальных экономических инвариантов являются проблемы экономического пространства и времени. Их инвариантность обусловлена неотъемлемостью от природы человека и общества. Пространство и время являются основополагающими формами восприятия, и даже при значительном изменении структуры социального времени и ускорении процессов трансформации социального пространства, все же «отменить», удалить из исследовательского поля эти два понятия невозможно. Вместе с этим в исследованиях проблем экономического времени и пространства существует укоренившийся дисбаланс, связанный с тем, что экономические топосы продолжают длительную историю научных исследований и являются решающими для ряда известных концептов — *глобализации, глокализации, постиндустриального общества* и пр.

Вместе с тем «экономическое время», всесторонне осмысленное на индивидуальном уровне (и в классической политэкономии, и в современных бизнес-конструкциях — например, в тайм-менеджменте), все же только начинает занимать важные позиции в масштабных экономических теориях на социальном уровне. Это демонстрирует, в частности, тезис В. Бирюкова: «Время является экономическим пространством развития хозяйственной системы» [5, 1]. Здесь можно увидеть неравномерность и недостаточность экономических интерпретаций понятий «времени» и «пространства», в которых первое редуцируется ко второму.

Недостаточность и односторонность подобной точки зрения констатирует синергетика. По утверждению Е. Князевой, «в начале XX века естествознание, подхватывая общий дух теории относительности Эйнштейна, видело в качестве своего идеала геометризацию, т. е. стремилось представить время и силовые взаимодействия через пространство и изменение его свойств. <...> А ныне, в начале XXI века — благодаря синергетике — в фокусе внимания оказывается время. Акцент падает на эволюционность и темпоральность, на эмерджентность и случайность возникновения упорядоченных структур в природных, человеческих, социальных системах. Теперь оказывается даже возможным через время представить пространство, ибо синергетика пока-

зывает, что в пространственной конфигурации некой сложной структуры аттрактора сегодня представлены и могут быть “вычитаны” исторические, эволюционные стадии ее развития, обнаружены фрагменты структур “разного возраста”, несущие элементы “памяти разной глубины”, что само пространство можно рассматривать как иерархию структур разного возраста, разной временной определенности» [6]. Тем самым происходит поворот от «опространствования времени» (!) к (!) «овременению пространства».

Таким образом, синергетический подход предполагает синтетическое рассмотрение экономического пространства и времени, однако не через логически необоснованное рассмотрение одного неопределенного понятия через другое, а через создание принципиально нового подхода к пониманию социоэкономического нарратива, в котором баланс, соразмерность, органическое единство данных понятий рассматриваются через соотношение индивидуального и социального измерений бытия человека и социума. Нелинейность, эмерджентность и гоместатичность являются основой подобного подхода.

Акцентирование проблемы времени в данной ситуации связано с тем, что оно является экономическим ресурсом, который приобретает значение при повышении динамики общественной жизни и занимает поэтому первоочередное место в инновационной экономике. Необходимо учитывать, что темпорализация имплицитивно включена в проблему экономического функционирования общества как «в позитивном состоянии, так и в состоянии различных деформаций, девиаций, кризисов» [7]. Кроме того, время является нематериальным ресурсом, поэтому его поиск лежит в социокультурных измерениях экономики. Время выступает способом рационализации экономических систем, поскольку упорядочивает их последовательность.

Таким образом, экономическая наука в целом дополняется понятиями «экономического пространства» и «экономического времени», что обуславливает возникновение нового уровня их осмысления. Вместе с тем современная экономическая теория, выдвигая тезис об утверждении «качественно нового понятия — понятия “пространства-времени”, отражает взаимозависимость реального физического времени и физического строения пространства, которое, в свою очередь, может рассматриваться и как прямая линия, а может быть и волнообразным, неустойчивым, динамичным» [8, 263]. Фундаментом такого конструкта может стать концептуализированное и уже осмысленное психофизиологическими, биологическими, а также литературно-структуралистскими и семиотическими исследованиями понятие «хронотоп». Будучи приложенным к экономике, хронотоп позволит объединить основные требования к темпоральности, выдвинутые

имеющимися запросами экономической теории. Другими словами, переосмыслить эволюционно-исторический принцип с точки зрения преимуществ и недостатков его применения.

Хронотоп — понятие, впервые предложенное А. Ухтомским в 1925 г. в статье «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе», написанной под влиянием идей Г. Минковского и А. Эйнштейна. В тезисах данного доклада указано: «Реальность — хронотоп, в котором только искусственно абстрагируются разделы о явлениях только в пространстве Евклида и только в Ньютоновской механике <...>. Судьба системы зависит от всех ее предыдущих состояний, то есть от ее истории <...>. Относительность пространственных мер зависима от движений и скоростей. Зависимость одновременности, сосуществования и абсолютной твердости. Безотносительна только спайка пространства и времени, инвариантный хронотоп» [9, 70].

Таким образом, А. Ухтомский первым после появления теории относительности осознал необходимость переоценки теорий времени с точки зрения его личностной ориентированности и субъектной детерминированности, определив хронотоп как фундаментальный инвариант, который сегодня можно положить в основу осмысления экономических представлений. Также он впервые высказал идею внедрения концепции «личного времени» и его отличия от «социального времени», что стало новым шагом в построениях рационального знания. При этом в понятие «хронотоп» вкладывался также глубокий философский и метаисторический смысл: «С точки зрения хронотопа, существуют уже не абстрактные кривые линии в пространстве и времени, а “мировые линии”, которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного времени, а через них — с событиями будущего, исчезающего в дали» [9, 342].

С внедрением концепта «хронотоп» абстрактные пространственные или временные точки превращаются в события. Поэтому особенностью хронотопа выступает то, что он не является простым соединением свойств пространства и времени, а владеет собственными, иными характеристиками, состоящими в конструировании каждой отдельной личностью пространственно-временной организации. Она выражает континуум пространственных и временных состояний, объединенных взаимосвязями и взаимодействиями и включенными в единый мировой процесс. Следовательно, любой целостный единый поток событий может быть представленным в хронотопе, т. е. в пространственно-временной связи координат.

Экономический хронотоп описывает различие времени и пространства в соответствии с теми дескриптивными и эмпирическими модальностями, в которых они воспринимаются. Основной функцией хроно-

топа является снятие абстрактности из понятий «пространства» и «времени» путем достижения конгруэнтности между индивидуальным и социальным уровнями экономики.

Не менее важной функцией хронотопа является «высвобождение» — т. е. «вынесение социальных отношений из местных контекстов взаимодействия и их перестройка в неограниченных пространственно-временных масштабах» [8, 135]. Пространство и время являются базовыми элементами социальных трансформаций, особенно если они рассматриваются с точки зрения нарратива «постиндустриального общества». В последнем случае речь идет об анализе экономических процессов именно с точки зрения хронотопа.

В хронотопе постиндустриального общества происходит пространственно-временное высвобождение, которое Э. Гидденс описал как «идею смещения настроек пространства и времени, что имеет значение базового элемента социальных изменений вообще и природы современности в частности» [8, 136]. По мнению ученого, у такого «высвобождения» есть два механизма реализации: первый — создание «символических знаковых систем», второй — образование «экспертных систем». Примерами первых являются средства обмена (например, деньги). Пространственно-временной элемент денег находит выражение в процессах разграничения пространства-времени (хронотопа) путем объединения конкретного момента и отсрочки, присутствия и отсутствия. Зато экспертные системы предусматривают введение личностно-ориентированных категорий, что объясняется способами установления взаимозависимостей между экономикой и личностью-инноватором, что является существенным признаком современного этапа становления нового общества, которое условно называют «постиндустриальным».

При исследовании экономического хронотопа следует обратить внимание на то, что нелинейный синергетический подход рассматривает его не с точки зрения генетического анализа и проекции хронотопа в прошлое, а с точки зрения будущего. «В определенных режимах и на определенных стадиях развития сложных структур возникает возможность касания абсолютного будущего» — утверждает Е. Князева, — «Управлять коэволюционной сложностью значит, прежде всего, управлять сложным временем, временем необратимым, одновременно циклическим и ветвящимся, бифуркирующим» [6].

Таким образом, проблема хронотопа как экономического пространства-времени раскрывается через проблему времени. Синергетика, исследуя нелинейность самоорганизующихся систем, раскрывает свои экономические смыслы через идею управления подобными системами путем создания аттракторов, влияющих на выбор в момент точки би-

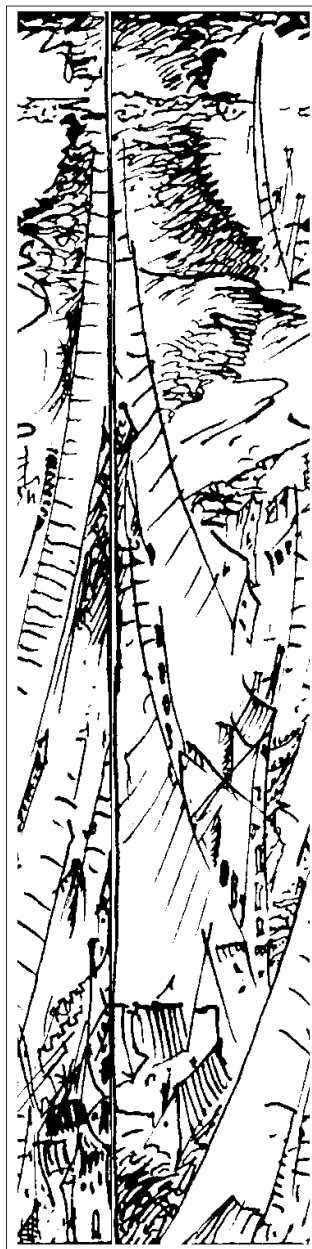
фуркации. Такой подход дает возможность рассмотреть хронотоп в динамике, поскольку «дает» логику единства различным потокам событий, относящимся к экономическим системам определенного типа: например, взятый как доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный хронотоп; хронотоп иерархического или сетевого общества, хронотоп локального, цивилизационного или глобального уровня и пр. Тем самым экономическая наука приобретает новые черты, позволяющие «проникнуть» в сущность сложных процессов самоорганизации современной цивилизации.

Литература

1. *Худокормов А.* Современная экономическая теория Запада // Вопросы экономики. 2008. № 6.
2. *Майнцер К.* Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10.
3. *Заковоротная М.В.* О философских проблемах управления социальными системами: состояние вопроса и перспективы // Синергетика и проблемы теории управления / Под ред. А.А. Колесникова. М., 2004.
4. *Добронравова И.С.* Синергетическая перспектива: концептуализации постнеклассических практик // Постнеклассические практики: опыт концептуализации. СПб., 2012.
5. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М., 1994.
6. *Князева Е.Н.* Овладение временем и управление коэволюционной сложностью // <http://spkurdyumov.narod.ru/knyaaaazeva.htm/>.
7. *Домбровський О.Г.* Хронотоп як метод економічної інтерпретації категорії «сучасність» // Синергетика і освіта: Мат. Міжнар. наук.-практ. конф. К., 2012.
8. *Гидденс Э.* Последствия современности. М., 2011.
9. *Ухтомский А.А.* Доминанта. Статьи разных лет. 1887—1939. СПб., 2002.

IV

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В.С. СИЗОВ, Е.Н. СИЗОВА

Проблема оценки эффективности деятельности вузов

Аннотация. Авторами критически анализируются критерии мониторинга эффективности деятельности государственных вузов и предлагается собственная методика оценка такой деятельности.

Ключевые слова: эффективность образования, мониторинг деятельности вузов.

Abstract. Authors critically analyze criterion of monitoring of efficiency of activity of state universities, and offer own assessment technique of such activity.

Keywords: efficiency of education, monitoring of activity of higher education institutions.

Опубликованные 1 ноября 2012 г. на сайте Минобрнауки России результаты мониторинга деятельности федеральных образовательных учреждений высшего профессионального образования [1] взорвали педагогическую общественность. В списке вузов «с признаками неэффективности» оказались 136 высших учебных заведений, или четверть от всех вузов, проходивших мониторинг, и несколько сот филиалов. Список наверняка мог быть и больше, но результаты мониторинга вузов силовых ведомств Минобрнауки не опубликовало. Несуразность и даже нелепость результатов мониторинга оказались столь явными, что их не подверг критике разве что ленивый. В список неэффективных попали вузы, ранее занимавшие верхние строчки всевозможных рейтингов высших учебных заведений. Например, согласно рейтингу 100 лучших вузов России (за 2012 г.) по версии рейтингового агентства «Эксперт РА», Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) занимает почетное 26-е место, Московский архитектурный университет (МАРХИ) — 44-е, Московский педагогический государственный университет (МПГУ) — 45-е, Государственный университет управления (ГУУ) — 48-е место [2]. Все эти вузы оказались в «черном списке» Минобрнауки России. В другом популярном рейтинге лучших вузов России, составляемом агентством «Интерфакс» и радиостанцией «Эхо Москвы» [3] (в свое время одобренном руководством Минобрнауки), МПГУ занимает 41—42-е место, а РГГУ — 49—52-е место. Согласно профильным рейтингам в 2011—2012 гг., ГУУ занимал 2-е место среди экономических вузов России, МАРХИ — 1-е среди архитек-

турных и художественных вузов, МПГУ — 1-е место среди педвузов [2].

Всего под «признаки неэффективности» попало примерно четверть от числа государственных вузов, проходивших мониторинг. После опубликования списков «неблагонадежных» под давлением региональных администраций ряд вузов из списка убрали. Возникает вопрос — почему? Если это техническая ошибка, как заявил на своем сайте ректорат МПГУ [4], тогда кто-то за нее должен понести ответственность. Широкая огласка непроверенных данных, пусть и с оговоркой (кстати, весьма, странной — «признаки неэффективности»), все равно нанесла сильный удар по имиджу вузов и вред психическому здоровью их руководства и сотрудников. Если система оценки эффективности не доработана, зачем публиковать заведомо неточные результаты и будоражить общественность, усиливая в педагогическом сообществе и без того нервную обстановку? Мы констатируем тот факт, что современная российская система образования столкнулась с очередным опасным вызовом — волонтаристическим характером производимых реформ образования.

Вообще реальная оценка эффективности деятельности вузов нужна, и движение Минобрнауки в эту сторону заслуживает положительной оценки. Действительно, роль образования в современную эпоху существенно повысилась, так как от эффективности образования зависит развитие национальных государств. Высшее образование является ведущим фактором прогресса. Основным капиталом современного общества является человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений.

Однако беда в том, что поспешное выполнение п. 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» и п. 3 поручения Председателя Правительства Российской Федерации от 17 мая 2012 г. № ДМ-П8-2804 продемонстрировало некомпетентность исполнителей. Это следует из критериев, предложенных для оценки эффективности образовательной деятельности.

Прежде чем перейти к анализу этих критериев укажем, что фактически Рособранзором уже установлены показатели эффективности деятельности вузов. Это показатели, по которым вуз оценивается при прохождении процедуры государственной аккредитации. Именно на них вузы ориентируются в своей деятельности. Возникает вопрос — зачем было использовать иные критерии оценки? Не следовало ли прежде дать вузам время переориентироваться и сменить свои стратегии развития? Если именно новые критерии свидетельствуют об эф-

эффективности вузовской деятельности, тогда почему не отменили аккредитационные показатели?

Далее проведем анализ показателей, выбранных для оценки «эффективности» деятельности вузов (без учета филиалов).

I. *Образовательная деятельность*: средний балл ЕГЭ студентов, принятых по результатам ЕГЭ на обучение по очной форме по программам подготовки бакалавров и специалистов за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ или с оплатой стоимости затрат на обучение физическими и юридическими лицами (средневзвешенное значение). Пороговое значение не ниже 60 баллов.

Возражения. Данный критерий вообще не определяет эффективность образовательной деятельности вуза, так как для подобной оценки следует делать «замеры» усредненных знаний студентов как на «входе» (баллы ЕГЭ), так и на «выходе» из вуза. Дельту, получаемую между «входными» и «выходными» знаниями студентов, можно назвать (не без оговорок) результатом образовательной деятельности вуза. Понятно, что чем больше бюджетное финансирование вуза, тем выше средний балл ЕГЭ студентов, поступивших на 1 курс. Данный критерий, на наш взгляд, указывает на: а) объемы бюджетного финансирования вуза; б) сложившийся в сознании общественности имидж вуза; в) популярность в сознании абитуриентов предлагаемых вузом специальностей и направлений.

II. *Научно-исследовательская деятельность*: объем выполненных научно-исследовательских работ (НИОКР) в расчете на одного научно-педагогического работника (НПР). Пороговое значение не ниже 50 тыс. р. на одного НПР.

Возражения. Во-первых, научная и образовательная деятельность — это разные виды деятельности. Хороший ученый зачастую оказывается плохим педагогом и наоборот. В СССР научными исследованиями занимались в первую очередь академии наук, научно-исследовательские институты и конструкторские бюро. В вузах существовала вузовская наука, задача которой в первую очередь была *обучить* студентов навыкам научного исследования.

Во-вторых, введение единого конкретного норматива научной «выработки» на одного преподавателя а) ставит вузы различной специализации в неравные условия — научные разработки технических вузов, по определению, стоят дороже разработок гуманитарных вузов, б) в погоне за выполнением подобного критерия вузы, особенно не избалованные государственным финансированием науки и грантами, будут искусственно завышать стоимость выполняемых научных исследований.

В-третьих, в ситуации, когда вуз оценивается не по реальному качеству учебно-воспитательного процесса, а по научной деятельности сотрудников, администрации вузов будут вынуждены смещать акцент с образовательной деятельности на научную (процесс уже начался), что еще больше снизит и без того невысокое качество подготовки выпускников. В современной ситуации, когда преподаватель перегружен подготовкой к занятиям и разнообразной отчетностью, ему физически некогда заниматься дополнительной деятельностью. Перед преподавателем встает выбор либо заниматься только наукой, либо — только преподаванием, либо вообще уходить из вуза на практическую деятельность, которая сегодня и доход приносит больше, и усилий требует меньше.

III. *Международная деятельность*: удельный вес численности иностранных студентов, завершивших освоение общеобразовательных программ ВПО, в общем выпуске студентов (приведенный контингент). Пороговое значение не ниже 0,7%.

Возражения. Почему введен этот критерий — понятно. Во-первых, для того чтобы стимулировать попадание российских вузов в международные рейтинги вузов, где этот критерий учитывается. Во-вторых, чтобы удерживать хоть какую-то долю международного рынка образования. Намерения — благие, однако для оценки реальной эффективности вуза этот критерий совершенно не подходит. Иностранцев надо обучать отдельно, и организация их обучения, а особенно быта — всегда большая «головная боль» для любого вуза. Зачем Минобрнауки хочет навязать эту проблему всем российским вузам — не понятно. Раньше, т. е. в СССР, вопрос решался проще и эффективнее — для иностранцев, желающих получить образование в советской стране, создавали специальные вузы, например, Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Еще иностранцев учили в Высшей партийной школе и ряде других вузов, специализирующихся на иностранцах. Но в СССР понимали, для чего учат иностранных студентов. Сейчас, кажется, такого понимания нет.

IV. *Финансово-экономическая деятельность*: доходы вуза из всех источников в расчете на одного НПП. Пороговое значение не ниже 1,1 млн р. на одного НПП.

Возражения. Ситуация сходная с пунктом II. Возникает вопрос, почему критерий именно 1,1 млн р., а, предположим, не 1,05 или не 1,15 млн р.? К тому же доходы вуза в богатых и бедных регионах различаются, а эффективность — не обязательно. Подобный критерий стимулирует вузы не к осуществлению своей основной задачи — подготовки высококвалифицированных кадров для народного хозяйства — а к

ведению коммерческой деятельности, к увеличению дохода любыми путями, в том числе используя различные финансовые схемы.

V. *Инфраструктура*: общая площадь учебно-лабораторных зданий в расчете на одного студента (приведенного контингента), имеющих у вуза на праве собственности и закрепленных за вузом на праве оперативного управления. Пороговое значение не ниже 11 м² на одного студента.

Возражение. Однако этот же самый критерий для филиалов вузов — 0,9 м² на одного студента, т. е. почти в 12 раз меньше! А, собственно, почему? Отличие головного вуза от филиала только в том, что филиалы, как правило, используют в своей деятельности учебно-методические разработки головного вуза. Во всем остальном к филиалу предъявляются такие же требования. Следовательно, анализируемый критерий не является результатом точных подсчетов потребности вуза в площадях для выполнения своих функций⁵¹.

В целом, чтобы попасть в список неэффективных, четыре из пяти перечисленных показателей вуза должны были быть ниже пороговых (рис. 1). На вопрос, почему не два или три — вряд ли кто-то ответит, поскольку это решение, по-видимому, как и выбор критериев, принималось волонтаристским путем.

В последние годы широко обсуждается вопрос о снижении эффективности отечественной системы ВПО на основании увеличения количества выпускников, работающих не по специальности, безработных с высшим образованием, просто на основании роста числа вузов и студентов, а также отсутствия дифференциации заработной платы в зависимости от уровня образования и др.

При этом не учитывается, что, если 25 лет назад на отдельные должности было достаточно специалиста и со средним специальным образованием, то сегодня работодатель требует вузовский диплом. Сегодня уместно говорить не об избытке, а о нехватке специалистов с высшим образованием. К данным категориям работников относят специалистов среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности; специалистов среднего уровня квалификации и вспомогательный персонал естественных наук и здравоохранения; специалистов среднего уровня квалификации в сфере образования; средний персонал в области финансово-экономической, административной и социальной деятельности; служащих, занятых подготовкой информации, оформлением документации и учетом [5].

⁵¹ Один из Кировских вузов не прошел по этому критерию, потому что у него не хватило 0,03 м² на одного студента!

Пороговые значения показателей для оценки эффективности вузов

Образовательная деятельность	Научно-исследовательская деятельность	Международная деятельность	Финансово-экономическая деятельность	Инфраструктура
60 баллов	50 тыс. рублей	0,7%	1 100 тыс. рублей	11 м ²

Пороговые значения показателей для оценки эффективности филиалов

Образовательная деятельность	Научно-исследовательская деятельность	Международная деятельность	Финансово-экономическая деятельность	Инфраструктура	Приведенный контингент	Доля ППС, имеющих степень кандидата или доктора наук	Доля штатных ППС к общему числу ППС
50 баллов	1,7 тыс. рублей	0	700 тыс. рублей	0,9 м ²	220 ед.	0,6	0,64

Критерий неэффективности

для вузов: ниже пороговых значений для пяти или любых четырех показателей из пяти

для филиалов: ниже пороговых значений для пяти и более показателей из восьми

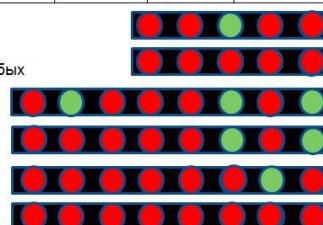

Рис. 1. Пороговые значения показателей для оценки эффективности вузов и филиалов (с официального сайта Минобрнауки РФ) [1]

Далее рассмотрим понятие эффективности. Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой дает толкование прилагательному «эффективный»: то, что приводит к нужным результатам, нечто действенное, производительное, дающее наибольший эффект [6]. В экономической науке широко используется понятие «экономической эффективности», под которой подразумевается соотношение полезного результата и затрат факторов производственного процесса [7, 15].

Эффективность образовательной системы следует рассматривать с двух позиций — экономической и социальной. Экономическая связана с ростом доходов выпускника после окончания вуза, а социальная учитывает неэкономические блага от образования. Социальный аспект предполагает рассмотрение и оценку степени влияния образования на уровень жизни, удовлетворение потребностей населения в знаниях, социальный прогресс общества. Экономический аспект предполагает рассмотрение экономической «отдачи» вложенных средств и труда в сферу образования [7].

Существуют различные методики измерения эффективности социальной сферы, в том числе образования. Следует отметить, что теме оценки эффективности государственных образовательных учреждений

российскими авторами написано немало статей, монографий и даже диссертаций (см.: [8—10]). Все они, так или иначе, базируются на «теории человеческого капитала». Теоретическое обоснование этой теории и основы расчетов экономической эффективности образования сформулировали еще в 1960—1980-х гг. Т. Шульц, Г. Беккер, Э. Денисон, Р. Солоу, Дж. Кендрик, С. Кузнец и др. Согласно этой теории, расчеты отдачи затрат на получение различных уровней образования, например, высшего, осуществляются путем сопоставления пожизненных заработков лица, имеющего высшее образование, с пожизненными заработками лица, имеющего среднее образование. Разность заработков является результатом сделанных вложений в высшее образование. Из полученной разницы вычитается стоимость приобретения высшего образования. Получившееся значение представляет собой приведенную величину чистого дохода от высшего образования, полученную за весь трудоспособный период жизни человека. Таким образом, в теории человеческого капитала под экономической эффективностью получения образования принято считать увеличение доходов индивида при повышении его образовательного уровня с учетом понесенных им затрат на обучение.

Следовательно, правильно оценить эффективность деятельности вузов можно через величину доходов их выпускников и понесенных вузом затрат на их обучение.

Основываясь на теории человеческого капитала, идеях, высказанных в упомянутых научных работах, и рейтингах, в частности, используемых для оценки эффективности вузов данные об их выпускниках, нами предлагаются следующие базовые критерии и формула для расчета эффективности деятельности вузов.

Для оценки эффективности вузовского образования (ЭО) предлагается использовать данные о величине средней зарплаты выпускников вуза через пять лет после выпуска ($Z/P_{\text{вып}}$). Работодатель наиболее объективно оценит эффективность выпускника посредством уровня зарплаты, которую будет ему платить. При этом следует учитывать регион, в котором получено образование, вводя поправочный коэффициент на общее благосостояние региона ($K_{\text{пер}}$). В поправочном коэффициенте за единицу можно принять Москву, по отношению к которой большинство регионов более бедные и, следовательно, будут иметь коэффициент больше единицы. Женщин, находящихся в декретном отпуске, и лиц, уехавших из России, из расчетов предлагается исключать. Каждый показатель должен оцениваться по i -й специальности j -й форме обучения. Таким образом, эффективность образования ($ЭО_{ij}$) будет обратно пропорциональна общим затратам вуза на образование одного выпускника анализируемого года выпуска и специальности

($ЗО'_{ij}$) за период его обучения в вузе. В результате получаем следующую формулу эффективности вузовского образования:

$$\mathcal{Э}О_{ij} = \frac{K_{\text{пер}} \times З/П_{\text{вып}} ij}{ЗО'_{ij}}.$$

В качестве критики предлагаемой формулы, по-видимому, можно услышать про проблему сбора данных по заработной плате выпускников. Однако если расчет эффективности деятельности вузов по предлагаемой методике будет принят на государственном уровне, Минобрнауки сможет получить эти данные посредством обращения в Пенсионный фонд РФ.

Предлагаемая методика не является завершенной. Это только общие наброски пути, по которому, как нам кажется, следует двигаться разработчикам критериев реальной эффективности образовательной деятельности вузов.

Литература

1. http://минобрнауки.рф/пресс-центр/2774/файл/1265/12.10.31-Мониторинг_Результаты.pdf.
2. <http://4ege.ru/>.
3. <http://unirating.ru/default.asp>.
4. <http://www.mpgu.edu/>.
5. *Коротков Р.В., Оноприенко В.И., Смирнов П.Г.* Проблемы эффективности высшего образования в Российской Федерации [электронный ресурс] // www.dissert.h10.ru/korotkovRV.html.
6. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-123174.htm>.
7. *Щербачев А.И.* Совокупная производительность труда и основы ее государственного регулирования. М., 2004.
8. *Боева А.Н.* Оценка и пути повышения эффективности образовательной деятельности государственных высших учебных заведений. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Владивосток, 2011.
9. *Щетинин В.П., Хроменков Н.А., Рябушкин В.С.* Экономика образования. М., 1998.
10. *Левицкий М.Л., Кугаенко А.А.* Методы и модели определения экономической эффективности народного образования. М., 1990.

Л.С. ВОРОБЬЕВА

Образование как фактор развития в эпоху глобализации

Аннотация. В статье анализируются значение и роль образования в современном мире. Отмечается один из вызовов глобализации — повышенное требование к качеству человеческого капитала, что делает образование фактором развития в глобализованном мире.

Ключевые слова: образование, глобализация, человеческий капитал.

Abstract. This paper examines the role of education in the modern world. Has one of the challenges of globalization — the increased demand for quality human capital, which makes education a factor of development in globalized world.

Keywords: education, globalization, human capital.

Глобализационные процессы сегодня коснулись важнейших социальных институтов современной цивилизации, изменили геополитические установки и роль государства, повлекли за собой поиск новых принципов социокультурного развития общества и реинтерпретацию образовательных стратегий.

Усиливается экономическая, политическая, финансовая информационная и культурная связь между ведущими странами мира, предопределяя новые, более широкие возможности для сотрудничества и выдвигая чрезвычайно сложные проблемы перед мировым сообществом.

Глобализация — одна из наиболее дискуссионных проблем в современных работах по экономике, политике, философии и др. Одновременно она остается одной из наиболее актуальных проблем, подходы к исследованию которой существенно различаются. Методологически разные подходы к системному изучению глобализационных процессов позволили достаточно широко охватить многообразие аспектов и тенденций этого явления таким известным исследователям, как Б. Андерсон, З. Бауман, У. Бек, З. Бжезинский, Д. Белл, А. Бергсон, И. Валлерстайн, В. Иноземцев, И. Кон, А. Панарин, Дж. Тойнби, Е. Тоффлер, Ю. Хабермас, А. Уткин, Ф. Фукуяма, К. Ясперс и др.. Однако проблемы изучения места и роли образовательного фактора в социально-экономическом развитии общества, его значение в процессе формирования национального государства пока не стали объектом глубокого анализа современной науки.

Признавая, что развитие новых технологий и знаний как основного ресурса является важнейшей характеристикой современного мира, мы,

очевидно, не должны игнорировать проявлений и влияний этого развития на развитие образовательной отрасли. Образование в эпоху глобализации стало своего рода центральным узлом, той точкой, где сходятся преимущества и противоречия, порожденные современной эпохой, той сферой, что, по сути, формирует мир XXI в.

В мире, в целом, наблюдается быстрый рост образовательного уровня, интеллект вытесняет материальное производство, технологии и технологические инновации проникают во все сферы деятельности человека. Уровень развития общества определяется как основными типами хозяйства, так и установленной иерархией ценностей и интересов, характеристиками населения, так называемым человеческим капиталом. По оценкам американских экспертов, 1 дол. инвестиций в систему образования позволяет получить 3—6 дол. прибыли [1], а производительность труда специалиста с высшим образованием в 10—11 раз превышает затраты на его подготовку [2, 12—21].

Сегодня богатые страны, осознавая, что интеллектуальный потенциал является богатством государства, на нужды образовательной отрасли тратят до 9% ВВП. Мировой опыт доказывает, что расходы на образование должны составлять не менее 5% ВНП. Кстати, экспертами ЮНЕСКО минимально возможная доля расходов государства на образование определена на уровне 3,5%. В случае ее уменьшения возрастает вероятность упадка инфраструктуры системы образования [3, 74].

Потраченные на образование ресурсы повышают жизненный уровень населения вследствие эффективного и разумного использования инвестиций. Поэтому неудивительно, что высокоразвитые страны до 40% прироста валового национального продукта получают в результате поддержки развития эффективной системы образования, а образовательная политика в каждой цивилизованной стране обладает соответствующими стратегическими национальными приоритетами.

Растут и требования к уровню образования. Если в 1970-х гг. выпускники колледжей считались высокообразованными и высококвалифицированными кадрами, то сегодня они становятся обычной рабочей силой по сравнению с теми, кто имеет степени магистра и доктора. Образование на уровне колледжа фактически позволяет лишь воспроизводить добытое знание, но не порождать нового.

Основательное образование позволяет работнику получать высокие прибыли. Интересно, что одновременно с увеличением доходов лиц, имеющих высшее образование, происходят изменения в их ценностных ориентациях. Если в прошлые десятилетия материальные стимулы были доминирующими, побуждающими к получению новых знаний, то в начале 2000-х гг. образование и знания сами по себе становятся мотивационной силой. Человек учится не только для того, чтобы много

зарабатывать, достаточные доходы позволяют человеку смотреть на образование и знания как на способ раскрытия своего творческого потенциала, самореализации и самосовершенствования.

Одним из наиболее значимых социальных аспектов глобализации, который прямо касается вышеизложенного, является расширение формальных возможностей для раскрытия человеческого потенциала. Однако преимуществами глобализации, в первую очередь, будут способны воспользоваться наиболее активные и образованные слои населения. Вот почему глобализация ставит повышенные требования к качеству человеческого капитала.

Возрастает роль дополнительного образования, которое приобретает индивид как вследствие развития окружающей и социально-экономической среды (например, в связи с информационной революцией), так и с целью диверсификации профессиональной деятельности. Образование все чаще воспринимается как экономически рациональная деятельность человека в течение всей его жизни и становится фактически непрерывным.

По данным, представленным в докладе Всемирного банка, на традиционный, физический капитал приходится только 16% общего объема мирового богатства, еще 20% — на природный капитал, остальные 64% составляют человеческий капитал (с образованием включительно).

Кроме значимости человеческого самостоятельного капитала, важным является и тот факт, что образованные люди могут более эффективно распоряжаться и физическим капиталом. Вот почему различия в уровне образования между богатыми и бедными в стране в условиях глобализации, к сожалению, способны значительно повлиять на увеличение неравенства в глобальном масштабе. Известно, что в развивающихся странах начальную школу посещают большинство людей, а среднюю и высшую — уже менее 50%, в развитых же странах среднюю и высшую школу посещают не менее 90% ее жителей. Вследствие этого в индустриальных странах сегодня образованное население составляет более 95%, а в бедных странах — от 10% до 50%.

Говоря о глобализации образования, необходимо учитывать различные критерии ее измерения. Одним из них является пространственный. Как уже отмечалось, использование глобальных информационных сетей позволяет человеку получать образование практически по всему миру. Кроме того, глобализация образования имеет и свое правовое измерение. Для этого аспекта актуальны проблемы признания дипломов, выданных в других странах, аккредитации иностранных учебных центров. Все более важными становятся заключения международных договоров в сфере образования. Этим и объясняется подпи-

сание Болонской декларации европейских министров образования 19 июня 1999 г., где, в частности, указано: «“Образованная Европа” сейчас уже широко признана как незаменимый фактор социального и гуманитарного роста, а также как необходимый компонент объединения и обогащения европейского общества, способного предоставить его представителям необходимую осведомленность для противостояния вызовам нового тысячелетия одновременно с пониманием единости ценностей и принадлежности к общему культурному пространству» [4, 57—63]. Социальное психологическое измерение глобализации образования заключается в проблеме адаптации человека к новой необычной образовательной среде.

Наконец, национальное измерение глобализации образования учитывает, как соотносить глобальные, часто формализованные подходы к образованию с существующими веками национальными и локальными традициями.

Мировой опыт деятельности передовых стран свидетельствует о том, что для национальной системы образования первоочередными в решении имеющихся проблем являются создание и внедрение новой нормативно-правовой базы на всех уровнях ее функционирования, обеспечение системности, целостности, непрерывности образования на основе совершенствования ее структур, содержания, мониторинга качества образования, введение на всех уровнях государственных образовательных стандартов, взаимосвязь и действенность всех уровней управления, создание надежной правовой, социальной и экономической защиты и стимулирования развития образовательных систем, учебных заведений и всех участников учебно-воспитательного процесса.

Глобализация создает широкие возможности доступа к образованию. Прежде всего это связано с развитием информационных технологий. Интернет стал одним из важнейших ресурсов при получении информации как для студентов, преподавателей, так и для широкого круга лиц, желающих сменить профессию или получить дополнительные знания в той или иной сфере. В глобальной компьютерной сети с каждым днем возникает все больше и больше образовательных сайтов и порталов. Многие вузы размещают свои учебные планы и программы курсов в Интернете, который предоставляет новые возможности для студенческих обменов, для межвузовского общения и т. п. Фактически благодаря Интернету сегодня можно говорить о потере монополии государств на знания и развитие образования.

Интернет позволяет получить образование дома, что жизненно важно для отдельных групп инвалидов. Сам процесс обучения также интенсифицируется, а доступность порталов и сайтов различных фа-

культетов создает для обучающихся новую междисциплинарную перспективу, позволяя с гораздо большей гибкостью выбирать курсы обучения и осваивать их. В результате можно говорить об универсальности образования.

Другой важный момент развития глобализации и ее влияния на образование связан с тем, что глобализация в буквальном смысле открыла национальные границы государств, сделав доступным получение образования в другой стране. На сегодня крупнейшие вузы мира, развивая международное сотрудничество, предусматривают обмен студентами и преподавателями.

Наконец, Интернет и другие новейшие технологии позволяют сделать процесс обучения непрерывным. Человек, который получил образование, пополняет свой запас знаний фактически на протяжении всей своей дальнейшей жизни.

Национальная система образования всех без исключения государств испытывает и негативные, и позитивные характеристики глобализации на себе. Вот почему сейчас возникла проблема ее модификации. Кроме того, изменились общественные ожидания в сфере образовательной политики. Образование стало рассматриваться как одно из важнейших направлений социальной политики. В связи с этим возникает реальный вопрос: какова же роль государства в сфере образования в условиях глобализации? На него нельзя дать однозначного ответа. Одни авторы подчеркивают негативные моменты в деятельности государства в образовательной сфере, особенно в развивающихся странах, — рост коррупции в системе образования, ее бюрократизм и т. д.; другие, наоборот, видят в жестком государственном контроле над образованием возможность преодолеть трудности. На самом деле государству приходится решать проблемы, которые сегодня возникают у отдельного человека, системы образования в целом. Причем практически для каждого вопроса нужно находить какой-то баланс, чтобы уравновесить негативные и позитивные моменты, обусловленные глобализацией.

Другая проблема — соотношение частного и государственного образования. В разных странах она решается по-разному. На школьном уровне частное образование качественнее. Такие школы обеспечивают более высокий уровень образования и воспитания за счет меньшего количества учеников в классе, создавая возможность для индивидуальной работы с детьми, а также для более высокой оплаты труда преподавателей по сравнению с государственными школами, хотя существуют данные (в частности, на примере Чили), что образование в частных школах ненамного выше, чем в государственных.

Западно-европейские страны жестко не ограничивают частное образование, хотя Норвегия и Швеция в значительной степени ориентируются на развитие государственного образования. Там всего 1—2% учащихся посещают частные школы, и все эти школы находятся под строгим государственным контролем. На Украине всего 966 вузов, из которых III—IV уровня аккредитации университетов — 347. При этом 233 из них — государственные, а 114 — частные. Кроме самих вузов, в стране действуют около тысячи их филиалов. Для сравнения: во Франции насчитывается около 80 университетов [5]. Для уменьшения расходов семьи на обучение в частной школе правительство США (как и ряда других стран) начинает выпускать специализированные ваучеры, прежде всего для тех, кто не имеет высоких доходов. Иная картина в Центральной и Восточной Европе, где сейчас наблюдается бурное развитие частного образования, потому что в прошлом в этих странах существовало лишь государственное образование.

Актуальной задачей является переход в глобальном масштабе к образованию, направленному на расширение возможностей саморазвития личности и компетентного выбора жизненного пути. Кроме того, образование должно обеспечивать формирование мировоззрения, адекватную ориентацию личности в различных жизненных ситуациях, в том числе в ситуации неопределенности.

Все это приводит к тому, что образование все в большей степени воспринимается общественным сообществом как процесс, продолжающийся всю жизнь. В обществе становится все более глубоким понимание потребности в различных знаниях и умениях в разные периоды жизни человека. Поэтому и система образования должна быть четко адаптированной к этому.

Другой важный аспект — сотрудничество различных государств в процессе глобализации образования. Возрастает роль межгосударственной координации учебных курсов и программ, уровней образования, их унификации, в частности, в пределах Европы. Это нужно и для решения правовых вопросов, таких как признание эквивалентности дипломов и сертификатов.

Отдельной проблемой фактически глобального масштаба является обеспечение образованием детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Опасность их полной маргинализации в обществе усугубляет значительно меньшую возможность доступа к обучению по сравнению с детьми, которые живут в семьях. Необходимо обратить особое внимание на эту проблему как государству, так и международным организациям.

Все большее значение приобретает осознанная политика как государств, так и отдельных внутригосударственных регионов обмена сту-

дентами и, в частности, наиболее талантливыми студентами для продолжения обучения в ведущих вузах зарубежных стран. Это позволяет представителям данного государства (региона) приобщиться к сотрудничеству в наиболее перспективных направлениях развития науки и техники.

Однако возникает и целый ряд проблем, порожденных глобализацией в образовательной сфере. Так, весьма актуальным для образовательной среды сегодня является вопрос об адаптации человека ко всему новому и необычному, к такому, что очень быстро развивается. Фактически уже сегодня человек «не успевает» за новой информацией, новыми технологиями ее получения и обработки, новыми идеями. Не так легко решается и другая проблема — как соотносить глобальные, часто формализованные подходы к образованию с национальными и локальными традициями, которые существовали веками.

Роль знаний и соответственно образования в современном мире все более возрастает. Современная экономика, построенная на новых технологиях и технической революции, во многом будет определяться политикой в сфере образования. Образование продолжает оставаться важнейшим фактором экономического развития и конкуренции. Кроме того, изменились и общественные ориентиры в сфере образования. Оно стала рассматриваться как одно из важнейших направлений социальной политики. В новой ситуации образование (прежде всего, высшее) перестало восприниматься *per se*, как это было раньше. Наоборот оно становится реальным условием социальной и профессиональной мобильности.

Все это делает образование фактором развития в глобализированном мире, открывает возможности людям активно влиять на процессы глобализации, формирует эти процессы в том или ином направлении. Однако и само образование также становится объектом глобализации. Это вызвано в первую очередь активным использованием в учебном процессе глобальной информационной сети, что позволяет вывести образование на качественно новый этап.

В то же время этот процесс имеет не только преимущества. Глобализация ставит новые требования к образованию. Прежде всего, они заключаются в возможном ограничении доступа к обучению в современном мире. Фактически, главным вопросом является то, чем станет глобализация образования: шансом или препятствием для преодоления пропасти между богатыми и бедными в сфере подготовки человеческих ресурсов? Особое место занимают моральная и этическая функции образования в современном мире, проблемы подготовки творчески мыслящей личности. При этом важным является правильное определение баланса между прикладной направленностью и нравственно

ориентированными ценностями мира. Такая задача должна решаться в глобальном контексте, с использованием имеющихся элементов глобального сотрудничества. А само обучение должно основываться на праве каждого человека свободно выбирать качественное образование того вида, уровня и качества, которые наиболее соответствуют его природе.

Литература

1. *Кадошцева С.В.* Экономические основы системы социальной защиты. М., 1997.
2. *Куценко В., Удовиченко В., Опалева И.* Образование как фактор стабильности и национальной безопасности // Экономика Украины. 1998. № 1.
3. Глобализация: человеческое измерение // Вестник всероссийского общества. 2005. № 21.
4. *Либанова Е.* Проблемы неравенства у контексте человеческого развития // Человек и политика. 1999. № 3.
5. *Николаенко С.* «Я бы не спешил посыпать голову пеплом» // Зеркало недели. 2005. № 9. 12 марта.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

В.А. КУТЫРЁВ

О чем был «Диалог мировоззрений»?

Аннотация. В интервью В.А. Кутырёва Алексею Нилогову анализируются содержание и характер дискуссий на VI Российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений», прошедшем в Нижнем Новгороде в июне 2012 г. Обсуждаются новые перспективы развития философии.

Ключевые слова: Конгресс, философия, Нижний Новгород, Кутырёв, диалог, идеалы, судьба человека.

Abstract. In an interview with Alexei Nilogov V.A. Kutyrev analyzes the content and nature of the debate on the VI Russian Congress of Philosophy «Philosophy in the Contemporary World: dialogue of worldviews» held in Nizhny Novgorod in June 2012. Discuss new prospects for the development of philosophy.

Keywords: Congress, philosophy, Nizhny Novgorod, Kutyrev, the dialogue, the ideals, fate of man.

— С какой целью проводился VI Российский философский конгресс в Нижнем Новгороде?

Не вообще «с какой целью», а почему в Нижнем Новгороде — так я понимаю ваш первый вопрос.

Мотивов несколько. Один формальный, но значимый, прежде всего для получения поддержки в Совете ректоров, администрации города и области: предыдущие конгрессы проходили в Москве, Петербурге и центрах федеральных округов, почти во всех, а почему нам, в центре Приволжского федерального округа, не провести? Это престижно для города и послужит подъему всего гуманитарного образования. Аргументы, к которым власть предрержащие не могли не прислушаться. Аналогичные соображения были представлены руководству Философского общества, которое тоже с ними посчиталось, хотя, надо сказать, что философское сообщество в Нижнем Новгороде, в сравнении, например, с Екатеринбургом или Ростовом-на-Дону, где давно есть философские факультеты, не столь влиятельно. Наш город, по населению и промышленности претенд(ующий)овавший на третью столицу, в философском плане в тени. Небольшой философско-теологический факультет есть в педагогическом университете, а в национальном исследовательском только философская магистратура.

— С чем, по-вашему, это связано?

Если по большому счету, то с геополитическим положением Нижнего Новгорода по отношению к Москве. Когда-то он был окраиной и форпостом Московского княжества. Потом стали говорить: «Нижний — Москве брат ближний». Теперь город все больше попадает в орбиту притяжения столицы, теряя самостоятельное геополитическое и культурное значение. Что имеет свои плюсы и минусы. Плюсы, что близко, можно на один день на конференцию съездить, зато, например, когда Министерство образования определяло центры по созданию философских факультетов и переподготовке кадров, то, конечно, надо иметь такой на Урале, в Сибири, на Юге, а у нас — зачем его организовывать? Тут Москва рядом. Это относится ко всем другим вопросам общественно-экономического развития, культуры — от издания книг и журналов, до эстрады. Кто может, тот печатается/выступает/гастролирует в Москве, кто нет, тот здесь, но без статуса особого самостоятельного центра.

С пуском скоростного поезда (меньше четырех часов) появились люди, которые ездят в Москву на работу, москвичи покупают здесь дачи. Московский бизнес активно скупает местный. Город становится дальним пригородом столицы, ее «запасным аэродромом» не только в переносном, но и в буквальном смысле слова (при непогоде в Москве самолеты приземляются у нас). Когда-то в 1960-е гг. в Горьком был высажен «философский десант» выпускников МГУ, часть из них возвратилась в Москву, часть осталась, но в целом, представляется, что нижегородской философии и тогда, и сейчас не хватает самости. Вот, чтобы ее увеличить, да и просто психологическая «очередь подошла», бюро Нижегородского философского общества, включая вашего почетного слугу, выступило с инициативой, которая только что была реализована.

— Могли бы вы сопоставить нынешний конгресс с предыдущим, проходившим в Новосибирске в 2009 г. (я имею в виду прежде всего содержательное сопоставление)?

Да, сейчас. По содержанию Новосибирский конгресс был выражено «сциентистский», он и назывался: «Философия, наука, общество». Пленарные доклады, такие же ориентиры на секциях приближались по тематике к «философии и методологии науки», что понятно, учитывая доминирование этого направления в Новосибирске и Томске. Томск я считаю столицей сциентизма и технократизма в российской философии. «Сибирские Афины» скорее «сибирская Спарта» по отношению к человеку и его перспективам. По контрапункту к этой тенденции Нижегородский конгресс в замысле назвали «Философия в современном мире: диалог мировоззрений». Можно было ожидать, что у нас будет

больше «экзистенциальности», тематики, связанной с гуманизмом, духовностью, менее «занаученной». Хотя бы на пленарных заседаниях. Но приглашение докладчиков определяется президиумом Философского общества, его программным комитетом, который остался в русле доминирования методологии науки, да, собственно, и мы сколько-нибудь явственно не осознавали, *что* надо сделать для этого поворота. Так, поговорили, что неплохо бы в центр диалога поставить соотношение научного и религиозного сознания. Но религиозно ориентированная точка зрения среди пленарных докладчиков не была представлена. Секция по философии религии как всегда существовала, а собственно священством, можно сказать, не пахло. Наша философия довольно твердо стоит на атеистическо-религиоведческих позициях. Все стремятся забыть, что, помимо познания, человек может верить, надеяться, он хочет любить или ненавидит, имеет/не имеет идеалы, цели, ценности, что не улавливается рационализмом. Такого диалога между научным и шире, чем религиозное — гуманитарным мировоззрением, обращения к целостному человеку и его жизненному миру на Конгрессе, по-моему, не произошло.

Современная философия — служанка, или, в духе времени, «оператор по клинингу», технауки. И не стыдится этого, наоборот — гордится. В то время как все наши проблемы определяются бесконтрольным, без(д)умным развитием технологий (против кого будут направлять строящиеся ПРО никто не знает, террористов уже «не хватает», начинают дурачить возможным падением астероидов). Все от имени науки: «британские ученые доказали...» любую чушь, сегодня одно, завтра противоположное, а политики делают вид, будто они что-то решают. И конец света сделаем с помощью их — «сами», Апокалипсис своими руками, он будет нашей последней инновацией. Вот, казалось бы, на чем надо центрироваться — на рефлексии гонки технологических достижений, соотношении их с человеком, выполнять критические функции, обсуждать характер гуманитарных фильтров, через которые пропускать все технические предложения. Мир впал в новационную истерию, при этом продолжают болтать об «устойчивом развитии», которое новационизм по своей сути прямо отрицает.

Увы, рефлекс всего этого есть, а рефлексии нет. Высшая доблесть — «рассказы о высоких технологиях», последних событиях в этой сфере и восторги от предвкушения, что человека будут «совершенствовать», вживляя чипы, соревнуясь, кто больше их вставит, потом вообще заменят на изобретенные им самим конструкты. А должны бы течь слезы, потому что в открытой форме, без стеснения, на передовых рубежах прогресса ведутся толки о том, как люди будут жить в резервациях, если, конечно, новые гибридные поколения и разумные робо-

ты вообще им позволят жить. *Mortido* — влечение к смерти, но чтобы в форме эвтаназии — таков тренд нашего времени, в который, к сожалению, встроена и философия, что кому-кому, а для нее, в силу своего сущностного предназначения, недопустимо. В этом ее самая большая, неизвиняемая вина.

— Могли бы вы сравнить Российский философский конгресс с Всемирным философским конгрессом?

Свои тексты я посылал и был приглашен на четыре всемирных конгресса, а лично участвовал в двух: московском и стамбульском. Как вы знаете, считается плохим тоном: прислать доклад и не приехать. Но это обусловлено финансовыми (не)возможностями, которые заранее нельзя предвидеть. Другая особенность, скажем так, из-за нашей российской самодостаточности, плохое владение английским, хотя бы «глобишем». Из-за чего секции стихийно со(под)бираются с учетом этого обстоятельства. И будучи на Всемирном конгрессе, большинство российских участников имеют дело сами с собой. Так что «по идеям» различие невелико, только по пленарным докладам, впрочем, скорее внешнее. У нас теперь много всего переводится, и особой провинциальной отсталости, какого-то чувства вторичности нет. По численности же после хозяев и Америки наша делегация обычно самая представительная. Что касается структуры и тематики секций, то российские конгрессы в основном воспроизводят «всемирную схему», как, по-видимому, все другие страны, что естественно. Наибольшая специфика проявляется в круглых столах, которые формируются «по заявкам с мест», если их пришло более десяти. Это самая демократичная форма, отражающая интересы и состояние философского сознания на данный момент.

— Участие каких крупных философов (как отечественных, так и зарубежных) вы бы отметили на конгрессе?

Крупные — это, по-видимому, те, кто были приглашены выступить на пленарном заседании и с вечерними лекциями. Я просто перечислю: губернатор Нижегородской области В.П. Шанцев, С.П. Капица (по состоянию здоровья он не приехал, и в его время выступили А.А. Гусейнов и В.С. Лекторский), А.С. Запесоцкий (СПб.), А.Н. Чумаков, А.А. Грякалов (СПб.), М.А. Маслин, А.А. Федоров (Н. Новгород). Одну вечернюю лекцию конгресса прочитал В.С. Степин на тему «Введение в научную картину социальной реальности, вторую Гомез-Пин Виктор (Испания) «От Аристотеля до квантового формализма: анализ проблемы универсальности классических онтологических принципов». Как видите, ни одного совпадения (увы, вам? организаторам?) с вашей «философской сотней» в проекте «Кто сегодня делает философию в России». Недостатком считаю, что не пригласили докладчика из реги-

онов, особенно «восточнее» Нижнего Новгорода. Бессознательный (что хуже, чем сознательный) столичный эгоизм, не хватает социальной ответственности. Не говоря о том, чтобы взять да предложить выступить кому-то из ЕЭП (Белоруссии, Казахстана), поддерживая интеграцию философски. Это бы показало, что мы живем в процессе, а не спим на нем. По содержанию, хотите — верьте, хотите — нет, но пустых речей не произносилось, в целом доклады были, что называется, «добротными», интересными и произвели хорошее впечатление. Лично мне наиболее созвучно было выступление А.А. Федорова.

— **Расскажите о вашем личном участии на конгрессе.**

Я был одним из руководителей секции «Философская антропология» и выступал с докладом: «Человек умер, но не похоронен». Также вел круглый стол «Новые формы философствования в современной культуре».

Проблемную суть выступления можно сформулировать так: пришло время обсуждать перспективы человека в его постчеловеческой перспективе. Или, как нам жить в мире «по ту сторону человека».

Для начала, не торопиться к этому состоянию. Борьба за сохранение «традиционного» Homo *vitae sapiens*. В таком качестве любой философ-гуманист, философ как таковой, вообще смотрящий дальше своего носа человек предстает консерватором. Даже реакционером. Если иначе, то это бездумный технар, чье сознание уже похищено силами иного, работающий в перспективе на свое уничтожение. Появляется все больше людей, которые не хотят осознавать, что происходит. Обыватели, которые кроме потребления ни о чем не мыслят, и мыслящие люди науки, старающиеся не думать о последствиях собственной деятельности. Это если они честные, а если нет, то корыстно лживые, соблазняющие потребителей ближайшим изобретением, скрывая знание того, к чему оно дальше приведет. Так называемые «грантоеды». Личности вытесняются актерами, агентами, «слабыми зомби», которым грозит перерастание в «сильных зомби», т. е. в программируемых и управляемых извне будто бы людей. Вместо интеллигентов — интеллагенты. Провозглашенная постмодернизмом «смерть человека» реализуется на наших глазах. Я пытался убеждать себя и других, что человек, хотя умер, но не похоронен. За него надо бороться, ясно отдавая отчет, что происходит, и где мы находимся.

Вы же видите, как вместо культурных регуляторов, представлений о том, что хорошо, плохо, понятий греха, добра и зла общество приступило к «внешнему» регулированию отношений между людьми — технологиям наблюдения и контроля. Если нет всевидящего Бога и совести (мораль, вслед за религией, отделена от государства, потому оно «правовое»), надо ставить камеры наблюдения и проверять на де-

текторах лжи. На подходе «чтение мыслей», эмоции уже «считывают». Начали с аэропортов, цинично направляя на идущих аппараты, которые сканируют их мозг. Под предлогом терроризма с нами можно делать все, что угодно. Или внедрение генно-модифицированных продуктов, особенно патологическое в странах, где магазины и так ломаются от перепроизводства. Под предлогом, что на Земле скоро будет много людей. Или пробные шары по клонированию человека. Под предлогом, что людей не хватает? Все по Оруэллу или так, как в фантастических американских фильмах, только на самом деле.

Казалось бы, подобные процессы должны вызывать бурю обсуждений, а либералы так вообще должны рвать на себе волосы и кататься по полу, но нет, они «заточены» против социокультурных регуляторов свободы, технические не видят. Потому что это передовой отряд носителей глобализма и «конца истории», ее замены всеобщей продажностью и технологиями, чего, разумеется, большинство из них не осознает. Это люди поверхности. «Общество знания» не любит знание. Предпочитают эвтаназию. Понимание теперь — удел консерваторов.

Или, смотрите: идеалом человечества, тем, к чему надо стремиться, провозглашается комфорт. Комфорт по-русски — удобство. Удобное положение, когда не надо прикладывать усилий. Меньше всего прикладываем усилий, когда лежим и ни о чем не заботимся. «Смотрим телевизор». Или в компьютере — что теперь действительно делают все больше лежа. Nirvana, смерть? Если бы Ницше («о комфорте мечтают коровы, женщины, дети, англичане и социал-демократы») или Маркс («счастье — это борьба»), да и все великие люди прошлого, хотя бы на миг явились к нам, они бы тотчас сошли с ума от сшибки из-за восхищения внешними достижениями и внутренней пустотой современного общества. Мы живем в без(д)умно разумном мире, на этапе своей де(э)волюции.

Ну, пожалуй, и хватит, в принципе я разоблачил себя, свое мировоззрение. Некоторые поторопятся сказать, что оно похоже на эпатаж, на самом деле, это просто экологическое сознание, которое теперь применимо не только к природе, а ко всей культуре и самому человеку. Мы, кто люди, — в обороне, нужна идеология сопротивления, философия консервативного реализма, полионтизма, эстологии и коэволюции. Чтобы противостоять наступающей (на нас) эпохе трансмодерна, об особенностях которой у меня была возможность говорить уже на круглом столе.

— **Своим развернутым ответом вы во многом предвосхитили мои другие вопросы, но все-таки, хотя бы кратко: каковы были основные темы конгресса? какие темы оказались наиболее дискуссионными?**

Когда вот так спрашивают какого-то участника большого действия, то предполагается, что он о нем все знает. На самом деле, каким бы грандиозным не было мероприятие, он видел только то, что доступно одному человеку. Я был на пленарном заседании, а потом просидел в основном на секции и своем круглом столе. Чтобы составить более полное представление, надо спрашивать многих, оно вырисовывается несколько позже. Для философской антропологии, где я был, отчетливо заметны тенденция отказа от гуманизма, интерес к гуманитарным технологиям и проектам технического усовершенствования человека, с одной стороны, и стремление сохранить традиционного человека, с другой. Нельзя сказать, что первое превалировало, но обрисовалось отчетливо. Настолько, что от философской антропологии отпочковалась как самостоятельная особая секция по новым технологиям в «изучении человека». Боюсь, что на следующем конгрессе появиться секция трансгуманизма. Все та же гибельная логика самоотрицания, хотя была, повторяю, и критика ее, испуг перед этой перспективой. Внешнее наблюдение других заседаний показывает рост влияния онтологии, когда-то пущенной по ведомству консерватизма и оттесненной, думали навсегда, гносеологией и эпистемологией. Как видим, движение в некотором роде может идти и по кругу.

— **Как вы в целом относитесь к «конференц/конгресс-философии»? Каков кнд участия в таких мероприятиях?**

Я догадываюсь о подоплеке этого вопроса. Есть мнение, что все «конгрессы» пустая трата времени. Что настоящая философия делается в одиночку, а некоторые авторитетные авторы вообще считают участие в подобных публичных мероприятиях недостойным для себя. «Толпа», тусовка, засилье провинциал(ов)изма. К сожалению, этот скепсис перестает быть позицией снобов, становясь как бы общим хорошим тоном. Зря, надо бы радоваться таким возможностям, понимая, что без массовой физкультуры большого спорта не бывает. Люди всегда сами рубят сук, на котором сидят.

Да, мероприятие большое. Было подано 1996 заявок с тезисами. Часть отклонили (немного), разумеется, все в живом виде не приехали (вокруг тысячи было). Интересна география тезисов: в первой пятёрке Москва — 463 участника, Нижний Новгород (хозяева) — 136, Санкт-Петербург — 118, Уфа (?) — 70, Екатеринбург — 64. Много заявок с Украины (Киев — 26, Одесса — 12 и т. д.), Ташкент — 17, Алма-Ата — 14. Это, может быть, фантомные боли и радости единого советского пространства. Но есть также тексты (стихийно пришли) из Бразилии, Германии, Индии, Канады, Израиля и др., что говорит о потребности в живом общении. Можно ли в таком случае надеяться на «тихую, углубленную работу»?

И не надо, бесполезно. Философию, как даже и науку, нельзя сводить к кабинетному исследованию. Они, кроме прочего, социальное явление, институты. Общение имеет собственную ценность. Оно вдохновляет, заряжает эмоциональной энергией, люди на самом деле хотят себя показать и других посмотреть. Это жизнь некоторой корпорации, ее дух, атмосфера, участники которой посвятили себя единому делу, и почувствовать друг друга, соотнестись друг с другом непосредственно, делая иногда невидимый колледж видимым — хорошо! В университетах, как известно, учатся не только в аудиториях, но и в коридорах, общежитиях, что нередко более важно. Во всяком случае, не повредит последующему кабинетно-компьютерному существованию или «функционированию». Нельзя отрицать и того, что в докладах могут высказываться и высказывались оригинальные, неожиданные идеи. Послушать напрямую известных по книгам авторов, специалистов в своей сфере — почему нет? Кпд легко считать у паровоза, а у людей — мы не знаем, что нам будет лучше.

— По словам некоторых участников конгресса, общий уровень докладов оставляет желать лучшего, а философы из провинции подтвердили свой провинциальный уровень. Почувствовали ли вы провинциальный фон конгресса?

Как-то я уже отвечал насчет того, где может находиться провинция. Чтобы почувствовать ее фон, иногда не надо уезжать из Москвы. Давайте лучше задумаемся в удивительные, поистине выдающиеся и бесценные по своей искренности слова нашего недавнего министра образования, начавшего его реформу — А. Фурсенко. Они достойны того, чтобы войти в учебники по истории России, наряду с высказыванием царского министра просвещения николаевского времени, закрывшего философию в университетах: «польза от нее не доказана, а вред несомненен», или потом циркуляром министра Делянова о «кухаркиных детях»: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других». Такова «философия» нашего господствующего политического класса, она относится не только к образованию, а ко всем представлениям об обществе и назначении человека. Слова А. Фурсенко — «ночное сознание» этого класса, он выболтал вслух то, что думает, на что ориентируется ставшее властью современное мещанство, кичащееся свободой самовыра(зло)жения. Если оно еще и будет терпеть «творцов», то только в технике, а развивать человека, возвышать личность не намерено. (Не) для того порицают, невольно возвеличивая, и советскую эпоху. А вы ищите, где провинция.

— Как встроены философский истеблишмент российской провинции в систему консультирования и принятия решений в политике и культуре?

Опять о провинции? Далась вам она. По моим впечатлениям, почти никак. Или я не знаю нашего философского истеблишмента. Иногда, правда, бывали попытки каких-то совместных заседаний/совещаний философов с практиками, чаще в достославные советские времена, когда нас официально привлекали к сотрудничеству, к выступлениям перед населением и районными властями. Зазор непонимания преодолевается трудно. Горизонт хозяйственных решений, даже научных проектов, обычно ограничивается конкретной задачей, ходом Е-2—Е-4, а всякие мировоззренческие соображения, возможное воздействие на человека, отдаленные последствия управленцы не видят, они их не интересуют. За философов, когда слушаешь выступления на таких встречах, бывает еще более стыдно. Что называется, «городят». Люди, не занятые реальным делом, «карьерные интеллигенты» обычно страдают праздномыслием. Умствуют. Здесь философия нужна в ее первоначальном смысле, как мудрость, а не птичий язык словесных конструкций, привычных в своей среде. Ясно донести свои взгляды до практически мыслящих людей умеют немногие. Какая-то смычка, влияние доходят скорее через «посредников», политологов, социологов или философов, отошедших от специального занятия философией.

— Отмечался ли интерес со стороны региональных и федеральных СМИ к конгрессу?

Был, но слабый, по причинам вышесказанным. Современные СМИ — ударный отряд в разрушении человека. Истину о чем-то можно сказать один раз, а лжи по каждому вопросу можно произвести и продать много. Они — на рынке, где философия не самый ходовой товар. Если мы хотим выжить как духовные существа, то лозунг должен быть социал-демократический: рыночная экономика и не рыночное (не монетизированное), а культурное, т. е. нравственное, религиозное и эстетическое общество.

— Не кажется ли вам, что мы имеем такую философию, какую заслуживаем?

Да, конечно, все/ё заслуживаю(е)т своей участи — такова идеология фатализма и научного подхода к человеку. Но поскольку он существо до конца не научное и рациональное, а надеющееся и ценностное, стремящееся и со-знающее, что есть должное, то надо бы лучше. Главное, действенной.

— Как вы предполагаете, какие «философские велосипеды» были изобретены на конгрессе?

На вашу упорную иронию в отношении новационной ценности конгресса я, в конце концов, могу ответить — да пусть. Даже если «велосипеды» и в основном повторялось когда-то сказанное. Каждый из нас «велосипед», мы живем, не обращая внимания, что рядом с нами или до нас кто-то был умнее, успешнее, более знаменит. Так и любое поколение. Все умные мысли уже передуманы, дело, однако в том, что их всегда надо передумывать заново — говорил Гете. Великие идеи слишком важны, чтобы быть новыми. Бросьте эти предрассудки насчет прогресса. Он превратился в трансгресс, т. е. переступает через человека. Мы деградируем. Не видеть этого могут только слепые. Какковыми и является подавляющая часть человечества, которое, как стадо леммингов, устремилось в океан отрицающих его достижений. Превратным образом это отражается в непрерывном назначении и перенесении времени конца света. Но в отличие от этих полярных мышей, 3—5 % людей понимают или должны понимать, что происходит, спасая тем самым честь человека как сознающей формы бытия. Место философов в этой группе. Да еще с надеждой, что можно что-то сделать или само «сделается». Главное, не торопиться. Основная проблема человечества: как защититься от новаций, не превращая их в инновации, ибо все нужное для здоровой, нормальной жизни уже изобретено. Наука и техника стали работать на пресыщение и развращение человека, делая его лишним, паразитом. Девиз выживания: отсталость, отсталость и еще раз отсталость. Мысль не остановишь, но пусть они будут искусством для искусства. Можно проводить соревнования и конкурсы интересных проектов, выставки «возможного», как в архитектуре, например...

В любом случае надо бороться за самосохранение, стремясь не вперед, а вверх.

Интервьюировал А. Нилогов

А.В. КОРОВИН

**Датский модернизм и философская новелла
Мартина А. Хансена**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о специфике датского модернизма, отличающегося философской и социальной направленностью. В датской литературе 1940—1950-х гг. центральными становятся онтологические и экзистенциальные проблемы, связанные с

поиском личностью путей персональной самоидентификации. Самым ярким примером датской философской прозы становятся новеллы Мартина А. Хансена.

Ключевые слова: модернизм, датская литература, философия, экзистенциализм, новеллы, Хансен.

Abstract. This article deals with the specific of Danish Modernism, which has the philosophical and social approach. The existential and ontological problems are the main for Danish literature in 1940-50 years. They are strongly connected to the human search for ways of personal self-identification. The most significant example of the Danish philosophical prose is Martin Hansen's short stories.

Keywords: modernism, Danish literature, philosophy, existentialism, short stories, Hansen.

Модернистские тенденции становятся определяющим вектором развития европейской культуры в первые десятилетия XX в., в то время как в датской литературе доминирует тяготение к реализму и натурализму как методам отражения действительности, что определено деятельностью Георга Брандеса и писателей «движения прорыва», стремившихся порвать с романтическими формами в искусстве. Но общая атмосфера fin de siècle не могла не оказать воздействия на датскую культуру: уже в конце XIX в. наблюдаются явления, свидетельствующие о формировании направления, противостоящего реализму, правда, это находит свое выражение, прежде всего, в поэзии. Пока модернизм еще не занимает существенного места в датской прозе, но находит свое отражение в лирике: появляется целая плеяда поэтов, которые находятся в поисках нового выразительного языка. Среди наиболее известных имен того времени Эмиль Беннелюкке и Том Кристенсен, несколько позже Поль Ла Кур. Их творчество продолжает романтические тенденции в датской литературе, при явном стремлении к обновлению поэтического языка и формы. Особенностью датского модернизма в довоенный период становится стремление установить связь с романтической традицией, что находит отражение и в творчестве Карен Бликсен как наиболее яркого автора, противостоявшего доминированию реализма. Все они прокладывали путь модернизму, который по-настоящему утверждается только в конце 1940-х гг., что становится специфической особенностью именно датской литературы.

Рупором датского модернизма стал журнал «Херетика» (1948—1953), сыгравший существенную роль в культурной жизни Дании и всей Скандинавии конца 1940-х — начала 1950-х гг. Редакторами издания были такие известные поэты, как Торкиль Бьернвиг и Оле Ви-

вель, выступившие с критикой сугубо реалистического и натуралистического отражения действительности в литературе. Самое серьезное влияние на развитие датской литературы того времени и умы писателей оказала деятельность крупнейшего датского мыслителя эпохи — историка и философа-идеалиста Вильгельма Педера Гренбека. Для писателей этого круга характерно метафизическое восприятие действительности, порождающее мистические мотивы в творчестве и религиозную направленность.

Несмотря на то, что модернистские тенденции наблюдались в датской литературе еще в начале века, подлинный расцвет литературы, соотносимой с модернизмом, приходится на послевоенные десятилетия. Сейчас поколение писателей, вошедших в культурную жизнь Дании в 1950-е гг., время, когда многое переосмысливалось, в том числе и парадигма общественных ценностей, является старшим в современной датской литературе. Лайф Пандуро, Вилли Серенсен, Клаус Рифбьерг, Бенни Андерсен и другие тогда молодые авторы составили яркую плеяду писателей. Они были слишком юны во время войны, чтобы сказать свое слово, но хорошо помнили драматические 1940-е, когда проблема нравственного выбора стояла весьма остро, а добро и зло были отчетливо отделены друг от друга. В 1950-е ситуация изменилась, человек погрузился в свою частную жизнь, где высшей ценностью стало благополучие. Для писателей этого поколения важно было проникнуть во внутренний мир обывателя, спрятанный за завесой обыденности. Великая эпоха ушла, герои измельчали, но проблемы остались прежними, хотя фон резко поменялся. Заурядное бытие в самых разных его проявлениях проникает в датскую литературу и на годы становится предметом изображения. Оказалось, что человек способен также заблудиться и запутаться в повседневности, потерять себя, растерять все то лучшее, что есть в его душе, как и в годы великих потрясений, просто это никому не видно и неведомо.

В 1957 г. в крупнейшей датской газете «Politiken» один из датских литераторов Х. Лембурн поместил статью, где дал эпитет современному молодому поколению, назвав его «холодным» (kold). Тема была подхвачена, и Рифбьерг отозвался на эту публикацию такими словами в эссе под названием «Грелка не обязательна. Холодно или горячо — некоторые наблюдения за температурой молодежи»: «Поколение, которое было обозначено как холодное, может быть, виновно лишь в том, что оно не было расположено делиться своими тайнами, а это Лембурн совершенно верно подметил» [1, 13].

Новое поколение выступает против «массового общества», «общества потребления», тех понятий, которые возникают в 1950-е гг., и против чего восстали битники в Америке, но то был настоящий бунт, а

в Дании, естественно, сам протест против бездуховности носителей «массового общества» принимает более спокойный, «холодный» характер. Датское общество оказалось как бы разделенным на интеллектуалов и обывателей, с чем не могут смириться молодые писатели, а потому их героями стали эти обыватели. Они сами и их дети живут в мире, далеко от рефлексии и стремления проникнуть в суть бытия, но их мир тоже заслуживает пристального внимания, он полон конфликтов и противоречий, там нет места самоуспокоенности. На авансцену выдвинут средний гражданин, потребитель общественных благ, а главной темой становится тема одиночества и фальши, фальши, с которой не может примириться настоящий художник.

Самым крупным писателем этого времени стал тесно связанный с журналом «Херетика» Мартин Альфред Хансен (Martin Alfred Hansen, 1909—1955). Его творчество оказалось одним из наиболее значительных явлений в национальной литературе, самым существенным образом повлиявшим на датскую культуру всей второй половины XX в. В своем творчестве писатель стремится уйти от банального реализма и приблизиться к изображению мира, преломленному через призму мифологизированного восприятия действительности, интеллектуальной игры и ничем не ограниченной творческой фантазии. С.М. Кристенсен писал: «В начале своего творческого пути Мартин А. Хансен стоял на левых позициях, подвергая критике современное общество, был настоящим реалистом. Но постепенно он все правел и в результате стал основной фигурой в религиозном и антирационалистическом течении 40-х годов» [2, 327].

Первым романом Хансена был «Теперь он сдается» (1935), где в реалистическом ключе описан кризис патриархальных отношений в деревне, этой же теме посвящен второй роман «Колония» (1937). Но в романе «Путешествие Ионатана» (1941) наблюдаются стремление искать новые повествовательные формы и смена эстетических ориентиров. Форма этого романа вполне отвечает содержанию — это история невероятных приключений кузнеца Ионатана и его спутника Аскелада (героя народных сказок). В целом условно-аллегорический мир, изображенный в романе, предстает метафорой современности, которую дьявол, выпущенный из бутылки, готов подвергнуть разрушению. В историческом романе «Счастливчик Кристофер» (1945) также поднимаются актуальные для современного общества проблемы, осмысливаются война как феномен человеческой истории и то, какие метаморфозы претерпевает человек, в нее вовлеченный.

Собственно к философской тематике Хансен обращается в своем первом сборнике новелл «Куст терновника» (1946), куда вошли три новеллы, повествующие о борьбе, поэтому эпиграфом к книге стано-

вится стихотворение Ниса Петерсена, которое начинается так: «Это правда: борьба, не нуждаясь в названии, захватывает нас всех» [3, 13]. Каждый из текстов связан со временем года, когда природа пробуждается, расцветает и засыпает, и повествует о борьбе: в первой новелле «Пасхальный колокол» речь идет о борьбе человека за счастье и недостижимости этого счастья. Крестьянин Йохан в одно пасхальное утро обретает все, о чем он мечтал: любимую, хутор, и в то же утро расстается с жизнью. Во второй новелле «Праздник середины лета» складывается ситуация странного диалога между молодым человеком Георгом и девушкой Альмой, как потом выясняется, между писателем и читателем. Это рассказ о борьбе добра и зла, которые неотделимы друг от друга, поскольку несут в себе страдание, составляющее суть человеческого существования. В этом тексте и в последней новелле «Сентябрьский туман» особо ощутимо влияние философии С. Кьеркегора, ориентированной на постижение глубин человеческой души: Хансен опять обращается к феномену войны, несущему с собой абсолютный страх, превращающий мгновение в вечность; это рассказ о борьбе жизни и смерти, также оказывающимися единым целым. Аллегоричность повествования, насыщенность реминисценциями свидетельствуют о тенденции к общей интеллектуализации датской прозы, которая наблюдается в то время. Внутреннее пространство новелл расширяется за счет ассоциаций, которые неизбежно возникают у читателя, включающегося в специфический диалог с автором, ставящим онтологические проблемы, вечные для человечества. Это своего рода ответ на вызов всей предшествующей культурной традиции, требующей осмысления и переосмысления, без чего невозможно движение вперед, развитие как таковое.

В следующий сборник «Куропатка» (1947) вошло двенадцать новелл, разнообразных по содержанию и настроению. Он открывается текстом, давшим ему название, «Куропатка», в котором центральное место занимают воспоминания о детстве. Перед читателем предстает образ трудной и голодной поры большой европейской войны, когда и случилось невероятное событие — холодным зимним вечером в дверь дома, где обитала большая семья, раздался стук, оказалось, что в нее ударилась замерзшая куропатка, ставшая своего рода подарком для людей, привыкших питаться почти одной кашей. Сама коллизия не является сколько-нибудь значительной и интересной, центр читательского внимания смещается в эмоциональную сферу, автор-повествователь, одновременно и ребенок, и взрослый, остро переживает это событие, столь сильно врезавшееся в память, поскольку обретает поистине мистическое значение, воспринимается как вмешательство в жизнь людей высших сил, что и находит свое отражение в хри-

стианских легендах, где в повседневную действительность приходит чудо, наполняющее ее смыслом. Хансен сродни Х.К. Андерсену в своем стремлении рассмотреть в обыденном волшебное, ставшее проявлением божественной воли.

Мир взрослых людей изображен со всеми его противоречиями и драмами, когда злоба, недоверие и абсурд становятся неприменными атрибутами действительности. Одной из самых драматичных становится новелла «Жертва», в которой возникает образ зла, казалось бы, абсолютного, но неизбежного, творимого во благо. В охваченной чумой местности двух детей закапывают живьем, спасая тем самым жизни остальным. Основное место в тексте уделено моменту, когда люди собрались у уже вырытой могилы и стоят лицом к лицу с двумя маленькими детьми, обреченными на смерть. Они уговаривают себя и их в необходимости этой жертвы. Отвлеченность ситуации, неопределенность места и времени действия позволяют вывести конфликт на всеобщий уровень, придать ему общечеловеческое звучание в эпоху, когда только закончилась самая безжалостная война в истории. Хансен ставит задачу проникнуть в души этих людей без детального психологического анализа, только внешними средствами — их страх, боль и страдание находят свое выражение лишь в репликах, что усиливает драматизм повествования, свойственный новелле в целом. Самым главным все-таки остается вопрос: где границы зла, может ли мир существовать без зла или это неотъемлемая часть человеческого существования?

Новелла «Птицы» заметно отличается от других тем, что практически вся состоит из диалогов, здесь нет места авторским рассуждениям и рефлексии героев, мы видим мир в максимальной приближенности к внешней реальности. Молодой человек Эспен, которого даже отец называет Трясогузкой, поступает на службу к старому пастору, влюбляется в его дочь Хелену, но та упархивает из родительского гнезда, чтобы жить на воле. Спустя годы она возвращается к своему спившемуся отцу, где вновь встречает Эспена, оставшегося верным своему месту. Незамысловатая история, в которой человеческое существование не многим отличается от жизни птиц: одни витают в небе, а другие ходят по земле, и им не понять друг друга. Эспен-Трясогузка так и остается в своем сером наряде, как бы Хелене ни хотелось увидеть его в кроваво-красных доспехах рыцаря.

Писатель постоянно обращается к размышлениям о жизни и смерти, о фундаментальных проблемах бытия, поднимает экзистенциальные вопросы. Очевидно его стремление осмыслить настоящее, применив к нему философию С. Кьеркегора, поэтому центральное место в его новеллах занимает не сюжет, не коллизия, но эмоция, пережива-

ние, которое и позволяет ощутить бытие во всей его многогранности. В новелле «Мартовской ночью» фабульная основа отсутствует: это переживания, впечатления, ассоциации, возникающие у героя-повествователя мартовской ночью. Картины природы сменяются воспоминаниями, а в центре повествования оказывается образ смерти — старый человек в гробу, все человеческое существование находит свое воплощение в образе смерти: «Как узнают смерть? Мертвый не двигается, не дышит, не ест, тело разлагается. Это признаки. Они не обманывают. Но это внешние признаки. У жизни есть свои внешние признаки, противоположные и положительные. И они голосуют как за Платона, так и за дождевого червя. Но у нас внутри есть признаки жизни сильнее, властнее и достойнее. Все здесь жизнь. Здесь нет равенства признаков смерти и опыта смерти. Понятие смерти уносится потоками мысли вместе с другими понятиями. Догмы смерти, страх смерти, жажда смерти — все это жизнь» [4, 501]. Здесь нет жизни героя, а есть только его смерть, но именно жизнь, ее ценность и значимость, утверждается посредством смерти. Повествование превращается в своего рода внутренний диалог, который ведет герой-повествователь, рассуждая о сути жизни и смерти. Текст весьма сложен и метафоричен, призван вызывать множественные ассоциации и пробуждать эмоцию.

Хансен трансформирует форму новеллы, заменяя динамику внешнюю динамикой внутренней, притом зачастую композиционной основой становится само переживание, возникшее под влиянием того или иного события, остающегося за пределами повествования. Хансен даже тогда, когда описывает реальную действительность, первостепенное место отводит изображению внутреннего мира человека, первосоздающего эту действительность, облакающего ее в одеяния фантазии. Это присуще и его знаменитому роману «Лжец» (1950), ставшему программным произведением писателя, где вроде бы нет ничего фантастического, ничего сверхъестественного, но реальность предстает нам увиденной главным героем, а потому его фантазия и факты действительности неотделимы друг от друга, что делает повествование еще более фантазмагоричным, нежели описание сверхъестественных явлений.

Одна из наиболее оригинальных книг Хансена — «Змей и бык» (1952), которую весьма сложно отнести к какому-либо жанру художественной литературы, поскольку в ней сочетается эссеистический стиль с художественной образностью, что в целом присуще датской литературе, начиная с произведений С. Кьеркегора, творчество которого во многом остается отправной точкой для Хансена. Хансен обращается к дохристианским верованиям скандинавов и раннему Средне-

вековью, тем самым продолжая романтическую традицию эстетизации эпохи викингов и их самобытной культуры, но эта книга не культурологическое исследование, это поиск сути, истины, средством для которого становится погружение в прошлое. Такое погружение подобно практике визионеров — это книга откровений, где ушедшее скрыто под пеленой таинственности и загадочности, а автор ее приоткрывает, дает возможность прикоснуться к вечному, используя метафорический язык и символику, что характерно для сакральных текстов. За рассказом о рунических камнях, старинных церквях и забытых обычаях вырастает цельный и живой образ прошлого, звучит голос давно умерших людей, что воспроизводит саму ткань бытия во всей ее неповторимости. В своем стремлении обратиться к прошлому, чтобы попытаться постичь суть настоящего, Хансен становится защитником Христианства, но не его формы, а самой сути веры, в чем прослеживается влияние философии В.П. Гренбека. Книга состоит из отдельных частей, небольших текстов, что также достаточно обычное явление для датской литературы, тем самым в основе крупного текста лежит малое прозаическое произведение, возникает два уровня восприятия — отдельного элемента и целого. Древнескандинавские сюжеты и образы возникают в книге «Путешествие по Исландии» (1954), которая продолжает традицию путевых очерков, характерную для датской литературы и тесно связанную с развитием малых прозаических жанров. В книге содержится описание путешествия писателя и художника С. Хавстеена-Миккельсена в страну, не только знаменитую своей фантастической природой, но и сохранившую древнюю культуру, поэтому в произведении нашли отражение впечатления от поездки, а также была переосмыслена древняя северная мифология и исландские саги, которые оживали для путешественников на фоне неповторимых ландшафтов. Прошлое и настоящее переплетаются, что и позволяет воссоздать истинный образ бытия, где время и пространство всего лишь условности. Исландская культура продолжает оставаться для датчан источником материала, сюжетов и образов, воспринимаемых как истинно национальные.

В сборник «Райские яблоки и другие истории» (1953) входит новелла «Срок Болетты», в которой поднимается экзистенциальный вопрос преступления и наказания. Описываемые события всего лишь частный случай из жизни сапожника Ольферта и его жены Болетты — нищета, долги и безысходность толкают их на преступление: кражу двух кур и куска солонины. Данный сюжет вполне бы соответствовал критическому пафосу реалистической датской литературы, где герои предстают жертвами общества, но Хансен рассматривает ситуацию совершенно под иным углом зрения: дело не в причинах преступления

и его последствиях, а в изображении внутреннего состояния героев, которых уличают в краже и обвиняют. Очевидно, что они будут осуждены, детей их раздадут в чужие семьи, их мир обречен на разрушение, но Болетта в отличие от своего мужа проявляет стойкость и силу характера. Ее обвиняет сельский староста Серен — их заимодавец, который и был обворован. Болетта отнюдь не раскаивается, она выступает в роли святой грешницы, ее жизнь полна греха, но насколько ее грехи соизмеримы с грехами других? Болетта говорит Серену, что ее старший сын Петер Эрлинг от него, что сделал староста, чтобы им помочь? Ольферт — ничтожный или смиренный человек, который принимает и это, его сердце согревает мысль, что младшая дочь Кремона точно его. Он готов разделить судьбу Болетты и принять страдание, как он принимает на себя часть греха Болетты. Слабость оборачивается проявлением стойкости, грех и преступление становятся своеобразным испытанием для человеческой души, способной даже в падении сохранить себя. Маленькие люди с их ничтожными преступлениями и жалкими жизнями воплощают истинную сущность бытия, именно их жизнь — это то настоящее, что заслуживает уважения, но не прощения, поскольку они в нем не нуждаются. В этой новелле находят отражение кьеркегоровские мысли о человеческой личности как соединении несоединимого, средоточении противоположностей, что и делает ее притягательной и достойной уважения. Героями Хансена становятся те самые простые люди, которые ведут поистине героическую борьбу за существование, в отличие от лжегероев, движимых тщеславием, честолюбием, гордыней. Болетта и ее муж понесли наказание, а жена сельского старосты Эльза и его сын Георг — нет, хотя многие из краж, в которых обвиняют Болетту и Ольферта, совершили они. Самым страшным предстает не сама кража, а ложь, что извращает душу, и источник этой лжи — Эльза, обзавшая маленькую девочку — дочь Болетты — Кремону воровкой. Хансен умело использует форму, характерную для реалистического рассказа, для выражения философских идей, тем самым создавая философскую новеллу, где содержательный пласт оказывается в подчиненном положении по отношению к высказываемым мыслям, за движением которых и следит читатель.

Сборник «Ракушка» (1955) стал последним прижизненным изданием писателя, в него вошли новеллы, написанные в более раннее время и выходившие отдельными изданиями «Лицо» (1949), «Иванова ночь» (1949). В новелле «Хоун» главным героем является старый и больной фермер Хоун, просыпающийся ранним морозным утром до того, как прозвенел будильник, страдающий от артрита и осмысливающий свое существование. Внутреннее время в новелле около двух дней, напол-

ненных житейскими заботами. Хоун ухаживает за скотиной, общается с домоуправительницей Йоханной, потом ему в голову приходит мысль начать варить мыло на продажу, но Йоханна резонно замечает, что она читала в газете, что это запрещено. Упрямый старик все же отправляется на телеге в город купить мыльного камня, по дороге уже ночью чуть не замерзает. На следующий день к нему приходит богатый сосед Олуф, который обвиняет Хоуна в попытке противозаконной деятельности. Хоун ссорится с Йоханной, и та уходит. Такова сюжетная канва новеллы, где нет ничего необычного, даже драматического, а всего лишь небольшой эпизод из жизни вздорного старика, который, кажется, действует вопреки логике, рассудку, чуть было случайно не гибнет, но это лишь внешний пласт повествования, за которым скрывается истинное содержание.

В новеллах Хансена нет мистики и сверхъестественных сил, воздействующих на действительность, все события разворачиваются в реальности, воспроизведенной до мельчайших подробностей, но главным становится не образ этой реальности, а ее восприятие героем, которое должно передаваться читателям. Эта новелла в меньшей мере метафорична, не столь насыщена аллюзиями и реминисценциями, здесь главным становится изображение человека, который вопреки всему стремится оставаться самим собой, быть верным своему образу жизни и не поддаваться влиянию извне. Герой сопротивляется болезни, которая постепенно лишает его возможности неустанно работать, Йоханне, которая окружает его заботой и тем самым лишает свободы, Олуфу, который угрожает ему, лишая выбора. Хоун превращается в героя-защитника всех этих свобод, вопреки житейской и бытовой логике, он уподобляется фигуре вселенского масштаба, отстаивающей свое достоинство и одновременно достоинство всех остальных людей. Он делает это неосознанно, но тем большего уважения заслуживает эта борьба. «Он осознал, что был жалким человеком. Глуповатым, больным и жалким. Это не чепуха, а серьезный недостаток. Это было не хорошо, он не мог этого вытерпеть. Он знал, что может за этим последовать, и именно этого он так боялся. До сих пор этого не произошло, но это вполне может случиться. Унижение, как дрожжи, росло и распространялось у него внутри. Он придет к тому, что начнет жалеть себя, как презренный Иов в Писании, зальет лицо слезами, будет шмыгать носом. Он станет малодушным и нетребовательным, как бродящий пес, потом найдутся добрые люди, которые возьмут его к себе, что будет даже хуже смерти» [5, 87]. Хоун восстает против неизбежности, против самого течения жизни, стремясь сохранить себя, в этом и заключается основной пафос новеллы, повествующей о повседневности, но повседневности, наполненной истинным драматизмом, что и

придает повествованию внутреннюю динамику. Именно внутренняя динамика становится неотъемлемой чертой поэтики Хансена и отличительным признаком его новеллистики.

После смерти писателя вышел сборник новелл «Последние новеллы и зарисовки» (1959). Мартин А. Хансен становится ключевой фигурой в развитии датского модернизма, оказывает влияние на авторов младшего поколения, вырабатывающих свой стиль и находящихся в поисках новых выразительных форм. В области малой прозы он продолжает традицию интеллектуальной прозы, изобилующей аллюзиями и реминисценциями, апеллирующей к внутреннему миру героя, который и предстает истинной реальностью. Хансен фактически создает датскую философскую новеллу.

Литература

1. *Rifbjerg K.* Journalistik. Kbh., 1967.
2. *Kristensen С.М.* Датская литература 1918—1952. М., 1963.
3. *Hansen M.A.* Tornebusken. Kbh., 1969.
4. Датская новелла XIX—XX вв. М., 1967.
5. *Hansen M.A.* Konkyljen. Kbh., 1956.

Т.А. ЕСИНА

Историческая память народа как источник его культуры (размышления о книге «Мы помним...»)*

Уважение к национальному «мы»
есть основа истинного уважения к
личному «я».

И.А. Ильин

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы восстановления исторической памяти народа как средства преодоления современного кризиса культуры. На примере проекта «Мы помним...» показано значение инновационных форм патриотического воспитания российской молодежи в условиях реформирования системы начального и высшего образования. Ставится вопрос о путях творческого пере-

* Мы помним...1941. Книга воспоминаний и размышлений поколений: В 2 ч. / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К°, 2012. — 474, 442 с.

осмысления истории России на основе повышения уровня интеллектуальной культуры молодежи.

Ключевые слова: историческое сознание, кризис культуры, патриотическое воспитание, историческая память народа, политическая история.

Abstract: This article is devoted to the reconstruction of the historical memory as ways of overcoming cultural crisis. The meaning of innovative forms of patriotic education of the Russian youth is shown on the example of the project «We remember...» in the terms of reforming the system of higher education. The question of creative revision of Russian history on the basis of increasing level of intellectual culture of students is considered.

Keywords: historical consciousness, cultural crisis, patriotic education, the historical memory of people, political history.

Выдающийся русский мыслитель И.А. Ильин определял национальную культуру как самоутверждение народа в духе. Он рассматривал кризисные процессы в России XX в. сквозь призму онтоэтического синтеза, считая, что эта историческая эпоха «должна быть осмыслена как эпоха великого духовного разоблачения и пересмотра» [1, 151]. В работе «О сущности правосознания» он уделил большое внимание онтологическим основаниям патриотизма, его этическим, правовым и политическим составляющим. По мнению И.А. Ильина, национальное самоуважение воспитывается в народе долго и медленно. Для того чтобы создать здоровую атмосферу духовной солидарности, «каждый народ должен выстрадать великий опыт индивидуального и коллективного *самоутверждения* и осознать этот опыт» [1, 320—321]. Ильин был убежден, что человеку как истинному гражданину и патриоту «необходимо уважать в себе духовную силу своего *народа* и уважать свой *народ* как великую энергию духа, питающую его *личные* силы» [1, 320]. Историческая память народа всегда является важным источником его культуры, необходимым условием достижения высокого национально-государственного статуса, расцвета государственной жизни.

Именно поэтому в России начала XXI в. особое значение приобретает целенаправленное формирование исторического сознания молодежи как необходимое условие воспитания патриотизма и гражданственности. Особенно важна ответственность человека за интерпретацию истории своего народа. Стремление переписать историю страны под тот или иной политический заказ вызывает все большую озабоченность общественности. Фактически идет борьба за историческое сознание молодых россиян, становящееся все более неустойчивым и уязвимым в условиях кризиса культуры. Проблема адекватной интер-

претации нашей политической истории сегодня является предметом не только общественного, но и государственного рассмотрения.

Соблазн свободного обращения с историей в целях обоснования чьей-либо политической позиции, придания ей дополнительной привлекательности с помощью исторического материала имеет место в самых различных программах ведущих телеканалов как научно-академической, так и развлекательной направленности, не говоря уже о пропагандистских передачах в рамках избирательных кампаний. Ссылка на исторический авторитет — весомое средство повысить репутацию отдельного деятеля или организации, создать определенный ореол, якобы проверенный временем.

Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» впервые поставил крайне важную проблему ценностных оснований исторического сознания, характера исторической памяти человечества и роли ученого историка в ее формировании. Он критически отзывался о состоянии европейского исторического образования в XIX в., его значении для культуры и особенно политической жизни общества. Ницше считал, что обращение человека, не обладающего достаточно высоким уровнем интеллектуального развития, к историческому прошлому своего народа скорее наносит ущерб его нравственному сознанию, чем приносит пользу, «и даже в высшей степени опасно» [2, 202]. Он с горечью писал об отсутствии объективного подхода к анализу прошлого, а ведь текущая жизнь всегда нуждается в показательно-оправдательных услугах истории. Ницше различал монументальный, антикварный и критический род истории, он в самой радикальной форме поставил вопрос о прагматическом назначении истории как науки, ее связи с властными отношениями и политическими интересами.

Немецкий гуманист А. Швейцер также отмечал опасность злоупотребления историей в условиях кризиса культуры, когда какую-то теорию или субъективную позицию пытаются подкрепить историческими аргументами. Он писал: «Идеи и убеждения, во власти которых мы находимся, не поддаются обоснованию разумом. И нам, следовательно, не остается ничего другого, как подводить под них “исторический” фундамент» [3, 255]. При отсутствии четких критериев ценности объективное отношение к прошлому подменяется надуманным, что дезориентирует молодежь и создает поводы для всевозможных политических и псевдопатриотических спекуляций. Швейцер с горечью констатировал, что люди превратили историю в культ, который не позволяет великим духовным достижениям прошлого затронуть наш разум, но организует их использование для прагматических целей современных политиков: «Благоговение перед былыми событиями возводится в ре-

лигию» [3, 255]. В этом Швейцер усматривал корни национализма — одного из самых опасных соблазнов духа. В условиях кризиса культуры, когда обесцениваются все идеалы, национальная идея поднимается отдельными политиками до уровня полноценного культурного идеала, а в массовом сознании она порождает соблазн национального освобождения и самоутверждения.

Один из ведущих представителей исторической герменевтики, Э. Кассирер, подчеркивал значение идеального воссоздания, реконструкции историком событий прошлого в определенном смысловом контексте. Он считал, что критерии исторической истины опосредованы ценностными приоритетами текущей эпохи: «Историческое знание есть ответ на определенные вопросы... но сами вопросы порождены и продиктованы настоящим — нашими настоящими интеллектуальными интересами, равно как и современной нравственной жизнью и социальными потребностями» [4, 651].

Делаем важный вывод: «Новое понимание прошлого дает новую перспективу будущего, становится стимулом для новой интеллектуальной и социальной жизни» [4, 651]. В историческом сознании поэтому вся непрерывность человеческой культуры.

В системе управления российским народным и высшим образованием сталкиваются две противоположно направленные тенденции — ориентация на внедрение в учебный процесс инновационных форм и новых идей, соответствующих потребностям времени, и с другой стороны — стремление к унификации, стандартизации, подчинение учебного процесса строгому алгоритму. Преувеличенное стремление к формализации преподавания вытесняет его содержательную сторону. Преподавание гуманитарных курсов из духовной деятельности, искусства воспитания молодого человека как патриота и гражданина на основе исторического опыта своего народа, превращается в технологический процесс подачи учебного материала, конечным продуктом которого должен стать стандартный специалист, обладающий некоторым набором профессиональных навыков. Если раньше целью советской и российской системы высшего образования провозглашалось формирование творческой личности специалиста, то сегодня она фактически ориентирована на некое полуфабрикатное изделие, параметры которого однозначно задаются через образовательные стандарты. Вместо неповторимой уникальной личности общество получает серийный продукт массового производства, по сути — товар, легко заменяемый по необходимости. Таким человеком легче управлять и можно легко манипулировать его сознанием. Такой человек вполне предсказуем. Он уже не творец, а лишь исполнитель чужих приказов: его хорошо рас-

считали и запрограммировали на конкретные виды деятельности в рамках навязчивого режима.

Важнейшими целями системы образования в современной России должны стать создание и накопление интеллектуальных ценностей, поддержание и распространение традиций национальной культуры, приобщение молодежи к реальной отечественной историей с осознанием места и роли нынешнего молодого поколения в жизни страны.

Формирование интеллектуальной культуры молодежи приобрело сегодня политическое значение. Поэтому крайне важно использовать все возможности учебного процесса и внеучебной работы, различные информационные поводы для реализации стратегии гражданского и патриотического воспитания молодежи. Особую ценность в связи с этим имеют целенаправленные инновационные проекты, посвященные воинской, трудовой и творческой славе России.

Большой общественный резонанс вызвал совместный проект Центра общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова и Тульского филиала Российского государственного торгово-экономического университета с прекрасным названием «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», подготовленный и реализованный под руководством российских ученых-обществоведов Ю.М. Осипова и Л.М. Ростовцевой при поддержке правительства Тульской области. Его итогом явилась книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...». Уникальность замысла соединилась с энтузиазмом организаторов, их талантом и творческой энергией, получила интеллектуальную поддержку многих ученых, политиков, представителей самых разных профессий и возрастов, оказалась в конечном итоге именно той формой выражения народного духа, которая соединяет разные поколения россиян в единую нацию, становится основой традиции национальной культуры.

Военно-патриотическому воспитанию в советский период неизменно уделялось пристальное внимание в Тульской области в связи с особым статусом региона — высоким развитием оборонной промышленности, передовыми научно-техническими разработками, славным боевым прошлым туляков — жителей города-героя Великой Отечественной войны.

Проект осуществлялся в два этапа, первый из которых под названием «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» был посвящен 65-летию Великой Победы, по его итогам была издана фундаментальная работа «Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений». Невозможно переоценить огромное политическое, этическое, и историко-краеведческое значение проекта, но прежде всего бесценным стал полученный участниками духовный опыт, размышления

представителей разных поколений об исторической судьбе своей Родины, своих родных и близких, своих предков. Явилась живая история, преломленная сквозь призму массового сознания, преобразующая людей, бесценная для будущего.

Второй этап проекта был посвящен 70-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и героической обороны Тулы. В международном конкурсе эссе, посвященном этой знаменательной дате, объявленном правительством Тульской области, Центром общественных наук при МГУ и Тульским филиалом РГТЭУ приняли участие 487 человек из 46 городов и населенных пунктов 6 стран. В книгу «Мы помним... 1941», состоящую из двух частей, вошли 165 работ.

Материалы книги поистине уникальны — разные грани исторической правды по-новому отражают отечественную истину — как обобщенный смысл жизни народа в переломную эпоху его истории. Для формирования исторического сознания молодых россиян одинаково важны как концептуальные схемы ученых-историков, архивные документы, так и яркие детали и отдельные факты, переданные через свидетельства очевидцев, запечатленные в семейных преданиях. Книга получилась действительно народной, она объединила оценки и мнения представителей самых разных слоев общества — профессионалов-обществоведов, специалистов-историков, неспециалистов и простых людей, а также, что особенно важно, студентов и школьников.

Происходящий в последние два десятилетия пересмотр приоритетных ценностей российского общества ведет к разрушению отечественных традиций нашей интеллектуальной культуры, утрате специфического отношения к миру русского человека, размыванию границ сакрального в массовом сознании. В результате подрывается авторитет Бога, государства, церкви, родителей, учителей, истории — для человека не остается ничего святого, и он никому и ничему не доверяет, даже самому себе, бытуя в самоизоляции, раздражении и нелюбви.

Закономерный результат реформы национального образования — отсутствие навыков критического отбора фактов и текстов. Если готовые стереотипные оценки навязываются через тестирование без предварительных поисков адекватной формы или собственного авторского решения, не требуют творческой работы ума, то отрицательные последствия этого неотвратимы — молодые россияне теряют способность самостоятельно мыслить. Разрушение классики — основы интеллектуальной традиции — выводит человека толпы за пределы разумного понимания мира и вызывает неадекватное социальное поведение. Недостаток философской культуры в российском образовательном слое — следствие снижения значения философии в системе высшего образования. В результате в обществе нарастает нравственная и

политическая ложь, используемая ради корпоративных и любых эгоистических интересов.

Великая опасность подстерегает человека, попадающего в тенеты любого фанатизма. Призрак тоталитаризма бродит по страницам учебников истории России, над страной маячит тень Великого инквизитора, которую время от времени сторонники оппозиции используют в своих интересах, пугая россиян призраками прошлого. В глобальном обществе поглощение личности организацией достигло больших масштабов. Насаждаемая сверху корпоративная культура успешно развивается. Молодой человек стремится попасть на службу «в фирму». Корпорация в массовом сознании уподобляется Ноеву ковчегу, кажется престижной и надежной. Стереотипы мышления и поведения достаточно быстро усваиваются членами корпоративных команд, а «фирменная» представляется спасательным кругом в опасном море межличудской конкуренции. Подмена общечеловеческих ценностей корпоративной моралью создает реальную угрозу для российского общества и отрицательно влияет на историческое сознание народа.

В основе любой формы свободного выбора человека — нравственного, политического, экономического, всегда лежит свобода мышления. Именно уровень интеллектуального развития субъекта обеспечивает надежность прогнозирования им возможных последствий своего выбора. Свобода как ценность всегда привлекательна для человека — и если субъект не способен осознавать целесообразность организации социума и своего места в нем, то для него свобода становится лукавым соблазном, выводящим человека за рамки правового поля, превращая его в разрушителя культурных норм и традиций.

Задача образования и всей культуры работы — не допустить моральной и интеллектуальной деградации человека вообще и современного россиянина в частности, чему и служат гражданские инициативы, подобные отмеченному выше проекту «Мы помним...».

Да будет!

Литература

1. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994.
2. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
3. *Швейцер А.* Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993.
4. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.

А.В. НИКОНОВ
«Мы помним...»*

Аннотация. В статье говорится о книге «Мы помним... 1941», своеобразной летописи героических дней Великой войны, в которой собраны воспоминания и размышления и фронтовиков, и труженников тыла, и их детей и внуков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, герои, история Отечества.

Abstract. The article concerns a book «We remember...» that is a peculiar chronicle of heroic days of World War II in which memoirs and reflections of veterans, rear toilers, their children and grandsons are collected.

Keywords: World War II, heroes, history.

Под таким коротким и емким названием к 70-летию разгрома немецко-фашистских войск на подступах к Москве вышла в свет замечательная книга — двухтомник, подготовленная под эгидой правительства Тульской области Центром общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Тульским филиалом Российского государственного торгово-экономического.

В книге собраны воспоминания и размышления о Великой Отечественной войне, мужестве и героизме советских людей, представителей четырех поколений: фронтовиков и труженников тыла, детей войны, ныне ставших уже дедушками и бабушками, а также их детей, внуков и правнуков.

Эта книга — летопись о героических и трагических страницах истории Отечества, связанных с битвой под Москвой, в ходе которой был развеян миф о непобедимости гитлеровской армии. Тогда эта была первая и очень важная победа Советских вооруженных сил, всего советского народа. Ее успеху способствовали: Смоленское сражение на дальних подступах к столице нашей Родины Москве, героическая оборона Тулы, всенародное движение партизан на Брянщине, кровопролитные битвы у Ржева, Ельни, Вязьмы, Наро-Фоминска, Волоколамска, Дмитрова, Твери, где советские воины проявили при активной поддержке населения мужество и массовый героизм. И поэтому зако-

* Отклик на кн.: Мы помним...1941. Книга воспоминаний и размышлений поколений: В 2 ч. / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и Ко, 2012. — 476 с.

номерно, что эти города по праву удостоены почетных званий «Город-герой» и «Город воинской славы».

Книга «Мы помним...» — дань памяти ныне живущих поколений великому подвигу предшествовавших поколений!

В книге 165 эссе, написанных людьми разных возрастов, профессий и судеб: участниками войны, ветеранами труда, писателями, артистами, простыми тружениками. Главное, что все авторы пишут о войне так, как будто все они были ее участниками и свидетелями, ибо память о войне в их сердцах и умах независимо от возраста и реального участия в самой этой войне.

Сегодня, в погоне за сенсациями, некоторые «правдолюбыв» и средства массовой информации выпячивают мрачные страницы войны, локальные поражения Красной Армии, ошибки и просчеты И.В. Сталина и военного руководства, не останавливаясь перед искажением фактов, события и нарочитым смещением акцентов. Все это привело к тому, что многие российские люди средних и младших возрастов проявляют незнание отечественной истории, особенно периода Великой Отечественной войны.

Авторы-составители книги «Мы помним...» смогли подобрать такой удивительной силы героико-патриотический материал, который не только восполняет возникшие у многих соотечественников пробелы в знании истории страны, но и явно возбуждает любовь к Родине и ее героическому прошлому.

Особенно интересны и волнующи воспоминания детей войны. *«Дети и война — нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете»*, — сказал когда-то великий советский поэт Александр Твардовский. Такое сближение случилось, и советские дети стойко и самоотверженно перенесли все тяготы и лишения самой тяжелой и кровопролитной войны в истории человечества. Каждый из них совершил пусть маленький, но свой подвиг, преодолев все невзгоды военного времени.

К сожалению, этого не понимают многие из нынешних законодателей. Продвижение в Думе законопроекта, предусматривающего отнесение поколения детей войны (1928 — 1945 гг. рождения) к участникам Великой Отечественной войны, затягивается «единоросским» большинством. А ведь депутаты должны были бы знать, что многие из детей войны не имеют никаких льгот и вынуждены жить на полунцищенскую пенсию. Прочитали бы книгу «Мы помним...», может, и стали бы сердобольнее.

Искреннее восхищение вызывает «Великая Отечественная война в ценностном мире современной молодежи», в котором школьники и студенты делятся своими размышлениями о войне, рассказывают об

участии в ней своих родных и близких. Самому маленькому из юных авторов всего девять лет. Это Никита Панков. В своем повествовании он с гордостью говорит о прадеде Семене Колесове. Завершает свой рассказ Никита такими словами: «Когда я вырасту, я тоже обязательно буду рассказывать своим детям о том, каким был мой прадедущка, герой войны, фронтовик». Нет сомнения, что и другие юные участники «народной книги памяти» присоединятся к этому мнению маленького российского патриота.

Помимо воспоминаний и размышлений в книге фигурируют и реальные документы: дневниковые записи, письма, фотографии фронтовиков из семейных архивов, обладающие научной и познавательной ценностью.

Хотелось бы надеяться, что данный патриотический проект будет продолжен. Подобные книги очень нужны сейчас, когда еще идут споры об итогах и уроках Великой Отечественной войны, о цене Победы, и когда еще живы те, кто может рассказать нам истинную правду о войне.

Жаль, что книга «Мы помним...» вышла маленьким тиражом. Всего 300 экземпляров. Таких бы книг побольше. Где наше родное правительство?

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

5—7 декабря 2012 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная конференция «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию». На конференции выступили 64 докладчика — доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.Л. Альпидовская, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), Т.А. Андреева (Донецк, Украина), А.Ю. Архипов (Ростов н/Д), С.В. Бирюков (Кемерово), В.Г. Бодров (Киев, Украина), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, В.А. Гордеев (Ярославль), Р.С. Гринберг, М.М. Гузев (Волжский), В.И. Корняков (Ярославль), Е.О. Миргородская (Ростов н/Д), С.С. Мишуrow (Иваново), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, А.З. Новак (Варшава, Польша), А.А. Олейников, С.П. Рамазанов (Волгоград), Л.И. Ростовцева (Тула), В.Т. Рязанов (СПб.), С.В. Синяков (Киев, Украина), С.С. Слепаков (Пятигорск), Д.Е. Сорокин, Н.И. Усик (СПб.), А.С. Филипенко (Киев, Украина), И.Ю. Фомичев (Тюмень), В.В. Чекмарев (Кострома), Т.В. Чечелева, И.Г. Шевченко, В.Н. Шляпин, Н.Б. Шулевский, М.Р. Элоян (Азов), Т.Н. Юдина; кандидаты наук О.В. Андреева (Ростов н/Д), К.С. Бакулев, Т.Б. Бердникова, В.И. Гуров, О.В. Доброчеев, Г.Ю. Дубянская, В.В. Кашицын (Новороссийск), Е.Н. Кукина (Волгоград), В.В. Липов (Харьков, Украина), А.В. Мочалов, М.Ю. Павлов, В.К. Петров, М.А. Румянцев (СПб.), В.А. Супрун, В.А. Ушанков (СПб.), Г.В. Фадейчева (Владимир), И.В. Фомичева (Тула), Е.В. Шелкопляс (Иваново), Т.Ю. Яковец; политические обозреватели М.В. Леонтьев, С.А. Марков, М.Л. Хазин; соискатель И.И. Рудяк, научный сотрудник И.В. Матюш (Минск, Белоруссия); ассистенты О.И. Гузенко (Ростов н/Д), В.Ю. Ланцева (Новороссийск); координатор проектов «Диалог цивилизаций» С.П. Шевчуков; старший преподаватель Г.П. Киселев.

Публикуем изложение некоторых выступлений на пленарном заседании конференции, подготовленные на основе стенограммы магистрантами экономического факультета МГУ О. Барашковой, А. Белугиным, О. Лемешонок, В. Лысенко, Е. Яковлевой, общая редакция — О. Лемешонок.

Р.С. ГРИНБЕРГ

Как сделать отечественные реформы полезными

Аннотация. Рассматриваются проблемы реформирования России на современном этапе.

Ключевые слова: реформы, Россия, развитие.

Abstract. The text concerns problems of Russia's reforming at the present stage.

Keywords: reforms, Russia, development.

Прежде, чем рассуждать о полезности реформ, отмечу, что к реформам у нас в стране относятся негативно — даже к самому слову «реформы». Реформы идут уже на протяжении 25-ти лет. Если не считать «политику ускорения», которую предложили некоторые ученые в РАН, еще тогда АН СССР, то 1987 г. ознаменовался первым законом о государстве, затем о кооперативах, о предпринимательской деятельности и т. д. И сегодня продолжается линия на реформы: такое впечатление, что любое наше правительство и любой президент больше всего заинтересованы в реформах — люди же за последние 20 лет уже привыкли к их декларативным сообщениям и ассоциируют их в основном с утратами, потерями. Реформы же, по идее, должны вести к улучшениям, в нашей же стране они часто ведут к ухудшению ситуации.

Сегодня существует серьезная установка верховной власти на то, чтобы провести реформы дальше и сделать упор на коммерциализации некоторых сфер, в которых, по определению, государственная активность должна быть мощной (речь идет об образовании, науке, культуре и здравоохранении). И сегодня мы наблюдаем противостояние, с одной стороны, объектов реформ, с другой стороны — инициаторов реформ. Понятно, что установка на коммерциализацию этих четырех сфер жизни, которые, собственно говоря, обеспечивают здоровое функционирование общества, контрпродуктивна по идее. Но она с упорством реализуется. Мне представляется, что общество возмущается по этому поводу, но нет реакции, более или менее консолидированной, на так называемые реформы. И это, конечно, облегчает их проведение. В моем представлении, у нас уже довольно зрелое научное общество и экспертное сообщество, которые не считают, что надо дать свободу рыночной стихии именно в этих сферах. Тем не менее следует признать, что на данный момент не существует солидарности по этим вопросам. Мы по-прежнему хотим участвовать в переговорах и добиваться для себя некоторых преимуществ, и это часто оборачивается

временными успехами. В действительности же данную ситуацию следует оценивать отрицательно.

Я думаю, что можно добиться альтернативного развития событий, принять альтернативный подход в экономической политике. Однако у нас в стране сложилась такая ситуация, которую я бы охарактеризовал словами Фридриха II. Монарх Пруссии был «настолько» просвещенный, что предоставлял каждому подданному полную свободу слова. У него спросили: «А почему ты разрешаешь всем все говорить?». На что он ответил: «У меня консенсус с прусским народом. Они говорят и пишут, что хотят, а я делаю, что хочу». Я не берусь утверждать, что это напоминает нашу ситуацию, но определенные аналогии проводить здесь обоснованно.

Также мне хотелось обозначить несколько положений, связанных с развитием сегодняшней мировой ситуации в экономике. Мы живем и действуем в период после самой глубокой рецессии в этом веке, второй после Великой депрессии 1929—1933-х гг., и выход из нее очень болезненный. Многие ожидают второй волны, я не вижу никаких оснований для нее, но, по крайней мере, депрессия и вялое развитие экономики сохранятся, темпы роста будут колебаться вокруг нуля в течение длительного периода времени. Но это в любом случае указывает на то, что впоследствии должно произойти некоторое улучшение ситуации.

Существуют различные теории по объяснению того, почему сейчас нулевая экономическая активность. Казалось бы, все известные меры задействованы, и самая, на мой взгляд, эффективная (хотя тоже не совсем верная) — «печатание денег», чем и занимаются в настоящее время американцы. Я полностью разделяю такой подход, и, кстати говоря, уже получены конкретные результаты, однако все еще остается большой загадкой, почему мощный рост покупательной способности абстрактно не ведет ни к инфляции, ни к увеличению хозяйственной активности. Ведь если мы обратимся к экономической истории, то увидим, что этого не происходило. По всей видимости, финансовый сектор существует по собственным, не изученным нами, законам. Выделенные средства не попадают сразу в реальный сектор, поскольку проходят через многочисленные финансовые институты, а они, в свою очередь, вышли из-под контроля, вероятно, после отмены закона Гласса—Стигала в 1993 г. И, похоже, не существует патентованных рецептов, каким образом финансовый сектор превратить в служанку реального, а не наоборот (как происходит в последние 25—30 лет). И в моем представлении финансовая олигархия не существует сама по себе; я не люблю разные теории заговоров, но есть в ней что-то неопределенное. Она мировая, она сплоченная, и самое главное — личные эгоистиче-

ские интересы совпадают с общественными, что было заявлено в конце 1970-х гг. Эта установка на совпадение интересов очень значима. Кейнсианцам не составляло труда «уходить» от власти (как и коммунистам, впрочем), потому что их личные интересы практически не затрагивались (если не принимать во внимание различные специальные секции ГУМа и «олигархические» пакеты с питанием...).

Сегодняшний же «уход» носителей праволиберальной демократии очень сложный. Тем более среди них есть и представители СМИ. И находится мало людей, которые были бы способны противостоять этому. Я надеюсь, что если победят социал-демократы в Германии (а это далеко не бесспорно, они сильно разобщены), то сформируется континентальная модель ограничения финансовых спекулятивных операций. И у нее много шансов взять под контроль финансовый сектор, хотя она и не сможет обеспечить упомянутые ограничения по всем странам сразу. Даже если одна страна будет выступать против, а тем более такая, как Великобритания, то понятно, что любые ограничительные меры по краткосрочным спекулятивным финансовым операциям будут абсолютно бесполезны. И это очень важная проблема, и неизвестно, как ее решать.

Например, 15—20% богатства Великобритании составляют средства от финансовых операций, как, впрочем, и юридических услуг. Трудно от них отказываться, но в интересах экономического развития (а не роста) это сделать необходимо. Также можно отметить проблему с бюрократией, которая «приватизирует» общественные функции и уходит от демократического контроля. Если говорить об общем «дефиците» демократии в России в отсутствие сильной оппозиции, то принятие решений у нас более диктаторское, чем, например, было при Политбюро, потому что тогда представители власти между собой так или иначе соперничали, и это был залог того, что они демократически обсуждали решения (имеется в виду время после смерти Сталина).

Также и в Европе, как мне представляется, сейчас глубокий кризис демократического механизма принятия решений. В этой связи различные решения уже не являются продуктом демократического обсуждения, и, естественно, их качество снижается.

Таким образом, существует большое количество разных проблем, не считая общего мировоззренческого тупика — неясность курса, на который следует ориентироваться. Единственная более или менее очевидная вещь, как я думаю, — G20, которая хотя бы решает, что не надо делать. К этому надо серьезно относиться, потому что если в 1930-е гг. — в период гонки девальвации, взаимных протекционистских мер, бесконтрольной изоляции рынков — вышеописанной ситуации не наблюдалось, то сегодня все-таки не так. Потому что, во-

первых, капитализм стал социальным в том смысле, что на сегодняшний момент разрыв между сильными мира сего и средним классом, которого вообще не было практически, если не считать 15—20% (кстати, как у нас сейчас), сокращается. Кроме того, надо понимать, что все-таки печатание денег свои плоды приносит. Я имею в виду, нет быстро растущей безработицы (она на уровне 10%, что относительно терпимо), тем более что существуют мощные пособия. Хочу напомнить, что Адольф Гитлер пришел к власти демократическим путем при уровне безработицы в 48,5% без пособий, и ситуация тогда более или менее контролировалась — «если ты нам даешь работу, то мы верим тебе в любом деле». Сегодня, как мне представляется, власти не настаивают на жестком протекционизме. Все понимают, что если каждый будет действовать по принципу «продать или умереть», то торговля остановится, как это было в 1930-е гг.

В связи с этим ведется серьезная дискуссия по поводу членства России в ВТО. Мы проводили переговоры уже как члены этой организации и пришли к выводу, что не стоило в нее вступать. Несмотря на то, что будущее неопределенно, обесцениваются теоретические концепции, столь нужные в такие периоды, и даже практические подходы не представляются полностью ясными в свете сложившейся ситуации. По крайней мере, мы не можем точно прогнозировать результат их применения, и хотя ЕС и США делают все возможное в данной ситуации, часто используя метод проб и ошибок, не предпринимая радикальных и глупых действий.

Если опять вернуться к отечественной ситуации, в этой связи мы нуждаемся в более или менее радикальном повороте с точки зрения преодоления примитивной структуры экономики. На мой взгляд, эта сложившаяся в результате проведенной трансформации форма функционирования экономики — главная наша неудача, но власть не решается перейти к серьезным действиям, потому что, в моем представлении, до сих пор не убеждена в возможности «вырыва». По известному выражению, самая большая ошибка, которую мы можем сделать, — бояться совершить ошибку, если риск неизбежен.

Поэтому постоянные обсуждения на тему «подушки безопасности» и необходимости развивать благоприятную институциональную среду, конъюнктуру, чтобы пополнить наличные запасы и в «черный день» начать тратить их, представляются мне бесперспективными, поскольку даже если мы «эффективно» тратим деньги (что далеко не так), то по-прежнему остаемся зависимыми от цены на один товар. А это негативно отражается на статусе страны, достигшей в прошлые годы традиционно высокого научно-технического потенциала. Мне представляется, что Владимир Путин это хорошо понимает и планирует преодолеть

«примитивизацию» структуры экономики созданием хотя бы нескольких отечественных брендов (в электронике, например). Но одновременно он находится в плену некой доктрины, которая уже не актуальна, но имеет мощные последствия. В качестве пояснения весьма показательна такая аналогия: «Ленин умер, но дело его живет». И рыночный фундаментализм умер, но существует в качестве шаблона мышления представителей власти, и наша склонность к онтологизации теоретических схем здесь особенно просматривается (переходы из крайности в крайность). Нам не повезло начать трансформацию именно в тот момент, когда из моды вышла взаимодополняемость государственной активности и рыночной инициативы, а лозунги «Да здравствует рынок!», «Да здравствует право на неравенство!» приобрели популярность и сыграли отрицательную роль в том смысле, что именно Россия тщательнейшим образом усвоила эти концепции.

И надо отметить, что сегодня этот процесс «примитивизации» экономики продолжается, «придворные» экономисты находятся в плену теорий. Всегда существует проблема пропорций эгоизма и «обожествления» западного. У каждого человека эта пропорция разная, но факт остается фактом: преодолеть эту ситуацию сложно. И только ясная альтернативная концепция может дать стимул к изменениям.

Я хочу вас пригласить к участию: мы задумываем (и обязательно реализуем) достаточно авантюристическую идею. В каждой «деревне», как вы знаете, существует традиция проводить форумы: петербургский, давосский, байкальский и др. А в Москве никаких форумов не проводится. И вот мы выдвинем и будем обсуждать экономическую стратегию, заключающуюся в приоритетной поддержке реального сектора, бесплатного образования, науки, культуры. Мы хотим реализовать это на международном уровне с привлечением ведущих специалистов и аналитиков из разных стран, в том числе единомышленников. Я имею в виду Пола Кругмана, интеллектуалов из Германии, Дании, и вообще людей, которые понимают, что взаимодополняемость рынка и мощной государственной активности не имеет альтернативы. Это мероприятие будет проводиться 20—21 марта в Москве, в МГУ имени М.В. Ломоносова; я очень благодарен Виктору Анатольевичу Садовничему за то, что он дал на это согласие. Разумеется, будут приглашены нынешние руководители страны — президент, премьер-министр. И я призываю всех участвовать в этом мероприятии.

М.В. ЛЕОНТЬЕВ

Алгоритм новой индустриализации

Аннотация. Рассматриваются проекты и критерии отбора стратегий развития современной России.

Ключевые слова: Россия, стратегии, проекты, развитие.

Abstract. The text concerns projects and selection criteria of modern Russia's development strategy.

Keywords: Russia, strategies, projects, development.

Часто можно слышать разговоры про суверенитет, но при ближайшем рассмотрении выясняется, что структура нашей экономики суверенитета не гарантирует. Более того, она способствует тому, чтобы мы его лишились. Наша экономика в большой степени зависит от конъюнктуры внешних рынков. К слову сказать, бывший министр финансов А. Кудрин предлагал американцам с помощью наших резервов преодолеть их кризис. Но дело в том, что американская финансовая система может буквально «нарисовать» эти резервы в течение секунды, поскольку почти все операции в развитых странах проводятся через систему электронных денег и счетов.

Идея постиндустриального развития, заключающаяся в том, что индустрия — вчерашний день и нет необходимости в ее развитии, потерпела поражение и нигде не была востребована. Сейчас Б. Обама уже открыто объявил, что взял курс на реиндустриализацию страны. К этому существуют достаточно серьезные экономические предпосылки. Например, теория индустриальных общин, находящаяся на передовых рубежах экономической мысли в настоящий момент, считается практически официальной в США. Согласно ей, если производство и капиталы уходят в другую страну, за ними двигаются инженерные кадры, менеджерская инфраструктура, наука и остается неэффективная экономика. Индустрия существует и функционирует в рамках таких полноценных общин.

Другой аспект, заслуживающий внимания, заключается в том, что не эффективно с точки зрения развития индустрии в одном месте развивать экономику знаний, в другом — производить материальные ресурсы. Иначе говоря, существуют по крайней мере два акцента в современной экономике, являющихся теми механизмами, инструментами, с помощью которых может быть найден выход из системного кризиса и осуществлен переход к другой системе.

Кстати, надо понимать, что такая система будет во многом другой не только с точки зрения структуры, но также с точки зрения научно-технического прогресса, уровня социального развития, качества.

Современное социальное устройство стран мира в том виде, в котором оно существует (либеральная демократия), недолговечно, потому что процессы организации войны и построения мира совершенно не соответствуют действующей системе. Трудно представить себе, чтобы организация армии не влияла на социальную структуру. Задумайтесь вопросом: а когда вообще появились предпосылки к появлению и развитию демократии? Когда возникла необходимость в формировании больших армий, в наборе вооруженных людей, причем признак массовости применим здесь не к рекрутам, а именно к всеобщей воинской обязанности? Сейчас мы видим, что будущая армия — армия профессионалов. Аналогично тяжеловооруженный рыцарь был профессиональным воином для своего времени; это была единственная конкурентоспособная форма военной организации, этот рыцарь являлся единой боевой системой сам по себе. Профессиональный солдат сегодня превращается в подобную систему, основанную на современных электронных и нанотехнологиях, оборудованную различными средствами поражения и т. д.

В этом плане мне всегда представлялось верным именно такое устройство общества, я сторонник «нормальной», отличной от отечественной, обязанности людей перед государством — всеобщей воинской обязанности с политической точки зрения. Однако технологически это система отсталая, которая постепенно разрушается. Общество в этом плане динамично изменяется.

Кроме всего прочего, всеобщая демократия построена на так называемом равенстве прав, на концепции непрерывного повышения благосостояния. Это не отменяет возможности циклических кризисов, но в целом должен наличествовать тренд на повышение благосостояния. Покупается лояльность. Что вообще представляет собой любая политическая система? — воспроизводство власти действующей элиты. При невозпроизводстве мы говорим о революции. Все остальное (диктатура, монархия, демократия и т. д.) уже детали. Главное здесь то, каким наиболее оптимальным способом элита способна воспроизводить и укреплять свою власть. Обратная же ситуация называется революцией, в процессе которой происходит смена элит, а не просто замена старых элит новыми (как в случае с «оранжевой» революцией).

Отметим два обстоятельства.

Первое — сланцевая революция. Последнее время эта тема особенно активно обсуждается, начиная с господина Миллера, который сообщил президенту, что сланцы в США закончатся через 11 лет, и поэтому ими не следует заниматься. Но он не проводит различий между дебетом одной скважины с запасами углеводородов в целом. Сланцы — это *нефте-газо-материнская порода*, которой в земельных недрах

на порядки больше, чем традиционных углеводородов. Добывать из нее углеводороды умели еще 150 лет назад, но экономически это было абсолютно невыгодно. Затем разработали горизонтальное бурение, появился многоступенчатый гидр-разрыв. Себестоимость добычи сланцевой нефти в Техасе в 2016 г. будет колебаться в пределах 5—8 дол./бар. Причем, когда вычисляется окупаемость, американские эксперты включают сюда также затраты многих лет, в том числе сделанные огромным количеством мелких венчурных компаний, которые предпринимали попытки исследования сланцев и разрабатывали наиболее эффективные методы их добычи. А затраты на новую скважину таковы, что цены на газ — 80 дол./1000 м³, т. е. меньше, чем субсидированные цены в России для индивидуальных потребителей. Кроме того, они высокорентабельны. Всем известно, что США полностью прекращают импортировать газ и начинают его экспорт, здесь лишь вопрос перестроения терминалов с разжижения на сжижение. Газ из Катара полностью экспортируется в Европу. Почему «Штокман» «умер»? Потому что он долгое время работал на американском рынке, а теперь американского рынка газа нет, и больше не будет.

Вопрос освоения этих технологий другими странами — неоднозначный и сложный. В Европе нарастает экологическое безумие. Но это в большой степени вопрос геологии. В Пенсильвании 200 м верхнего слоя земли составляют газоносные слои и низкогрунтовые воды. И все это в процессе круговорота попадает в воду, но никто и не собирает их добывать. А вот в Коннектикуте, в Техасе этих слоев — 3—4 км. О каких грунтовых водах здесь может идти речь? — в США вообще не имеется никаких экологических рисков. Строится скважина, представляющая собой трубу и насос, а вокруг тянутся поля, пасутся дикие животные, процветает техасское сельское хозяйство. Другими словами, это революция в области базовых энергоносителей, которые остаются с химической точки зрения теми же — нефть и газ, но их «экономика» существенно меняется. Из продуктов, естественным образом ограниченных, дефицитных и дорогих, они превращаются в товары принципиально неограниченные, недефицитные и недорогие, подобно песку или щебню. Это тоже необходимые в строительстве элементы, но мы никогда не слышали про геополитику щебня или песка, потому что они везде в избытке и дешевые. Я предполагаю, что китайцы освоют это быстро, они активно включились в этот процесс — уже покупают доли в американских сланцевых компаниях («Чизпик», например). И не с целью там добывать и получать доход, а с целью осваивать технологии. Это вопрос трех-четырёх лет, когда рынок поймет, что имеет дело с товаром совершенно другого характера. Тогда цены рухнут уже навсегда. А вместе с ними, кстати, разрушится и гео-

политика нефти, на которой построен современный мир. И это перспективный шанс для США сбросить с себя огромную обузу, которая гораздо серьезнее, чем ноша Советского Союза в виде мировой социалистической системы.

Второе обстоятельство — роботизация, а именно промышленный ее тип. Часто можно слышать рассуждения на тему IT-революции, технологий. Но это нельзя называть технологиями в строгом смысле. Все их продукты — гаджеты и пр. — это баловство. А вот промышленная роботизация — действительно революция. Если раньше считалось, что робот может и должен делать то, что не под силу человеку, то сейчас, наоборот, человек будет делать только то, что не может делать робот. Ясно, что те цивилизации, которые эту роботизацию пройдут, будут в корне отличаться от остальных. В этом смысле китайцы становятся «ненужными». И это колоссальный социально-экономический вызов, такой же, с каким в свое время столкнулись луддиты. Кстати, это разрешает проблему цены рабочей силы, наличия рабочей силы и связанных с ее нехваткой демографических кризисов. По сути, роботов будут производить сами роботы. Понятно, что цивилизация, которая освоит эти технологии, будет представлять собой определенный класс людей, определенный уровень развития, и остальной мир станет ненужным. Конечно, это не близкая перспектива — мы говорим о более отдаленном времени, но оно в конце концов настанет. Мы видим, какими темпами развивается НТП, мы знаем трудности американских футурологов, которые описывали похожие на сегодняшнюю ситуации.

Перед нами стоит, и на этом построен мой оптимизм, не просто желание совершить рывок, не просто желание сохранить страну, а категорический императив выживания, причем в том числе и правящего режима. И поэтому я верю в его несуйцидальные наклонности и в то, что экономическое принуждение к новой индустриализации даст результат. На уровне риторики результат уже виден — с риторикой, как всегда, все в порядке. В области же политики пока мы не видим ничего особенного, кроме реализации государственной программы вооружения, но это отдельный вопрос. В остальном существует консенсус, даже с более или менее лояльными здравому смыслу и собственной стране либералами, по поводу того, что текущий образ жизни неприемлем. К примеру, я беру журнал «Эксперт», под заголовком стоит: «Без новой индустриализации страна погибнет». И говорится в нем о том, что складывается разрушительная ситуация: из экономики за три года было изъято 4 трлн р. в якобы надежные активы, под практически нулевыми процентами (ниже реальной инфляции). Эти активы давно уже никем не считаются, имеющиеся европейские и американские бумаги

не являются сверхнадежными. Спрашивается — с какой целью? На мой взгляд, это явный подрыв экономических основ страны. Центробанк поднимает ставку в тот момент, когда сам же фиксирует замедление экономики. Фактически это действия «пятой колонны». «А нам так удобнее», — говорит председатель Центробанка. Накачивается рынок потребительского кредитования, потребительский кредит может получить кто угодно на что угодно, при этом сокращается кредитование конкретных производственных предприятий. Вы просто открыто кредитуете, отказываясь кредитовать, потому что ставки запретительные и кредит взять невозможно. Промышленного кредита в России на приемлемых условиях не существует, только в случае участия заемщиков в специальных льготных программах. Соответственно и рынка кредита не существует.

Возникают вопросы: почему государство не может собственные деньги, которые оно «прячет» на счета, вложить в производство? В производство, например, препаратов для диабетиков, инсулина и др. Стоимость высокотехнологичного производства понятна. Окупаемость его учитывается по той причине, что в бюджет заложены деньги на закупку. Как возможно это оценивать и терпеть?

И теперь хотелось бы сказать о лояльных умеренных либералах, которые полагают, что бизнес должен решить, что надо создавать и формировать ли длинные инструменты. Данные меры, конечно, тоже полезны, в экономике необходимо задерживать деньги, должна проводиться стимулирующая налоговая политика, но у нас в течение многих лет налогами ведает человек, который не верит в стимулирующую роль налоговой политики...

Тем не менее для такой стихийной модернизации «снизу» с помощью государственной политики стимулирования, создания климата у нас нет времени, мы обречены на индустриализацию «сверху», т. е. силами и средствами государства. А это значит, что без участия бизнеса, способного рискнуть и вложиться в такие проекты, реализация которых ведет к решению стоящих перед нами задач. Даже западные компании в области индустрии, не говоря уже о наших, не возьмут на себя такой риск. Это остается делать государству. Существует много рассуждений на тему того, какие функции в рыночной экономике должно исполнять государство и какие задачи оно будет выполнять неэффективно. В действительности данный вопрос предельно ясен. Необходимо упорядочить процесс принятия решений государством. Оно обладает преимуществом, с помощью которого способно ставить и решать общественные задачи, т. е. выполнять общественный заказ, а также неконъюнктурные задачи. Государство способно выстраивать и реализовывать долгосрочные стратегии. Бизнес ориентирован на полу-

чение прибыли — в этом его преимущество и функция как хозяйствующего субъекта. Государство же разрабатывает и осуществляет стратегии и таким способом хозяйствует. Это даже не вопрос, на мой взгляд, формы собственности, поскольку помимо прочего существует конкурсное управление. Если по конкурсу приглашается управляющая компания мирового класса, ее деятельность от государственной практически ничем не отличается. Собственно, только таким способом государство и должно действовать. Оно не должно хозяйствовать на тех объектах, которые ему принадлежат на 100%, это фактически не его прерогатива; его дело — разрабатывать стратегии и контролировать их осуществление, планировать последовательное выполнение поставленных задач. Модернизации во все времена и во всех странах (Петр I, Сталин, Бисмарк, революция Мэйдзи) построены по одной модели — быстрая ликвидация отставания. Любым способом концентрируются средства, затем используются определенным образом, закупаются предприятия «под ключ», технологии, привлекаются профессиональные кадры, и задача состоит в том, чтобы в течение короткого времени сформировать около 40 корпораций мирового класса в разных критически важных для развития сферах.

Проекты развития и критерии отбора стратегий должны быть четко сформулированы. Пока в рабочем состоянии мы имеем только ВПК. В реальности эта программа в 23 трлн р., — колоссальный проект. Однако в нынешнем состоянии российский ВПК эту программу освоить не сможет. Но это не означает, что ее не надо реализовывать, что она не будет осуществлена. Это показывает, что данная программа подразумевает качественное обновление всего ВПК, восстановление утраченных фондов, наработку нового опыта. И здесь мы видим ту же самую проблему, когда финансирование переносится на конец года. Сначала вся программа относится на конец года, большая часть средств сдвинута на следующие периоды, затем бюджетное финансирование относится к концу, а предприятиям выдают кредиты. Иначе говоря — откровенный подрыв функционирования производства.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы указать примерную оценку средств, необходимых для проведения такой модернизации — 500 млрд дол. (для того чтобы провести рекапитализацию с учетом рефинансирования за счет отдачи). Необходимо, условно говоря, построить корпорацию, довести ее капитализацию до уровня, превышающего первоначальные затраты, и продать. И полученные средства вложить в дальнейшие шаги. Ничего другого придумать и сделать не представляется возможным. Значит, придется делать.

С.А. МАРКОВ

Большая идея и формирование социальности

Аннотация. Рассматриваются направления развития России, задачи, стоящие перед страной на современном этапе.

Ключевые слова: Россия, развитие, социум.

Abstract. The text concerns directions of Russia's development and tasks facing the country at the present stage.

Keywords: Russia, development, society.

Я хотел бы посвятить свое выступление некоторым идеям, касающимся того, в каком направлении может развиваться наша страна. Сейчас в мире идет поиск не только новых экономических инструментов регулирования, но и новой социально-экономической модели развития. И эта модель уже пробивает себе путь. И контуры будущего уже видны. Наша задача — понять, в чем их суть, в чем они состоят и чем определяются.

Итак, есть несколько составляющих развития.

Первое направление — постепенный переход от общества потребления к *обществу сопереживания*. Многие социологи отмечают, что события на Болотной площади характеризуются рождением нового класса — общества *сопереживальщиков*. Ему присущи несколько другая система ценностей, несколько иные потребности и запросы. Ясно видно, что новый класс ориентируется не столько на материальные ценности, сколько на какие-то элементы постматериальных инструментов, а они (эти инструменты) могут быть разными. Общество сопереживания может быть двух типов: традиционная концепция креативного человека и концепция современного шоу-бизнеса. Между ними — различные промежуточные варианты — работающие модели будут представлять собой некоторое совмещение вышеуказанных типов обществ, которые можно обозначить в координатах шоу-бизнеса и развития творческого потенциала.

Второе большое направление связано с развитием биотехнологий, медицины, нового образа жизни. Во многих исследованиях говорится о том, что на данный момент актуальна задача продления средней продолжительности жизни человека примерно до 100—110 лет. Утверждается, что современные технологии уже достаточно развиты и, если будет проведена большая работа и затрачены определенные ресурсы, можно достичь средней продолжительности жизни в 130—150 лет. В этом направлении развиваются биотехнологии (с темпом порядка 20—30% в год). С этим тесно связана современная медицина. И это не

только функционирование высокотехнологичных секторов — на наших глазах осуществляется определенное изменение образа жизни человека, а это самое главное. Мы видим, что дауншифтинг⁵² стал веянием времени, поэтому уже миллионы людей отказались от потогонной, по сути, системы и перешли к более здоровому образу жизни (во всех отношениях). Мы видим бум развития спорта «для-себя», когда в развитых странах, с высоким уровнем жизни, спортом занимаются практически 80% населения. Человечество уже достигло огромных успехов в борьбе за чистоту и качество окружающей среды. И хотя наша Москва еще задыхается в выхлопах, другие города (из ряда мегаполисов) имеют значительно более чистый воздух — как, например, Париж, Берлин, Амстердам и т. д. Кроме того, массово происходит переход на велосипедный трап и другие экологически чистые виды транспорта. Как мне представляется, эти изменения будут происходить в геометрической прогрессии. Я полагаю, что это можно рассматривать в аспекте наиболее перспективного направления развития экономики.

Итак, какие же задачи на данный момент стоят перед нами, россиянами?

В первую очередь, мы хотим не догонять, а перегонять. Россия — великая нация, великая страна, один из самых успешных в истории современных цивилизаций проектов. Мы сохраняем независимость более 400 лет, у нас самая большая территория, мы победили всех самых могущественных завоевателей Европы. Но сейчас несколько отстали, поэтому совершенно логично сделать ставку на те секторы экономики, которые наиболее активны и эффективны. И прежде всего мы должны развивать и поддерживать медицину и биотехнологии, а также пропагандировать здоровый образ жизни как важнейшую составляющую, определяющую здоровье человека. Всемирная организация здравоохранения сообщает, что 80% здоровья зависит, прежде всего, от образа жизни человека. Соответственно, как мне представляется, это и должно стать нашей главной экономической отраслью, в которой мы должны обогнать весь остальной мир.

Другая задача состоит в следующем. Русский народ — «мессианский», и когда нашим людям говорят, что надо просто зарабатывать, им это делать скучно. Русский человек хочет, чтобы в его деятельность был вложен «большой» (возвышенный) смысл. В качестве примера можно привести следующую аналогию. Людей разных национально-

⁵² Дословно — «стремление вниз». Течение дауншифтинга включает людей, которые сознательно отказываются от карьерного роста и связанного с ним перенапряжения.

стей спрашивают: «Что вы здесь делаете?». Один человек говорит: «Я таскаю кирпичи». Второй отвечает: «Я зарабатываю деньги». Третий же говорит: «Я строю дом». А также, в процессе своей деятельности мы еще и общаемся — и это важно. Очевидно, что российские люди не хотят просто зарабатывать и таскать кирпичи — они хотят строить большой дом, им нужна большая мессианская идея. Как мне представляется, в качестве таковой логично выдвинуть следующую: сделать Россию самой здоровой страной с самой длинной продолжительностью жизни среднего человека.

Сейчас это кажется невозможным. Мы имеем колоссальный уровень хронических болезней, плохое состояние экологической среды, высокие уровни наркомании, водочного и пивного алкоголизма в среднем и молодежном возрастах, бурно развивающиеся формы девиантного поведения. Однако в восточных культурах существует такой принцип: энергию врага следует постараться использовать для победы. Эта энергия нашего врага также должна быть использована для победы. Как представляются российскому человеку маленькие задачи? Они его не вдохновляют. И только действительно «большая» идея может вызвать ту энергетику народного духа, которая всегда помогала России достигать такие цели и выполнять такие задачи, которые казались недостижимыми и неразрешимыми. Тем более что именно курс на увеличение средней продолжительности жизни соответствует глобальному тренду. Именно достижение такой задачи совпадает с интересами каждого человека, а также объединяет различные общественно-политические движения и течения. Вряд ли найдутся такие политические партии, которые будут против того, чтобы средняя продолжительность жизни была более 90 лет. Таким образом, нужно вырваться, обогнать на вираже, достичь максимального развития.

Важно поставить именно большую цель перед народом. Кроме того, необходимо разработать способы достижения этой цели. Как мне представляется, кроме массового внедрения биотехнологий и повышения доступности медицины, надо совершить решающий прорыв, вложив нашу энергию в борьбу за новый образ жизни.

Современная наука создала много различных продвинутых форм управления человеческим поведением. Некоторые называют их гуманитарными технологиями, политическими технологиями и т. д. Но современный человек действительно в большой степени управляем. Он просто не замечает этого. Например, в Соединенных Штатах Америки был период, когда все люди курили, теперь же в массовом порядке бросают курить. Или возьмем напитки кока-колу и пепси-колу, в которых растворяются гвозди, нормальный человек по собственной воле пить их не может и не должен. В действительности же, он делает

это под влиянием мощных инструментов. Я полагаю, все известно про нейро-лингвистическое программирование, про продвинутые формы маркетинга, рекламы и прочие инструменты. Все это активно используется с целью продажи товаров и для того, чтобы люди сделали тот или иной выбор в процессе покупки. Но мне представляется, что эти новейшие технологии должны быть поставлены на достижение нашей «большой» цели.

Как известно, одна из важнейших проблем нашего современного общества заключается в том, что оно глубоко десоциализированное, глубоко атомизированное. Наши социальные институты практически полностью разрушены. Сначала традиционные социальные институты кардинально перестраивала коммунистическая система, затем уже сформировавшиеся в советское время коммунистические институты были разрушены радикальными формами рыночного фундаментализма, который нанес сильнейший удар по нашей стране. Результаты управления команды так называемых реформаторов перестройки сравнимы с результатами сталинских реформ. Во всяком случае, по убыли населения они превышают репрессии сталинского времени, хотя и касаются разных его (населения) групп. Сталинские репрессии затронули средние возрасты, удар гайдаровских реформ пришелся на старшее поколение, которое раньше времени было вынуждено уйти из жизни из-за недополучения пенсий и слабого медицинского обслуживания, а также на молодежь из-за нерожденных детей.

Атомизированность российского социума предоставляет много возможностей и для применения гуманитарных технологий и сознательного формирования новой социальности. Мне представляется, что должна быть поставлена задача формирования, особенно из людей молодого поколения, человека, который не пьет, не курит, не употребляет наркотики, систематически занимается спортом, который в соответствии со своими нормами (приемлемыми и для общества) живет естественным человеческим бытием и стремится заниматься творческим трудом. На данный момент это кажется утопическим и невозможным, но еще раз вспомним о нашем историческом опыте, когда наш народ решал любые исторические задачи.

Современные технологии уже существуют и распространены. У власти находится эффективная и деятельная команда, которая ищет, чем «занять» народ, а народ ищет ту самую большую задачу. Все глобальные тренды ведут к тому, что сейчас важно создать широкую общественную коалицию, выдвинуть идею, проработать ее, предложить руководству страны и реализовать. И не исключено при этом, что через 15—20 лет мы с вами действительно сможем стать самой здоровой страной, избавившейся от наркотиков, алкоголизма, курения и других

форм химической и наркотической зависимости. Страной, которая потрясет воображение других народов своим раскрывшимся творческим потенциалом.

Для этого требуются огромная политическая воля, ее разработка, нетривиальность мышления. Но все это в избытке было в истории нашего народа и имеется сейчас.

А.А. НАГОРНЫЙ

По ухабам «реформирования»

Аннотация. Рассматривается современная ситуация в России, кризисные проблемы экономики, финансов, реформ, сегодняшних элит.

Ключевые слова: Россия, кризис, реформа.

Abstract. The text concerns the modern situation in Russia, crisis problems of economy, finance, reforms, current social elite.

Keywords: Russia, crisis, reform.

В течение последних 10—12 лет — в «путинскую эпоху» — были попытки осуществления около десяти кардинальных реформ, из которых памятли следующие:

- реформа системы управления (администрирования) с целью ее упрощения (вице-премьер Д. Козак);
- реформа сельского хозяйства;
- реформа ЖКХ;
- реформы армии, полиции и т. д.

И все эти начинания так и не были доведены до разумного конца. При этом их «реализаторы» каждый раз приходили к выводу, что их действиям помешали коррупция и связанные с ней проблемы. К группе реформаторов примыкают Министерство финансов, Центральный банк, другие властные структуры. Все эти люди — выходцы из среды реформаторов 1990-х. И даже если мы говорим об инвестициях и государственном контроле, схема действий остается прежней.

Следует отметить, что население к этому относится спокойно, жизнь «наверху» и в Кремле идет отдельно — своим чередом. На всех остальных уровнях она формируется таким образом, что изыскиваются любые возможные способы добыть необходимые средства и прожить конкретный промежуток времени. В такой ситуации срыв в бездну неизбежен, но невозможно определить, когда это случится — через два месяца, через полгода или через три года. Эти процессы будут раз-

виваться и дальше. Государство способно существовать в этом режиме энное количество лет, но в итоге срыв произойдет. Следует задаться вопросом об исходной точке: как ее распознать? Причины кроются в мировом глобальном финансовом кризисе. Говорится о второй волне, но она все еще в каком-то «жижеобразном» состоянии и никак не развернется до конца.

Опять же, этот процесс не может быть вечным, и, например, евразийская проблема в данный момент не имеет никакого разрешения. Там рано или поздно сформируются определенные кластеры, которые будут функционировать как центр, а остальные — в качестве рабочей периферии. Насколько сложен будет этот процесс, никто прогнозировать не может, однако у нас имеются основания утверждать, что европейская власть ничего не меняет в своих традиционных подходах, как и российская. В Соединенных Штатах действует подобная же схема. Нарастают социальные и финансово-экономические проблемы, увеличивается население, которое можно отнести к категории, более высокой чем отечественный средний класс, но система до сих пор функционирует.

Единственным отличным от других субъектом мирового процесса является Китай. И хотя наши либеральные эксперты постоянно предсказывают, что юань вот-вот упадет — этого не происходит, и вряд ли в ближайшее время произойдет. Эту ситуацию можно легко объяснить: Китай создал систему, основа которой — централизованное социалистическое планирование, совмещенное с рыночным механизмом на низших уровнях взаимодействия, и в этом смысле правительство контролирует ситуацию в стране. Кроме того, если мы обратим внимание на американо-китайские экономические отношения, то придем к выводу, что при их расторжении в Китае не возникнет социального бунта, потому что там идет планомерная переориентация на внутренний рынок, который занимает, по разным оценкам, 75—85%.

Если посмотреть на ситуацию в России — то увидим, что критическая масса либеральных экспертов пишет доклады, в которых стремится укоренить либеральную составляющую, и так достаточно сильную. В качестве примеров можно привести Фонд Карнеги, сообщающий о поражении госкапитализма как строя и о том, что необходимо более быстрыми темпами двигаться к светлому либеральному будущему; документы, которые предоставляют военные из ФИАС относительно того, что необходимо в кратчайшие сроки сократить на 75—80% тактическое ядерное оружие, причем неразумность этой идеи видна даже неспециалистам, потому что в случае выполнения условий по соглашению с американцами (при том, что мы имеем фактически недееспособную армию) мы остаемся незащищенными по всем

направлениям (Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток и пр.). В этой ситуации нашей верховной властью делаются попытки совершить «нечто». Возникают некие замыслы типа евразийского союза, стремление поднять военно-промышленный комплекс, но на данный момент они нереализуемы из-за отсутствия эффективного бюрократического механизма и его окружения. Экономические институты не пропускают к высшему руководству нашей страны полезные свежие идеи, и в этом плане, мне представляется, Россия проигрывает научно-техническое и военно-стратегическое соревнования.

Таможенный союз — верное направление, потому что ведет к реинтеграции, но в то же время он создает огромное количество практических и политических вопросов: открываются границы — как контролировать грузопотоки? каким образом обращаться с наркомафией? и т. д. Кроме того, с экономической точки зрения необходимо также отрегулировать механизмы, поскольку обрабатывается огромное количество документов. И без Украины, безусловно, этот процесс не будет активно протекать. Однако украинская элита, говорящая по-русски и русская по своей структуре, не стремится вступать в такие отношения с Россией, потому что опасается стратегической составляющей.

Верховная власть полагает, что Украине без наших ресурсов не удастся выжить в условиях кризиса, однако это далеко не так. Дело в том, что даже если кризис ликвидирует остатки их машиностроительной промышленности, то останутся химические заводы, производящие удобрения, а также благоприятные природные условия для сельского хозяйства, для выращивания на частных участках. Поэтому, полагаем, курс на давление срабатывать не будет.

С этого ракурса мы можем проанализировать все заявленные руководством направления «развития» и увидим одно и то же. Поэтому стоит острейшая необходимость прорвать замкнутый круг. Но вырваться из него не удастся из-за жесткой системы, которая извлекает из сложившейся ситуации огромные выгоды для своих членов и просто так не оставит свои позиции. Таким образом, представляется, что сегодняшняя стабильность продлится от полугода до 3—4 лет, затем, вероятнее всего, произойдет «вырыв», который либо приведет к окончательному разделению Российской Федерации на отдельные княжества, либо к возникновению совершенно новой платформы, которая будет основана на принципе сверхцентрализации.

В заключение отметим, что современную ситуацию в России можно охарактеризовать как «внутриэлитную разборку». И судя по всему, столкновения происходят довольно масштабные. В докладе о достижении режимом критического момента, который представил фонд Карнеги, главная идея — сохранить либеральную основу, либераль-

ную идеологему, наконец, вашингтонский консенсус как таковой. При этом эксперты и представители власти опасаются принятия стратегических отношений с Китаем.

* * *

9 января 2013 г. в г. Санкт-Петербурге состоялось заседание регионального объединения Академии философии хозяйства, в котором принял участие президент АФХ Ю.М. Осипов. На заседании состоялся обмен мнениями по проблеме социо-хозяйственного развития России. Поводом для заинтересованного разговора послужили тезисы Ю.М. Осипова, подготовленные им по итогам декабрьской 2012 г. международной конференции «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию», проведенной ЦОН при МГУ и Академией философии хозяйства в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (тезисы опубликованы в начале данного номера журнала).

* * *

12 февраля 2013 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему «Сеть как неотъемлемый феномен современного бытия: социум, сознание, культура, экономика», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, А.В. Бузгалин, Л.А. Булавка, М.В. Воропаев, Р.М. Нижегородцев, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук О.В. Доброчеев, В.И. Стасевич; предприниматель Т.В. Воеводина, соискатель И.И. Рудяк.

На семинаре рассматривались проблемы «сетей», охвативших собою почти уже все бытие человеческое. Теперь самое главное не в отношениях субъектов и их комплексах, не в явно выраженных социопарархиях, да и не в обществе с общественным хозяйством, а в сетях, зачастую попросту невидимых, в которых заключаются, путаются и трепыхаются уже не субъекты и их комплексы, не общество как таковое, а всего лишь элементы сети, или сетевые пленники, их масса, и элементам этим редко бывает вдомек, что у всякой сети есть свой сетуекладчик-ловец, а сеть... все-таки... это сеть, а не анархический социопасьянс.

* * *

Анонсы

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ СИМПОЗИУМ

Системное перестроение и новый облик объединенной Европы. Польша и Россия в актуальном международном контексте

Наличный кризис объединенной Европы и трансформационный выход из него. Новые европейские реалии: консолидация Европейского союза, его внутренняя централизация. Новоевропейский дирижизм. Польша и Россия в обновляющемся международном контексте. Роль евразийского фактора. Польша и Россия: взаимоприемлемое соседство и взаимовыгодное сотрудничество.

28 февраля 2013 г.

Польша, Варшава (по специальным приглашениям)

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

Неувядаемое учение

(к 500-летию создания пронциательным и мудрым Никколо Макьявелли бесстрашного и бессмертного произведения «Государь»)

Кто из образованных и ироничных остроумцев не знает, что такое макьявеллизм, выстраданный замечательным итальянцем-возрожденцем Никколо Макьявелли и кратко, но анатомически сногшибательно изложенным им в чудесном своем творении «Государь» («Князь», «Правитель»).

Многие знают! Кто-то приветствует, кто-то негодует, кто-то загадочно улыбается, а кто-то и сладострастно ухмыляется. Да, конечно, неустаревающее руководство для любого эффективного властителя, как правило, дурно все-таки понимаемое, но и нелицеприятное фокусное зеркало не одной лишь властной урядицы-усобицы, не только разноцветного ренессансного бытия, полного противоречий, страстей и преступлений, но и, быть может, человеческого мира

вообще, социума, истории, как и самого по себе человека? Итак: прозорливо, точно, жестко, справедливо, заманчиво, волнительно, тревожно, гадко — и... э-эх... актуально, актуально... и еще раз актуально!

12 марта 2013 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

20—21 марта 2013 г.

Пленарная конференция

***Российская экономика в глобальном контексте:
вызовы и императивы***

доклад Ю.М. Осипова

**«Государственно-корпоративный неодирижизм как императив
социально-экономического развития России»**

20 марта 2013 г.

Круглый стол лаборатории философии хозяйства

Развитие: что, как, кто?

Что есть развитие сегодня — вообще в мире и для России? Инновации, тем более заимствованные, не покрывают феномена развития, который имеет прямое отношение к целостным систематическим, непрерывным и восходящего свойства качественным переменам в социуме, хозяйстве, культуре, отражая изменения в состоянии, образе и типе общества, человека, институций, во всем характере бытия. Развитие — особый способ и ход жизнеотправления, а не просто модернизация средств производства и инфраструктуры, хотя созидание и обновление последних всегда необходимы. Развитие вширь и развитие вглубь: различие и единство. В современной России развитие сопряжено с мобилизацией: людского, профессионального и кадрового потенциала, финансовых и материальных ресурсов, созидательно-творческой энергии общества, а также с непременным преодолением препятствующих развитию и необходимых для его мобилизации негативных явлений, моментов, процессов, поведений. Отсюда потребность и обоснованность постреформизма в сочетании с неодирижизмом, не исключаящим неолиберализма. Субъект развития — все

общество, но под целеположенным направляющим влиянием государственно-корпоративного комплекса во главе с центральной властью. Иного не дано!

21 марта 2013 г.

**МГУ, первый учебный корпус на новой территории,
(Ломоносовский пр.)**

* * *

Ломоносовские чтения — 2013

**ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

***Инновационное развитие экономики России:
региональное разнообразие***

17—19 апреля 2013

Секция лаборатории философии хозяйства

***Неоиндустриализация как проективно регулируемый
инновационный процесс***

России необходима неоиндустриализация, осуществляемая вполне проективно под водительством и при участии государственно-корпоративного неоиндустриализма. Дело тут не в идейных симпатиях, а в жесткой необходимости. А потому: обоснование, концепции, механизмы!

18 апреля 2013 г.

Круглый стол

Российские университеты: что происходит?

19 апреля 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Своеобразие отечественной хозяйственной мысли
в контексте мировой экономической науки
и современный поиск новых парадигмальных решений***

Считается, что самое большее, на что будто бы была способна и остается способной отечественная экономическая мысль — повторять и в лучшем случае приспосабливать к российскому контексту внешнюю для России, в основном европейскую (западную), науку, идти в ее фарватере. Нельзя сказать, что таковой весьма незавидной данности в стране нет, но, содержание и значение российской мысли к столь не благовидной ситуации, конечно же, не сводится. Отечественная экономическая мысль всегда отличалась своеобразием, обусловленным исторической, культурно-цивилизационной, институциональной спецификой России, ее элитарного и общественного сознания, национального менталитета. Недаром в России был создан глубоко-мысленный «Домострой», имевший, кстати, западноевропейские аналоги, а также появились такие мыслители, как И. Посошков со своим поразительным учением о скудости и богатстве, о вещественном и невещественном богатствах, как и о многом другом жизненно важным, что содержалось в его комплексном труде «Книга о скудости и богатстве», на полвека опередившем известное смитовское сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором знаменитый шотландец уделит внимание лишь материальному богатству, как «второй Посошков — В. Кокорев», продолживший посошковское учение о правде, духовности и праведных законах, указывающий на феномен духоугашения как главную причину экономических провалов Российской империи, как личность-университет, мыслитель-энциклопедист М. Ломоносов, стоявший у истоков создания Императорского Вольного Экономического Общества, целью которого было «приращение земледелия и домостройства», как выдающиеся экономисты А. Шторх с его теорией цивилизации, а также Н. Мордвинов, А. Бутовский, видевшие и фиксировавшие особенности российской хозяйственной жизни и в силу своего лояльного отношения к российскому феодализму зачисленные советской и либерально-буржуазной историей науки, как, собственно, и гениальный Посош-

ков, в разряд ретроградных крепостников, достойных лишь осуждения и забвения, как замечательные хозяйственные практики А. Болотов, А. Фет (автор «Лирического хозяйства») и А. Энгельгард («Письма из деревни»). Бесспорный вклад в отечественную и мировую экономическую мысль внесли так называемые русские народники: А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев, П. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Ткачев, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Даниельсон, С. Кривенко, а также опять же так называемые славянофилы: И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин, К. Аксаков, идеи которых были прямо обусловлены самобытностью России, существенным отличием ее хозяйственной жизни от по-капиталистически развивавшейся Европы. Плодотворно трудились в России и своеобразно мыслили вполне общечеловеческие М. Туган-Барановский, А. Чупров, Д. Менделеев, Н. Кондратьев, А. Чаянов. В начале XX в. усилиями выдающегося мыслителя С. Булгакова в России возникла не имеющая аналогов в мире философия хозяйства — вполне самостоятельное и истинно новаторское учение — обязанная своим появлением кризису широко распространенным на Западе и в тогдашней России политической экономии, позитивистской философии и атеизма. Брошенная в забвение в советское время, тотально окрашенного марксизмом, отечественная философия хозяйства возродилась на рубеже XX — XXI вв. и имеет возможность ныне плодотворно развиваться. Не смогли обойти специфику России и не отразить в своих трудах и сторонники западных научно-практических школ — что смито-рикардианской, что той же марксистской — в частности В.И. Ленин и И.В. Сталин — уже как строители нового, социалистического по замыслу, хозяйства. Несомненным своеобразием отличилась и советская экономическая наука, создавшая целостную систему общественного — государственного и кооперативного — планового хозяйства. Настало время непредвзято и основательно «осмыслить мысль» — российскую экономическую мысль, и сделать это в контексте мировой экономической мысли, причем осмыслить как мысль своеобразную, принадлежащую российской цивилизации, отражающую отечественные реалии. Это было бы верно и справедливо как с патриотической, так и с международной, а лучше бы сказать — с мировой, точек зрения, и тем самым обогатить содержательно поиск новых парадигм экономической науки и хозяйственного развития.

20—21 июня 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского**

на тему:

Философия хозяйства как антикризисное мировоззренческое учение

Философия хозяйства родилась в начале XX в. в ответ на большой комплексный кризис европейской цивилизации, российской империльности, гуманистического мировоззрения, рационально-материалистической и позитивистско-прагматической философии, физикалистической обществоведческой науки, а также христианской религиозности и набравшего силу атеизма. И возродилась философия хозяйства на рубеже XX—XXI вв. вследствие все того же кризиса, его новой волны, ознаменовавшей переход от кризиса Модерна к кризисному уже по своей сути Постмодерну. Предложение иного мировоззрения — историческая миссия философии хозяйства.

Октябрь 2013 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

**«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»**

на тему:

Кризис в угоду человечеству: потери, перемены, обретения

Кризис бывает, чтобы человеку убедиться, понять, осознать, изменить и измениться, как и потерять и обрести. Так по преимуществу и случается, что вовсе не значит, что в необходимой мере и в нужном

направлении. Ныне даже не кризис, а кризисное состояние всего бытия, если не вообще кризисное бытие. Кризис общепланетарен, он не во всем заметен, во многом скрыт, вялотекуч, хотя и неотвратимо упорен, раскатист, крайне затейлив, а потому особенно коварен, почти безысходен, всюду апокалиптичен. Контекстные причины и внутренние пружины кризиса. Что говорит человечеству нынешний кризис, что можно от него ожидать и на что рассчитывать человечеству? Если не на выход, то на какие последствия? Антикризисная функция философии хозяйства.

19 ноября 2013 г., в 15 часов
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Международное воспроизводственное обустройство
евразийского (постсоветского) пространства:
экономика и политика***

Современный планетарный мир — мир международного обустройства, региональной и мировой интеграции, тотальной глобализации. Всесторонне и плотно организованное хозяйственное пространство. Мир больших оргсистем. Мир-экономика, а наряду с ним и мир-политика. Евразия, постсоветское пространство, Россия и тяготеющие к взаимодействию евразийские и постсоветские субъекты-государства. Евразийская интеграционная концепция, ее отличие от европейской и любой имперской. Россия, Китай, Индия — основные устроительные игроки в Евразии, их возможное целостное взаимодействие. Не слияние и не союз, а договорный комплекс на основе и в рамках международной воспроизводственной солидарности. Проблемы, шансы, решения. Искомые плоды.

Секции:

1. Евразия как пространство интеграционных возможностей.
2. Экономика больших целостных пространств и Евразия.
3. Евразийская стратегия: замыслы и реальности.

4—6 декабря 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2013 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2014 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2013 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (osipov.msu@mail.ru).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (shylevsk@mail.ru).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ (morskaya67@bk.ru).

ЛАЧАЕВА МАРИНА ЮРЬЕВНА,

д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории России, исторический факультет, Московский государственный педагогический университет; профессор, кафедра источниковедения, исторический факультет МГУ (lachaeva@mail.ru).

ШЕВЧЕНКО ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (managerial@mail.ru).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (marina.eloyan@mail.ru).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московская финансово-промышленная академия (Orient-express@rambler.ru).

КАРА-МУРЗА СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.х.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН (skaramur@rambler.ru).

ЗЯБЛЮК РИММА ТРОФИМОВНА,
д.э.н., доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ (*mrt17@mail.ru*).

ПОКРЫТАН ПАВЕЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,
д.э.н., профессор, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ (*pashmsu@mail.ru*).

РУДЯК ИРИНА ИЗЯСЛАВОВНА,
действительный член АФХ, соискатель степени к.ф.н., кафедра эстетики, философский факультет МГУ (*panterafilm@mail.ru*).

НИКОЛАЕВ АЛЕКСЕЙ БОРИСОВИЧ,
д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ (*alexeynikolaev@inbox.ru*).

ГОРШКОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,
младший научный сотрудник, лаборатория по изучению рыночной экономики, экономический факультет МГУ (*an.gorshckoff@yandex.ru*).

СЛАВИН БОРИС БОРИСОВИЧ,
к.ф.-м.н., директор по исследованиям и инновациям, группа компаний «АйТи» (*bbslavin@gmail.com*).

БАЛДЫЧ НАТАЛИЯ ИВАНОВНА,
к.н. по госуд. управ., доцент, кафедра управления национальным хозяйством, Национальная академия государственного управления при Президенте Украины (г. Киев) (*nbaldych@mail.ru*).

СКОТНЫЙ ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ,
член-корреспондент АФХ, к.э.н., доцент, факультет экономического образования и управления, Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко (*skotnyu@ukr.net*).

СОТНИКОВА КРИСТИНА ИЛЬНИЧНА,
младший научный сотрудник, кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ (*krstotnikova@mail.ru*).

ДОМБРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ,
к.э.н., заместитель директора, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины (г. Киев) (*ilin_vv@ukr.net*).

СИЗОВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, ректор, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (*rektor@vsei.ru*).

СИЗОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА,
д.б.н., профессор, декан, Вятский социально-экономический институт (г. Киров) (dekando@vsei.ru).

ВОРОБЬЕВА ЛЮБОВЬ СЕРГЕЕВНА,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой философии и политологии, Национальный университет государственной налоговой службы Украины (г. Ирпень) (lubava_61@mail.ru).

КУТЫРЁВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (kut.va@mail.ru).

КОРОВИН АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ,
к. филол. н., доцент, кафедра всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет (avkorovin@mtu-net.ru).

ЕСИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА,
к.ф.н., доцент, кафедра социологии и политологии, Тульский государственный университет (rostovtsevali@rambler.ru).

НИКОНОВ АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,
д.и.н., заслуженный работник культуры России, заместитель председателя, Межгосударственный союз городов-героев и городов Воинской Славы; член Союза писателей России (rostovtsevali@rambler.ru).

ГРИНБЕРГ РУСЛАН СЕМЕНОВИЧ,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор, директор, Институт экономики РАН (grinberg@inecon.ru).

ЛЕОНТЬЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, политический обозреватель, «Первый канал», главный редактор журнала «Однако» (odnako@ortv.ru).

МАРКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, проректор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; директор, Институт политических исследований; член Общественной палаты РФ (duma.gov@gmail.com).

НАГОРНЫЙ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ,
действительный член АФХ, к.и.н., профессор, заместитель главного редактора, газета «Завтра» (aanagor@rambler.ru).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2013 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

